

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ –
филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения
«Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук»

АРХЕОЛОГИЯ
И
ЭТНОЛОГИЯ
СЕВЕРНОГО
КАВКАЗА

№ 7

НАЛЬЧИК • 2017

УДК 902(470.6)+39(470.6)
ББК 63.48(235.7)+63.529(235.7)
А87

Редакторы:

Бгажноков Барасби Хачимович
доктор исторических наук

Фоменко Владимир Александрович
кандидат исторических наук, доцент

А87 Археология и этнология Северного Кавказа. № 7. – Нальчик:
Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 174 с.

Очередной номер журнала включает в себя статьи, разрабатывающие актуальные вопросы археологии и этнологии Северного Кавказа. В издании публикуются материалы древних и средневековых памятников Северного Кавказа, а также региональные этнологические исследования; рассматриваются проблемы средневековой истории народов Кабардино-Балкарии и сопредельных регионов.

Издание рассчитано на научных и музейных работников, преподавателей, краеведов, широкую аудиторию читателей.

На обложке изображение серебряной рельефной пластины из горита с золотыми накладками (Семибратний курган, № 2. Раскопки В.Г. Тизенгаузена, 1875–1876. Эрмитаж); на титульной странице – серебряный позолоченный фалар (курган у г. Кореновска, 1968. Краснодарский музей).

THE INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH –
Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment
“Federal Scientific Center “Kabardian-Balkarian Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences”

ARCHAEOLOGY
AND
ETHNOLOGY
OF THE NORTH
CAUCASUS

№ 7

NALCHIK • 2017

UDK 902(470.6)+39(470.6)
BBK 63.48(235.7) + 63.529(235.7)
A87

Editors:

Bgazhnokov Barasbi Khachimovich,
Doctor of Historical Sciences

Fomenko Vladimir Aleksandrovich,
Candidate of Historical Sciences, assistant professor

A87 Archaeology and ethnology of the North Caucasus. №7. – Nalchik:
Publishing Department of the IHR KBSC RAS, 2017. – 174 p.

Last number of journal includes articles developing topical questions of archaeology and ethnology of the North Caucasus. Materials of ancient and medieval monuments of the North Caucasus and also regional ethnological researches are published in the issue. The problems of medieval history of people of Kabardino-Balkaria and adjacent regions are examined.

The issue is addressed to scientists, museum staff, lecturers, local historians, vast audience of readers.

There is a picture of silver relief lamination of gorytos with gold plate caps (Semibratniy mound № 2. Diggings of V.G. Tizengauzen, 1875–1876. The Hermitage Museum); there is a silver gilt plate (mound near Korenovsk town, 1968. Krasnodar museum).

СОДЕРЖАНИЕ

Древняя история и археология

<i>Бубенок О.Б.</i> (Киев) Древний кавказский (адыгский) субстрат в Северном Причерноморье	7
<i>Бгажноков Б.Х.</i> (Нальчик). К культурной истории майкопско-анатолийских племен (гениохи и Гениохия)	33
<i>Новичихин А.М.</i> (Анапа). Письменные источники о синдах и Синдике ...	61
<i>Прокопенко Ю.А.</i> (Ставрополь). Исследование курганов и других археологических памятников в южных районах Ставрополя в конце XIX – начале XX в.	80
<i>Бакушев М.А.</i> (Ростов-на-Дону). Погребальный памятник кобанской культуры у Эльхотовских ворот: Змейский могильник	88
<i>Бурков С.Б.</i> (Владикавказ). Каталог С.И. Ходжаш как источник по изучению древнеегипетских скарабеев	106
<i>Fomenko V.A.</i> (Nalchik). About some Actual Issues of Socio-Economic and Ethnic-Cultural Development of the Northwestern and Central Caucasus in Ancient Times and the Middle Ages	123
<i>Фоменко В.А.</i> (Нальчик). Археологи Н.А. Шафиев и А.Х. Нагоев – исследователи курганов старокабардинской культуры	128

Этнология

<i>Чумичева О.В.</i> (Москва). Парадоксы «черкасской веры»: между исламом, христианством и языческими традициями	133
<i>Остахов А.А.</i> (Североморск). Артиллерия черкесов в Кавказской войне (1765–1864)	146

Рецензии. Дискуссии

<i>Бгажноков Б.Х.</i> (Нальчик). Новые данные о культурно-языковом взаимодействии народов Северного Кавказа и юго-восточной Европы. Отзыв о рукописи книги О.Б. Бубенка «Адыги в Северном Причерноморье»	158
<i>Кодзоев Н.Д.</i> (Назрань). О фальсификации одного мифа	166
Сведения об авторах	172

CONTENT

Ancient history and archaeology

<i>Bubenok O.B.</i> (Kiev) Ancient Caucasian Substrate in the Northern Black Sea Region	7
<i>Bgazhnokov B.H.</i> (Nalchik). About Cultural History of maikop-anatolians Tribes (heniochis and Heniochia)	33
<i>Novichikhin A.M.</i> (Anapa). The written sources about the Sindians and Sindica	61
<i>Prokopenko Yu.A.</i> (Stavropol). Research other Mounds and Archaeological Monuments in the Southern District of Stavropol in late XIX – early XX century	80
<i>Bakushev M.A.</i> (Rostov-on-Don). Funeral monument of the Coban culture at Elkhotovsky gate: Zmeysky burial ground	88
<i>Burkov C.B.</i> (Vladikavkaz). Catalogue of S.I. Khodzhash as the Source for Research of the Ancient Egyptian Scarabs	106
<i>Fomenko V.A.</i> (Nalchik). About some Actual Issues of Socio-Economic and Ethnic-Cultural Development of the Northwestern and Central Caucasus in Ancient Times and the Middle Ages	123
<i>Fomenko V.A.</i> (Nalchik). Archaeologists N.A. Shafiyev and A.Kh. Nagoyev – researchers of barrows of the Old Kabardian culture	128

Ethnology

<i>Chumicheva O.V.</i> (Moscow). Paradoxes of the «Circassian faith»: between Islam, Christianity and pagan traditions	133
<i>Ostakhov A.A.</i> (Severomorsk). The Circassian Artillery in the Caucasian War (1765–1864)	146

Reviews. Discussions

<i>Bgazhnokov B.H.</i> (Nalchik). New data about the cultural and linguistic interaction of the north-caucasien peoples and peoples of the south-eastern Europe. The review about the manuscript of the book “O.B. Bubenok. The Adygs in the Northern Black Sea Coast”	158
<i>Kodzoev N.D.</i> (Magas). About Falsification of One Myth	166
The authors of this issue	173

О.Б. Бубенок
(г. Киев)

ДРЕВНИЙ КАВКАЗСКИЙ (АДЫГСКИЙ) СУБСТРАТ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Некоторые исследователи уже давно высказывали предположение, что определенной количество названий украинских рек могли иметь кавказское происхождение. Советский академик Н.Я. Марр был одним из первых учёных, кто высказал эту точку зрения. Это полностью соответствовало его «яфетической теории». Однако со временем его теория была развенчана и в результате длительное время советские исследователи не могли заниматься проблемой древнего кавказского субстрата в Северном Причерноморье. Только, начиная с 60-х гг. XX в., украинские и российские учёные начали писать снова об этом. Они смогли отметить явное кавказское влияние в названиях некоторых рек украинской степи и лесостепи. Среди них – *Псёл, Унава, Ворскла, Суба, Томаковка* и т.п. Средневековые письменные источники не фиксировали присутствие значительного массива кавказского населения в Северном Причерноморье. Поэтому, весьма вероятно, что эти гидронимы могли появиться в древности.

Кроме того, в этой статье особое внимание сосредоточено на происхождении суффиксов *-ко* и *-енко*, которые являются неотъемлемой частью многих украинских фамилий. Автор данной статьи придерживается мнения, что суффикс *-енко* происходит из суффикса *-ко*, имеющего значение «сын». Однако нельзя поддержать идею, что фамильный суффикс *-ко* якобы связан своим происхождением с уменьшительными славянскими суффиксами *-ко* или *-ка*. Гипотеза о северокавказском происхождении суффикса *-ко* в украинских фамилиях выглядит более приемлемой, потому что в языке черкесов суффикс *-ко* играет не только роль образующего окончания, но и сохранил свое самостоятельное значение: слово *-ко* означает «сын». Однако нельзя поддержать гипотезу о появлении этого явления на территории Украины в позднее средневековье, потому что письменные источники этого периода не зафиксировали какой-либо значительной миграции черкесов в украинское Поднепровье. Поэтому гипотеза о суффиксе *-ко* как о следе древнего адыго-кавказского субстрата более убедительна; она подтверждается данными гидронимии Левобережной Украины.

В соответствии данным археологии, во времена энеолита и бронзы существовали интенсивные культурные связи между населением Северного Причерноморья и Кавказа. Пока не ясно, кто были первоначальные обитатели Северного Причерноморья: с одной стороны, это могло быть аборигенное кавказоязычное население, которое было ассимилировано пришельцами индоевропейского происхождения; с другой стороны, кавказские мигранты могли периодически переселяться в Северное Причерноморье, где они интегрировались в среду местного индоевропейского населения.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Н. Марр, древний кавказский субстрат, гидронимы, Псёл, суффикс *-ко*, фамилии, энеолит и эпоха бронзы, кавказоязычное население.

I

Исследователей уже давно волнует вопрос: кто проживал на юге Восточной Европы до появления здесь индоевропейцев? К сожалению, источниковедческая база для таких научных поисков весьма ограничена. Однако уже имеющийся материал позволяет сделать определённые предположения. Прежде всего, это касается данных гидронимии. Опыт под-

сказывает, что наиболее стойкими отголосками прошедших эпох на географических картах являются, прежде всего, названия рек и озёр. В то же время топонимы, как названия поселений и целых стран, очень изменчивы, ибо сильно зависят от политической конъюнктуры. В этом отношении Северное Причерноморье не является исключением, ибо на его территории существует немало очень давних гидронимов. Есть среди них и те, происхождение которых резоннее связывать с кавказскими языками. Однако последнему направлению научных поисков не очень повезло в XX в., ибо негативному отношению научного мира к данной проблеме способствовала деятельность советского академика Н.Я. Марра.

Еще в начале XX в. Н.Я. Марр создал «яфетическую теорию», краеугольным камнем которой стало учение о родственности кавказских языков¹. В дальнейшем он старался доказать, что языковое развитие происходило не сколько в соответствии с языковым деревом, как того требовала классическая индоевропеистика, сколько, наоборот, путем смешения и «скрещивания» языков. На основании своих же предположений Н.Я. Марр сделал следующие выводы: 1) все современные языки, а с ними и современные народы, представляют собой следствие смешения в древние времена; 2) этим он утверждал приоритетность автохтонного развития, которое происходило на месте непрерывно от стадии к стадии, путем интеграции соседних групп, что позволяло игнорировать роль миграций; 3) язык, культура, раса, религия и т.п. – это лишь исторические категории, которые испытывали изменения во времени, т.е. между ними нет жестких корреляций; 4) культуры и языки, в том числе древние, были не просто смешанными, а классовыми по своей сущности. Иначе говоря, Н.Я. Марр выводил этничность из этнической стратификации, которая образовалась в результате слияния разных племен, занимавших, по его мнению, в новой социальной общности различные социальные позиции, образуя своеобразные состояния². Развивая дальше свою концепцию, Н.Я. Марр начал утверждать, что древнейшие яфетические (кавказские) языки в следствие социально-экономических сдвигов начали превращаться в индоевропейские, что совпало с началом поры металла³.

Таким образом, Н.Я. Марр стал творцом «теории универсальных социально-экономических стадий», что, по его мнению, отвечало «определенным языковым системам и состояниям». Считая язык надстройкой, Н.Я. Марр утверждал, что языки изменяются в соответствии с изменением хозяйственных и общественных форм⁴. Н.Я. Марр ввел понятия о «яфетической стадии», которая, по его мнению, стала основой якобы для всех языков мира. Он даже верил в то, что «славяно-русская» общность сложилась на основе «скифо-яфетической»⁵.

Следует отметить, что в 20–30-е гг. XX в. многие советские историки должны были считаться с основными положениями Н.Я. Марра. По мнению В.А. Шнилермана, «яфетическая теория» Н.Я. Марра в 20–30-е гг. XX в. в СССР получила поддержку по нескольким причинам. Во-первых, Н.Я. Марр стоял на позициях интернационализма. Во-вторых, учение Н.Я. Марра отвечало концепции тогда популярного историка М.М. Покровского, соответственно которой следует изучать, прежде всего, этапы, общие для истории всех народов, несмотря на отличия между ними. В-третьих, Н.Я. Марр считал, что человечеству с давних времен была присуща именно классовая структура в следствие группового сме-

нения. В-четвертых, идеи автохтонизма «яфетической теории» были противопоставлены миграционистским концепциям, очень популярным в Германии⁶.

Таким образом, Н.Я. Марр стремился доказать, что в Восточной Европе «яфетические», т.е. кавказские, языки предшествовали появлению индоевропейских и алтайских. В этом можно убедиться, ознакамливаясь с содержанием пятого тома собрания сочинений Н.Я. Марра, изданного уже после его смерти в 1933 г.⁷ Интересно, что в этом томе есть статья, носящая название «Яфетические зори на украинском хуторе»⁸. Весьма характерно, что в этой публикации Н.Я. Марр попытался выделить на территории Украины древние кавказские топонимы, к числу которых он отнёс название «Ольвия» и одну из форм для обозначения Киева – «Куйаба»⁹. Что же касается кавказских гидронимов в Северном Причерноморье, то Н.Я. Марр их не выделил в этой работе. Это он сделал в другой статье «Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси», где он связал с «яфетидами» названия рек – *Thanais (Don), Dan-ub (Don-aw)* и т.п., а также Чёрного моря – *Pont*¹⁰.

Спустя более 15 лет после смерти Н.Я. Марра, 20 июня 1950 года, его учение было развенчано с выходом работы И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», а сам он был подвергнут официальной критике за «идеализм» в языкознании. С тех пор советские ученые даже боялись говорить об автохтонном происхождении народов, ибо они тотчас могли получить ярлык «марристов». Однако, как говорится, «шила в мешке не утаишь», – спустя несколько десятилетий исследователи из Украины и России вновь подняли вопрос о доиндоевропейском кавказском населении в Северном Причерноморье. Доказательство этого они видели в гидронимах Украины, которые, по их мнению, имели древнее происхождение. Первым, кто возобновил данное направление исследований, был украинский филолог-эмигрант В. Чапленко. Он считал, что «адыгейские языки» были для славянских и балтских языков «субстратными языками». Доказательство этого он видел, прежде всего, как в лексике украинского языка, так и в названиях рек на территории Украины. Например, название реки *Самара*, которая является притоком Днепра (рис. 1), он выводил от адыгейского слова *сам* – «собранная вместе». С кавказскими языками он также связывал гидронимы *Дон, Дунай, Днепр* и *Азовское море*¹¹. Что же касается приверженцев подобных идей в Восточной Европе, то к их числу следует отнести Л.И. Лаврова, В.П. Кобычева, К.Н. Тищенко, Ю.Л. Мосенкиса и др.

Так, известный этнограф Л.И. Лавров не сомневался в том, что уже в I тыс. до н.э. существовали тесные связи между населением Северного Причерноморья и Северного Кавказа. Доказательство этого он видел в зафиксированных письменными источниками названиях племен и топонимах: «Например, племя керкетов на Кавказе и город Керкенигида (сейчас Евпатория); город Коракондами, племя кораксы и горы Кораксейские – на Кавказе, а также населенный пункт Коракс – в Крыму; населенный пункт Скопел – на Кубани и в Северо-Западном Причерноморье, составная часть названия крымского города Пантикапея и речки Пантикопы на юге Украины и т.п. ... Относительно наименования крымских тавров, то его аналогией является название одного из протоадыгских племен того же времени – торетов. Эта аналогия станет более понятной, когда отметим,

что в адыгских языках нет гласного звука “о”, его заменяют дифтонги “уе” или “еу”. Поэтому слово “торет” в произношении адыгейца или кабардинца звучит как “теурет”»¹². Кроме того, Л.И. Лавров обратил внимание на украинскую гидронимию. Так, он считал, что название реки *Псёл* было связано с адыгским термином *псы* – «вода»¹³.

Не вдаваясь в подробности, отметим, что сходство некоторых отмеченных исследователем топонимов и этнонимов можно объяснить не только широким расселением адыгских племен, но также и тем, что в I тыс. до н.э. в Северном Причерноморье и на Северо-Западном Кавказе обитали одни и те же близкородственные этнические группы индоевропейского происхождения – скифы, греки и т.п. Что же касается гидронима *Псёл*, то на сегодня практически никто из современных исследователей не отрицает связь его происхождения с Кавказом.

К их числу принадлежит В.П. Кобычев. Несколько десятилетий назад В.П. Кобычев в своей научно-популярной книге «В поисках прародины славян» также затронул вопрос о пребывании в прошлом на землях Украины выходцев с Северного Кавказа. Так, следы пребывания адыгов в Северном Причерноморье исследователь склонен связывать, прежде всего, с названием реки *Псёл*. Кроме этого, подобных свидетельств он обнаружил немало (рис. 1): «Лингвистика, топонимика и этнография также свидетельствуют о том, что между двумя названными регионами с давних пор существовали самые тесные и широкие связи. Ряд таких гидронимов, как *Псёл*, *Пселец*, *Псинка*, *Псура* от адыгского *пс* (“вода”), приводит советский лингвист В. П. Петров. К ним можно добавит *Томако* – остров на Днестре, реки *Редединку* (*Редедя* – легендарный касожский богатырь, упоминаемый русской летописью) – на Волини, *Унаву* – приток Ирпени (от адыгского *уна* – “дом”, ср. по соседству река *Домашняя*), *Уну* – в Словении, населенный пункт *Псышуха* (ср. *Нечепсухо* – река в Шапсугии) и т.д. К абхазо-адыгским языкам, кажется, восходят, судя по образуемому форманту *т*, *и* (в абхазском языке показатель места) и общему облику модели, такие гидронимы Карпато-Дунайского бассейна, как *Олт* (средневековое – *Алюта*), *Прут*, *Серет* (ср. кавказские античные названия: *Псит*, *Фат*)»¹⁴. Кроме того, В.П. Кобычев считал, что название восточных славян VI ст. – *анты* имеет кавказское происхождение: «В сохранившихся фрагментах убыхского языка (одного из черкесских племен) *анта* обозначает “чудовище, лесной человек”»¹⁵. На основании этих предположений исследователь сделал вывод, который все же требует доказательств: «Безусловно, анты VI в. н.э. в этническом отношении были стопроцентными славянами, но какая-то примесь какаского субстрата могла быть в них». Таким образом, В.П. Кобычев дает понять, что приблизительно в то время, т. е. во времена поздней античности и раннего средневековья, на землях Северного Причерноморья могли появиться гидронимы кавказского (адыгского) происхождения, что стало следствием расселения здесь антов, которые, по его мнению, имели северокавказское происхождение¹⁶.

Проблемой связей населения Северного Причерноморья и Кавказа занимался лингвист К.Н. Тищенко. Следы этих контактов он также видел в некоторых гидронимах Северного Причерноморья. К числу древних кавказских гидронимов К.Н. Тищенко отнес, прежде всего, названия рек (рис. 1): «*Псло* (*Псел*, *Псиоль*, *Псль*, *Песель*), а также и *Пселець*, *Псоля*», которые «этимологически приближены к адыгейского *псы* “вода”». Как доказа-

тельство этого, исследователь привел такие примеры: «Адыг. *псы*, *убых. bze* “вода” и груз. диал. *р̄ša* “источник” часто встречаются в топонимии Кавказа, например, *Псе-шебс*, *Пс-ыш*, *Пш-иш*, *Пс-оу*, *Пс-ху*, *Псы-гансу*, *Туа-псе*, *Макопсе*, *Пш-еха*, *Пш-авели* и т.п.». Кроме того, с давним кавказским влиянием К. Н. Тищенко связывает также происхождение гидронимов **Ворскла** и **Суба**, **Суббот**, **Собот**, **Саба**. Аналогии первому исследователь видит не только в грузинском *vercxli*, мегрельском *varčxli*, *k' varcxli*, сванском *varčli* – «серебро», или грузинском *varcli* – «корыто», а также в дагестанских языках: «лезг. *ӯрр*, рут. *ӯрр*, лак. *ба̄рр*, арч. *ба̄рри*, лезг. *водворот*, но-*вур*, чам. *и-г̄вир*, анд. *ъи-г̄вур*, таб. *да-гар*, а также аварские слова *г̄лор* – “речка” и *х̄лор* – “озеро”». Что касается второй группы гидронимов, то К.Н. Тищенко указал на их возможную связь с лезгинским *сoвал(а)* – «гора, сага», цахурским *сува*, табасаранским *сив* – «обрыв», чеченским *шу* – «холм, возвышение». По поводу этого исследователь отмечает: «Показательно, что речка *Суббот* *Кв* протекает в глубоком овраге (с. Малополовецкое Фастовского р-на)»¹⁷.

Несколько иначе к решению проблемы подошёл Ю.Л. Мосенкис. Он попытался сравнить гидронимы Украины и Грузии. Сравнительный анализ позволил ему отнести к числу картвельских следующие гидронимы Украины (рис. 1): **Скаронинка** – правый приток Южного Буга; **Сара** – названия двух правых притоков Псла; **Цикла** – приток Киблича, левого притока Соба, являющегося левым притоком Южного Буга; **Ингул** – приток Южного Буга (ср. река в Грузии – *Inguḡi*); **Хорол** – правый приток Псла; **Ворскла** (ср. груз. *varsklavī* – «звезда»); **Сула** (ср. груз. *kseuli* – «разлившийся»); Роставица (ср. груз. *gustavi* – «начало ручья»); **Суба** – приток Тясмина в бассейне Днепра (ср. груз. *tba-* – «озеро», мегр. *toba-*, *tobo-* – «глубокий (о воде)», *tub(a)-* – «балка, озеро»); **Пионка** в Винницкой обл. (ср. груз. *r̄šani* – «много источников»); **Дунай** (*Danub*) (ср. груз. *dineba* – «течение», *dnoba* – «таяние» и т.п.); **Тетерев** (ср. груз. *tetri* – «белый») и т.п. Появление данных гидронимов Ю.Л. Мосенкис относит к эпохе энеолита, когда, по его мнению, существовали «контакты древних картвельских металлургов с носителями трипольской культуры на украинских землях»¹⁸. Наблюдения Ю.Л. Мосенкиса в ряде моментов можно считать спорными, но они свидетельствуют о том, что проблема древнего кавказского населения в Северном Причерноморье является более сложной, чем это представлялось ранее. Если следовать наблюдениям Ю.Л. Мосенкиса, то гидронимы картвельского происхождения встречаются в основном на Правобережной Украине, в то же время как, по данным других исследователей, гидронимы абхазо-адыгского типа имеют распространение на Левобережье Днепра (рис. 1). Наиболее примечательным из них является **Псёл**, который Ю.Л. Мосенкис не отнёс к числу картвельских гидронимов.

II

Среди современных гидронимов украинского Днепровского Левобережья на фоне названий славянского, иранского и тюркского происхождения как-то обособленно выглядит название реки **Псёл** (укр. *Псьол*, *Псел*, *Псло*). Эта водная артерия представляет собой левый приток Днепра и берёт начало в Белгородской области России, а дальше течет по Обоянскому району Курской обл. России и продолжает течь по террито-

рии Украины, проходя через территорию Сумской и Полтавской областей к своему впадению в Днепр ниже г. Кременчуг (рис. 1). На берегах Псла расположены такие известные населенные пункты, как Гадяч, Великие Сорочинцы, Богачка, Готва и др. Довольно интересно, что в этом районе Приднепровья получили также распространение реки с аналогичными названиями. Так, притоками Псла являются речки *Пселец*, *Псельчик* и *Псинка*, которые протекают через земли Сумской обл. Кроме того, в этом же районе находится речка *Псоля*, которая является правым притоком Днепра. Тем не менее на этом перечень аналогичных названий с основой на *Пс-* на территории Украины является далеко неисчерпанным. Однако бросается в глаза то, что в районе Левобережного Приднепровья существует целое сосредоточение таких гидронимов¹⁹.

Нет сомнений в том, что с этими гидронимами связаны названия населённых пунктов: сёла *Запселье* (укр. *Запсілля*) Великобагачанского и Кременчугского районов, а также село *Запсельское* (укр. *Запсільське*) Гадячского района Полтавской области; село *Запселье* Краснопольского района Сумской обл., и т.п.²⁰ Тем не менее, несмотря на такую распространенность этих названий в самом центре Украины, исследователи еще не пришли к единому мнению относительно обстоятельств и времени возникновения названий этих водных артерий. На этот счет существует несколько гипотез, которые, к сожалению, так и остаются недоказанными предположениями, учитывая то, что исследователи в значительной мере хронологически отдаляют от наших времен возникновения гидронима *Псёл* и других родственных ему названий. Поэтому следует разобраться в слабых местах существующих гипотез и сопоставить их с историческими реалиями.

Несколько десятилетий тому назад О.И. Яценко выводил название *Псёл* непосредственно из греческого *пселлос* – «темный»²¹. Тем не менее, это отнюдь не соотносится с историческими реалиями, так как о существовании в прошлом в этом районе значительного массива греческого населения не приходится говорить. Учитывая это, А.С. Стрижак отметил и лингвистическую необоснованность такого предположения: «Однако, как видно из древнейших фиксаций, *Псел* < **Пьсьль* (ср. *Псельь*, но к *Песлу*, *Песельський* и т.п.), где выделяется корень *Пс-* (< **Пьс-* < **pos-*) и суффикс *-ел* (< *-ьль*)»²².

Пытались исследователи объяснить происхождения названия *Псёл* и на славяно-балтском материале. В свое время А.А. Потебня названия типа *Псёл* сближал с восточнославянским *писать*, сербско-хорватским *пищать*, литовским *pissa* «cunnus», *pisti* «coire»²³. Довольно интересно, что А.С. Стрижак отдал предпочтение «этимологии Потебни»²⁴. Но в данной ситуации такое объяснение, как результат звукоподражания, выглядит крайне неубедительным и больше подходит для горных речек, чем для равнинных. Выглядит спорной также гипотеза М. Фасмера, который объяснял происхождения этого названия следующим образом: «От **пъсь*, т. е. «большая собака», с суф. *-ьль*, подобно словам *козёл*, *орёл*»²⁵. М. Фасмер таким образом намекает, что название *Псёл* следует переводить как «Собачья речка». Однако не понятно, причём здесь собаки? Хотя можно вспомнить названия переправ, мостов, где упоминается скот: англ. *Оксфорд* – «Бычий брод», греч. *Босфор* – «Бычья переправа» и т. п. Довольно интересно, что К. Мошинский также допускал подобную идею и потому поставил в один ряд названия *Псинка*, *Пселець*, *Псоля* (приток Днепра), *Псура* (бассейн

Десны), *Песья*, *Пес* (бассейн Сулы) и соответственно этому выводил их от корня *рѣс-* в значении «пѣс» по аналогии к *орѣл* < *орѣль*. Не смотря на это, он также предполагал, что часть этих названий происходит от славянского *pis-*: *рѣс-* «pstry» или *рѣс-* < *рѣд-s* как в греческом πιδάξ – «источник», πλοεα – «влажное место, луга». В результате К. Мошинский так и не пришел к окончательному выводу²⁶. Тем не менее, на сегодня гипотеза о славянском происхождении названия *Псѣл* находит все меньше сторонников, так как такой подход выглядит, по крайней мере, поверхностным, упрощенным. Однако лишь одна гипотеза довольно удачно, с лингвистической стороны, объясняет происхождение гидронимов типа *Псѣл*, хотя, на первый взгляд, недостаточно убедительно подтверждается данными исторических текстов.

Так, почти столетие тому назад О.М. Бодянский предложил сближение названия речки *Псѣл* с кавказскими гидронимами типа *Пса*, *Псе*, *Псекунс*, *Псыхуаба* и т.п. Как было сказано, в основе этих гидронимов находится корень *Псы-*, который на языке адыгов означает «вода, река»²⁷. Естественно, эта гипотеза нашла широкую поддержку среди исследователей Северного Кавказа адыгского происхождения. Так, Дж.Н. Коков в своей монографии «Кабардинские географические названия» отметил, что на территории Украины приобрели распространение гидронимы *Псел*, *Псинка*, *Пселець*, *Псельчик* и т. п., которые, по его мнению, имеют отношение к кабардино-черкесскому *псы* – «вода». Однако следует отдать должное кабардинскому исследователю, который по этому поводу был все-таки осторожен в выводах. В частности он подчеркнул: «Хотя среди известных этимологий данных названный существует и такая (О.М. Бодянского), которая сближает их с кабардино-черкесскими образованиями *Псыж*, *Псыхуаба*, вопрос этот требует дополнительного изучения»²⁸. Следует отметить, что гипотеза об адыгском (кавказском) происхождении названия реки *Псѣл* получила поддержку среди многих современных исследователей славянского происхождения.

Как уже отмечалось, В.П. Кобычев в своей книге «В поисках прародины славян» немало страниц посвятил вопросам переселения адыгов на земли Северного Причерноморья. С пребыванием адыгов он был склонен связывать, в первую очередь, гидроним *Псѣл*²⁹. К числу северокавказских гидронимов К.Н. Тищенко также отнес, как уже было отмечено, названия рек «*Псло* (*Псѣл*, *Псіоль*, *Пьслъ*, *Песель*), а также *Пселець*, *Псоля*», которые «этимологически близки к адыгейскому *псы* “вода”»³⁰.

Исследователи уже давно заметили, что гидроним *Псѣл* (*Псло*) имеет много общего с гидронимами в местах обитания адыго-абхазских народов на Северном и Западном Кавказе. Таких названий рек на Кавказе можно привести большое количество: *Пседах*, *Псекунс*, *Псоу*, *Псужь*, *Псыбэ*, *Псыбъундж*, *Псыгуэнсу*, *Псыджор*, *Псыгъуабжэ*, *Псыжь*, *ПсыкIыгъожь*, *ПсыIэху*, *ПсыкъепкIэ*, *Псымыгъу*, *Псымыхъу*, *Псынащхэ*, *Псынэф*, *Псытби*, *ПсытцIэ*, *Псыфыжь*, *Псыхуабэ*, *Псыхушхэ* и т.п.³¹ Учёные единодушны во мнении, что в основе этих гидронимов находится адыгское слово *псы-*. А.К. Шагилов в «Этимологическом словаре адыгских (черкесских) языков» дает следующую этимологию этого слова: «*псы* ‘вода’, ‘река’, ‘речка’ – в значении “река” (“речка”) в адыгейском слово встречается в композитах и в определенных сочетаниях; обычное (самостоятельное) название реки здесь *псыхэ*». Исследователь также видит соответствия это-

му адыгскому термину в абхазском *а-дзы* (в абазинском *дзы*) и убыхском *бзы* – «вода, речка»³². Таким образом, есть основания считать, что гидроним *Псёл* своим происхождением связан именно с адыгским *псы* – «вода, река». При этом не ясно, что означает вторая часть гидронима *Пс-ёл*?

В свое время А.С. Стрижак указал: «В этом свете следует напомнить еще гипотезу, выдвинутую М. Максимовичем, о том, что компонент *ол* в названиях *Псьол, Хорол, Угол, Оскол, Ворскла (Ворскол)*, очевидно, означает на каком-то из языков также “вода, река”, что, с нашей точки зрения, подтвердилось лишь для гидронима *Ворскла* в немного другой интерпретации»³³. О.Н. Трубочёв также отметил в названиях многих рек Левобережной и Правобережной Украины присутствующий компонент *-л*: *Перевал, Цимбал, Прикол* (бассейн Псла), *Чамишел, Орель, Ингул, Тилигул, Царегол, Гайчул* и т.п. Появление этих названий исследователь связал с влиянием тюркских языков. Что касается объяснения происхождения таких названий на Днепровском Левобережье, то О.Н. Трубочёв был по этому поводу довольно осторожным: «Хорол (вар. Хороль, Korol, п. п. Псла...) мы, в согласии с предшествующими исследователями, относим к числу иранизмов (ир. **Narava*-), в то время как близкий территориально *Псел/др.-русс. Пьсьль, Песель* (л. п. Днепра) представляется нам неясным»³⁴. Н.Н. Коринный придерживается также аналогичной идеи: «Псел (Песл). Очевидно, как и все остальные названия рек с компонентом *-ол, -оло, голь*, тюркского происхождения (ср. тур. *-öl* – трясина, болото)»³⁵. Однако возможно и другое объяснение.

В «Кабардинско-русском словаре» под редакцией Б.М. Карданова подобный термин *псылъэ* имел множество значений, одно из которых – «болотистая местность»³⁶. Таким образом, не исключено, что гидроним *Псёл* и кабардинский термин *псылъэ* могут быть между собою связаны. Однако названием реки не может быть название местности. Поэтому вероятно, что в далеком прошлом (а нам не известно, когда) река *Псёл*, которая имела множество притоков, была окружена вдоль своего течения большим количеством болот, то есть была заболоченной. Довольно интересно, что «Военно-топографическая карта Российской империи» (1869–1890) свидетельствует о том, что во второй половине XIX в. пойма реки *Псёл* имела заболоченный характер, прежде всего, в среднем течении. Об этом может свидетельствовать, например, фрагмент карты, где изображено место впадения речки Лютенькой в *Псёл*³⁷. По этому поводу Н.Н. Коринный в своей статье «Природные условия Переяславской земли в X–XIII вв.» заметил: «Весьма медленные и неширокие реки Левобережья вследствие равнинной местности образуют значительные по своим размерам долины с многочисленными старицами, непроходимыми болотами, их русла крайне закрученные, извилистые... В средние века значительную часть территории Левобережья занимали низменные болота с гипновой и гипново-травянистой растительностью, которая характерна для долин рек, полосы широколистных лесов и Лесостепи... Болота были серьезным естественным препятствием для орд степняков, служили местом спасения населения волости во времена тяжелых испытаний...»³⁸. Если в средние века долина реки *Псёл* была заболоченной, то возможно, что такой она могла быть и в более ранний период. Таким образом, вполне возможен вариант, что название упомянутой реки происходит от адыгского **Псыл-* и означает «Заболоченная (река)». В пользу этого предположения могут свидетель-

ствовать наиболее ранние формы этого гидронима, которые мало чем отличаются от современного названия.

Впервые река с таким названием упомянута в том фрагменте Ипатьевской летописи, где речь идет о походе Владимира Мономаха, который тогда был переяславским князем, против половцев в 1111 г. На пути к реке «Дон», в котором современные исследователи видят Северский Донец, войско Владимира вынуждено было пересечь несколько рек. Об этом в Ипатьевской летописи сказано: «...и вѣста Володимеръ и Стополкъ и целовастался . и поидоста на Половце. Стополкъ съ сномъ . Ярославъ и Володимеръ съ сынми . и Двдъ со сыном . и поидоша возложивше надежу на Ба . и на пречистую мать его . и на стыгя англъ его и поидоша . въ . в. неделю поста . а в пятокъ быша на Суле . в субботу поидоша и быша на Хороле . и ту и сани пометаша . а в неделю поидоша в нюже хрестъ целуютъ и приидоша на **Пслъ** . и отуди сташа на реце Голте . ту пождаша и вои . и ѿтудо идоша Въръскла...»³⁹. И уже второе упоминание древнерусских летописей о реке **Псёл** датируется событиями 1153 (6661) г. Так, в Ипатьевской летописи сказано: «В лето 6661 (1153) Посла Изяславъ сна своего Мъстислава на Половце . к **Песлу**...»⁴⁰. Такой именно вариант гидронима видим также в Воскресенской, Радзивиловской, Лаврентьевской и других летописях⁴¹. Таким образом, древнейшие известные нам формы гидронима – **Пслъ**, **Песл**.

Упомянут этот гидроним и в таком источнике XVII в., как «Книга Большому Чертежу». Так, в начале текста этого источника река Псёл фигурирует как ориентир: «А от верх Донца Северского к верх реке Ворсклу верст с 30; а Ворскла река вытекла ис под Муравския дороги и пала в Днепр, ниже Псла реки 20 верст»⁴². Содержит упомянутый источник и детальное описание бассейна Псла: «А ниже реки Сулы пала в Днепр река Псел, а вытекла река Псел из под Муравской дороги из под Думчеге Кургана. А от Днепра вверх по Пслу 50 верст пала река Хорол, от Сулы, а на Хороле от устья 20 верст город Хорол; на той же реке на Хороле Миргородок... А ниже реки Хоролы на Пслу город Голтва, от устья Хоролы 5 верст. А ниже Голтвы 10 верст на Псле город Мажденка. А выше Миргородка на Псле городище Старое, от Миргородка 10 верст. А выше Старого на Псле городище Новое, от Старого верст с 7. А выше Нового городища 10 верст городище Гадское, а Галичъ тож. А с верху от Муравские дороги 20 верст в реку Псел пала речка Пселец, ниже Белгородские дороги, что лежит в Белгород из Курска; а до верху Псла реки от Курска 70 верст; а от Белгорода 50 верст. А ниже Псла реки от Курска 70 верст; а от Белгорода 50 верст. А ниже Псла реки пала речка в Днепр Кобыльняк, от Псла 10 верст»⁴³. Возможно, что «Книга Большому Чертежу» содержит также одно из первых упоминаний о речке **Псоля**, которая является правым притоком Днепра: «А с правые с Литовские стороны Днепра, ниже города Могилева, пала в Днепр река Береза; с правые же стороны, выше Сулы, пала река Тесмень. А ниже Тесмени, против реки Псла, пала речка речка Омельник Псельской»⁴⁴. Таким образом, можно увидеть, что уже в начале XVII в. установилась современная форма написания реки – **Псёл** (**Псел**).

Относительно времени и обстоятельств появления названия реки **Псёл** на Днепровском Левобережье уместно привести слова известного этнографа-кавказоведа Л.И. Лаврова: «Сложным является вопрос о названии реки Псёл. Сторонники гипотезы адыгского происхождения казачества

видели в первой части этого названия адыгское слово “псы”, которое означает “вода”. Это довольно правдоподобно. Но как могла небольшая группа путешественников с Кавказа заставить местное население забыть старое название своей реки и пользоваться новым адыгским названием? Необходимо допустить одно из двух: или название Псёл не имеет отношение к адыгскому языку, или оно существует здесь не с XIV в., а с доисторической эпохи, когда на Украине могло проживать население, которое говорило на языке, родственном с адыгским»⁴⁵.

Как уже отмечалось, В.П. Кобычев полагал, что во времена поздней античности и раннего средневековья на землях Северного Причерноморья могли появиться гидронимы кавказского (адыгского) происхождения⁴⁶. Однако письменные источники не содержат конкретной информации относительно пребывания в средневековье и во времена поздней античности значительных групп выходцев с Кавказа на Левобережье Среднего Днепра.

Поэтому имеет смысл поддержать идею К.Н. Тищенко о давнем происхождении кавказских гидронимов на территории континентальной Украины. По его мнению, в далеком прошлом земли Северного Причерноморья представляли собой часть циркумпонтийской зоны, которая «по крайней мере с III тыс. до н.э. входила в сферу влияния кавказских и средиземноморских культур». Следствием этого, по мнению исследователя, является существование на современной карте Украины некоторых гидронимов кавказского происхождения⁴⁷.

Отметим ещё один момент – в реку Псёл, в её верховьях, впадают две реки: одна – Пселец, а другая – Псинка. Если в происхождении гидронима *Пселец* можно увидеть изменённое при помощи уменьшительного славянского суффикса *-ец* название реки *Псел* (*Псёл*), то происхождение гидронима *Псинка* явно не вписывается в предложенную схему. Конечно, к этому названию не причастно обозначение для собак. Здесь мы видим две составляющие: основу *Псин* и славянский суффикс *-ка*. Весьма примечательно, что на языке адыгов слово *псын* означает «родник»⁴⁸. Как известно, реки начинаются с родника. И поэтому нахождение гидронима *Псинка* в верховьях реки *Псёл* отнюдь не случайно.

Учитывая кавказское происхождение гидронима *Псёл*, отметим также параллели не только на Кавказе, но и в некоторых районах Восточной Европы, что может дать неожиданные результаты. Так, следует обратить внимание на пассаж в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера: «**Псков**, род. г. **-а**, *Пскова* – название реки близ *Пскова*...»⁴⁹. Как известно, письменные источники античности и средневековья никогда не давали оснований вести разговор о каких-либо переселениях населения с Кавказа на север Восточной Европы. Если название реки *Пскова* действительно имеет отношение к адыгскому *псы-*, то тогда можно говорить об очень древних процессах.

К отмеченным лингвистами гидронимам следует добавить ещё один. Так, В.П. Кобычев отметил название острова на Днестре – *Томако*⁵⁰. Однако ситуация с этим названием еще сложнее, ибо напротив острова была отмечена также река, правый приток Днестра, с подобным названием. На сегодня название *Томаковка* носят остров, река и возникший на берегах одноименной реки посёлок. Река и посёлок расположены на правом берегу Нижнего Днестра на территории Днепропетровской обл. (рис. 1). Известно, что это название давнее.

Ещё в начале XVII в. автор «Книги Большому Чертежу» несколько раз упоминает реку и остров «Томоковка». Так, остров упоминается при описании гидронимов Левобережья: «А в Конских Водах вода пресная; а Конские Воды пали в реку в Московку, а Московка пала в Днепр против острова Томоковки»; «А ниже Самари реки 6 миль пала в Днепр речка Московка, против острова Томаковки»; «А ниже Белекова, с Литовской стороны Червонные горы на 15 верстах... А ниже Червонных гор 15 верст остров Томоковка... А ниже Томоковки миля Лысая горка»⁵¹.

Автор «Книги Большому Чертежу» даёт также понять, что Томоковка – это название не только острова, но и близлежащей реки: «А ниже Суры 40 верст пала речка Хортица... А ниже Хортицы остров Хортица... А ниже Хортицы 20 верст речка Томаковка, протоку 40 верст, против остров Томаковка... А ниже Томаковки 30 верст речка Чертомлык»⁵². Таким образом, можно отметить, что, кроме Томаковки, также совпадают названия реки и острова, носящих название *Хортица*. Маловероятно, чтобы названия рек произошли от топонимов. Обычно всё в точности до наоборот: гидроним даёт название топониму.

Поэтому имеет смысл определить происхождение названия *Томаковка* (*Томоковка*). Если отбросить явно славянское окончание, то получим *Томако* или *Томак*. Интересно, что в кабардинском языке существует подобное слово – *тэмакъ*. «Кабардинско-русский словарь» под редакцией Б.М. Карданова даёт несколько значений этого слова: «1. горло; гортань; зев; 2. в знач. опр. горловой; гортанный»⁵³. Для названия реки такая семантика явно не подходит, хотя для названия острова это вполне приемлемо – остров получил название *Томак*, потому что находился напротив устья (т.е. горла) реки. Однако пример с названием реки и острова *Хортица*, позволяет придерживаться версии о первичности гидронима.

Следовательно, очень важна этимология кабардинского термина *тэмакъ*. А.К. Шагиров в своём «Этимологическом словаре адыгских (черкесских) языков» объясняет его происхождение так: «тюркское заимствование, ср. карач.-балк., кумык., *тамакъ*, ног. *тамак* ‘горло’, ‘гортань’. Абаз. *тамагъI* то же, надо думать, из кабардинского»⁵⁴. Однако в других тюркских языках, удалённых от Кавказа, для обозначения понятий «горло», «гортань» и т. п. используют иные лексические единицы, явно не похожие на *тамак*. Поэтому пока рано говорить о тюркском источнике данного слова в кабардинском языке. Даже если бы это слово имело тюркское происхождение, то оно вряд ли бы подошло для названия реки. Река не может называться «горлом», «гортанью», «устьем». Поэтому не следует отбрасывать версию об адыгских корнях как кабардинского слова *тэмакъ*, так и названия реки в Нижнем Поднепровье – *Томаковка*.

В связи с этим, особый интерес могут представлять близкие по звучанию слова в языке адыгов. Обратим внимание на кабардинские прилагательные: *тэмакъ* – «несдержанный», «вспыльчивый», «раздражительный», «жёлчный»; *тэмакъкIыхь* – «терпеливый», «сдержанный»⁵⁵. Как видим, эти слова несут семантическую нагрузку в значениях либо «бурная», либо «спокойная». Что мешает связать происхождение названия реки с этими терминами?

Однако нельзя говорить, что гидроним *Томаковка* (*Томак*) появился относительно недавно – в эпоху средневековья. Средневековые письменные источники не несут никакой информации о нахождении какой-либо

колонии черкесов или касогов в низовьях Днепра. Поэтому метод исключения позволяет отнести появление данного гидронима к более раннему времени.

III

Отметим, что данные лингвистики также допускают существование в давние времена на территории Украины кавказского субстрата. В связи с этим, отметим исследования уже упомянутого украинского учёного-эмигранта В. Чапленко. Уже сами названия его работ – «Адыгейские языки – ключ к тайне нашего субстрата», «Адыгейские языки – ключ к этногенезу славян и других народов», «Еще раз о происхождении названия “гуцул”», «Происхождения этнонима “гуцулы”» – могут свидетельствовать о том, что исследователь видел в древних кавказских языках субстрат для многих языков Восточной Европы, прежде всего украинского. Поэтому он считал, что многие слова в украинском языке можно объяснить при помощи языка адыгов. Так, термин *гуцул* В. Чапленко объяснял на основе адыгейского языка как “чубатый”, “малый”, “сильный”. Из адыгских языков учёный также пытался объяснить происхождение некоторых этнонимов и топонимов: *славяне* – «земляне»; *венеды* – «воловики»; *Balta* – «белый, русский» и т.п. Кроме того, убедительным свидетельством кавказского субстрата В. Чапленко считал происхождение украинских фамилий на *-ко* и *-енко*. По мнению исследователя, в глубокой древности на территории Восточной Европы, до расселения там носителей индоевропейских языков, проживали кавказоязычные народы. К их числу В. Чапленко отнёс легендарных киммерийцев, исчезнувших из Северного Причерноморья уже в первой половине I тыс. до н.э.⁵⁶ Конечно, нельзя полностью согласиться со всеми выводами и предположениями В. Чапленко. Однако сама идея исследователя о распространении на юге Восточной Европы в глубокой древности кавказских языков заслуживает внимания. Особый интерес вызывает предположение В. Чапленко о кавказских корнях украинских фамилий на *-ко* и *-енко*.

В современной украинской антропонимии считаются наиболее распространёнными фамилии с суффиксами *-енко* или *-ко*. Чертой традиционного и современного украинского общества стало широкое распространение фамилий следующего типа: Коваленко, Москаленко, Приходько, Божко и т.п. Но о происхождении словообразовательных суффиксов *-енко* или *-ко* нам известно немного, хотя мало кто предполагает, что они могут иметь и не совсем славянское происхождение. Тем не менее, любые попытки объяснить происхождения этих суффиксов, в особенности *-ко*, с позиций славянского языкознания выглядят недостаточно обоснованными. Но много ли известно современным исследователям о происхождении этих суффиксов?

Кажется, что наиболее детально это было освещено в работах Ю.К. Редько. По крайней мере исследователь считал, что суффикс *-енк-о* является одним из наиболее продуктивных и наиболее характерных формантов украинских фамилий. По его подсчётам, «фамилии, образованные с его помощью, составляют 10,57% фамилий, образованных путем суффиксации». Он справедливо полагал, что этот суффикс принадлежит к числу

патронимических. Иными словами, фамилии на **-енко** «почти всегда означают сына того, кого называет префигикальная часть». Исследователь выделил четыре группы фамилий этого типа: а) образованные от собственных имен; б) образованные от первоначальных прозвищ (фамилий); в) образованные от названия занятия (профессии, должности) отца; г) образованные от названия местности по происхождению. К первой группе он отнес фамилии, образованные от лица отца (патронимические) и образованные от лица матери (матронимические), а также фамилии, образованные от мужских имен: *Авраменко, Борисенко, Вакуленко, Ващенко, Власенко, Гавриленко, Гордиенко, Григоренко* и т.п. Ко второй группе Ю.К. Редько отнес фамилии, образованные от прозвищ родителей. Их также можно разделить на две подгруппы: фамилии, которые происходят от прозвищ-существительных: *Бабенко, Барильченко, Биченко, Биляшенко, Биличенко* и т.п. Также к этой группе относятся фамилии, образованные от прозвищ-прилагательных: *Безвиненко* (от *Безвинный*), *Биленко, Босенко, Гаркавенко, Глушенко, Гниденко* и т.п. Четвертую группу составляют фамилии, которые указывают на национальную принадлежность или вероисповедание отца или на местность, откуда происходил первый носитель фамилии: *Волощенко* (то есть сын волоха), *Вихристенко* (сын выкреста), *Литвиненко, Нимченко, Татарченко, Турченко, Шведенко* и т.п. Отдельные группы составляют фамилии на **-енко**, образованные: а) от сложных слов (преимущественно прозвищ): *Панматченко, Кривовъязенко, Рябокобыленко*; б) от служебных слов: *Дещенко* (от *дещо* – «кое-что») и т.п. Основа некоторых фамилий еще не понятна, хотя они также патронимические, образованные от разного типа прозвищ родителей⁵⁷.

Для нас большое значение имеет время и обстоятельства оформления прозвищ в фамилии в современном понимании. Как оказывается, это произошло довольно поздно. По наблюдениям Ю.К. Редько, «на протяжении XVI–XVII вв. родительские фамилии закрепились среди большинства жителей украинских городов... Однако основная масса населения Украины – крестьяне – еще долго оставались без зафиксированных документами фамилий... Изменение наступило уже во второй половине, точнее в конце XVIII в., когда на восточноукраинских землях было упразднено гетманство (1764 г.), полностью ликвидированы остатки давнего общественно-политического порядка (1781 г.) и заменили его общегосударственными порядками, а западноукраинскими территориями завладела после раздела Польши (1772 г.) Австро-Венгрия. Новобранцев записывали обязательно по фамилии, которой становилось большей частью давнее прозвище (уличная кличка)». Все это дало основания исследователю сделать вывод: «...только в конце XVIII – в начале XIX вв. в условиях Российской и Австро-Венгерской империй за украинскими крестьянами закрепились постоянные родительские фамилии»⁵⁸. В результате, как видим, прозвища или производные от них названия XVI–XVII вв. стали основой для современных украинских фамилий. Большое значение имеют в документах того периода упоминания о прозвищах с суффиксами на **-енко** или **-ко**. Это в значительной мере дает возможность пролить свет на происхождение наиболее распространенного типа современных украинских фамилий, так как на сегодня так и нет единого мнения на этот счет.

Взгляды на происхождение формообразующих суффиксов этих украинских фамилий расходятся. Так, В. Симович считал, что суффикс

-енко развился путем *-енькт* > *-енько* > *-енко* из уменьшенных и ласкательных прилагательных на *-енький*⁵⁹. Другое предположение высказал О.Б. Ткаченко, который вопросом происхождения фамилий на *-енко* уделил много внимания. По его мнению, суффикс этот сложный и образовался путем объединения суффикса *-ен (-т)* в словах типа «детен», «телен» и суффикса *-(ь)ко*⁶⁰.

Необходимо указать, что современные исследователи более склоняются к последнему предположению, то есть к той мысли, что суффикс *-енко* образовался на основе суффикса *-ко*. Так, В.А. Никонов не сомневается в том, что эти суффиксы имеют славянское происхождение и объединил их в одну группу с суффиксами фамилий *-к, -ак, -ек, -ук, -ик*, а также *-ник, -чук, -ка* и т.п. Как видим, исследователь принял за основу такой классификации наличие согласного *к*. На основании этого исследователь сделал наблюдения, которые «формально тождественно окончанию образуют на карте определенную статистическую общность». Это он объясняет тремя факторами: 1) многие из этих форм могут иметь общее происхождение; 2) действуют фонетические особенности языка или диалекта; 3) происходит «втягивания в ряд» соответственно закону уравнивания на превосходную форму. Но в распространении суффиксов *-енко* и *-ко* он заметил довольно неожиданную картину⁶¹, что может стать предметом нашего дальнейшего рассмотрения.

У некоторых современных исследователей украинской антропонимии, которые поддерживают ту идею, что суффикс *-енко* образовался на основе суффикса *-ко*, получила распространение идея, что суффикс *-ко* в фамилиях происходит от славянских суффиксов *-ко* или *-ка*, которые несут в себе уменьшительный оттенок. Если следовать этой логике, то получается, что фамилии типа *Божко, Головка* имеют первоначальные значения не «Божий сын», «сын главы», а «малый бог», «маленькая голова» и т.п. Можно, например, привести аргументы современной исследовательницы В. Котович. Так, в своей статье, посвященной фамилиям украинских переселенцев на Тернопольщине, она отмечает: «Суффикс *-ко*, который происходит от *-ько*, является давним славянским деминутивно-экспресивным формантом. Древнейшие антропонимы с этим формантом фиксируются в памятках XIII в. Однако надежные примеры с патронимической функцией этого суффикса дают лишь памятники XI – начала XV вв. Деминутивный по происхождению суффикс *-к-о*, со временем стал нейтральным антропонимным формантом, а иногда выполнял патронимическую функцию. Как и в фамилиях на *-ик*, отличить деминутивную от патронимической функции суффикса *-к-о* очень сложно. В апеллятивной лексике украинского языка суффикс *-к-о*, в отличие от суффикса *-ик*, не принадлежит к продуктивным. Он может употребляться при прилагательных и глагольных основах „на определение носителя определенного качества, способности: глушко, билко, крутко...”. Учитывая сказанное выше, все фамилии, которые являются тождественными с христианскими и древнеславянскими именами на *-к-о*, а также фамилии наподобие *Глушко*, считаем семантическими дериватами от соответствующих суффиксальных антропонимов. Неоднозначными относительно словообразовательной структуры являются фамилии *Горошко, Кийко, Лиско, Хлибко, Щурко*, поскольку все они могли образоваться морфологическим способом от прозвищ *Горох, Кий, Лиса, Хлеб, Щур*, или семантическим от давних славянских отапельтивных имён

с суффиксом **-к-о**. Характерными для антропонимии переселенцев являются фамилии на **-к-о**, в которых этот формант, вероятнее, происходит из **-ка** с целью отмежевать антропоним от апелятива, например *Варишко* (ср. варишка), *Головко* (ср. головка), *Дудко* (ср. дудка), *Дорожко* (ср. дорожка), *Кобылко* (ср. кобылка), *Кулешко* (ср. кулешка), *Липка* (ср. липка (липкая. – О.Б.), *Лопатко* (ср. лопатка), *Свинко* (ср. свинка), *Сливко* (ср. сливка). Аналогично в фамилиях *Жовтко* (ср. жовток (желток – О.Б.), *Платко* (ср. платок), *Турко* (ср. турок), *Чобитко* (ср. чобот (сапог – О.Б.)) суффикс **к-о** употребляется вместо ожидаемого **-ок**. Собственно вторичными фамилиями можно считать разве-что фамилии *Ковалько*, *Каролько*, *Минялко*, *Попко*, так как ни как деминутивные апелятивы, ни как давние имена такие лексемы не фиксируются»⁶².

Однако в контексте дискуссии желательнее задать вопрос сторонникам последней гипотезы: а не имеем ли мы здесь ситуацию, когда уменьшительный суффикс и суффикс с семантическим значением «сын» просто совпадают по форме? Не исключено, что суффикс **-ко** в украинских фамилиях может иметь и неславянское происхождение. И для этого есть более весомые аргументы.

Как уже отмечалось, исследователи склонны считать, что фамилии на **-ен(ко)** и **-ко** почти всегда означают сына того, кого называет предсуффиксальная часть. Но при этом подавляющее большинство исследователей считают это явление сугубо внутренним славянским⁶³. Тем не менее, эти учёные не учли того, что в языках народов Кавказа, прежде всего в языке черкесов, существуют лексические единицы, близкие к украинскому суффиксу **-ко**, которые имеют семантическое значение «сын». Так, в языке современных кабардинцев существует слово *кьуэ*, значение которого «сын»⁶⁴.

На это еще обратил свое внимание в начале XX в. А. Лопатинский. По этому поводу он отметил: «Наличие суффикса **-ко** в малорусском наречии не единичное явление: в том же самом значении, как и в малорусском, и в той почти форме, но с тем только различием, что вместо язычно-нёбного **к** является язычно-велярный **к**, этот суффикс существует в обоих наречиях адыгского (черкесского) языка – гахском (кахском) и кабардинском: Батокко, Балато-ко, Токмо-ко, Хирс-ко, Псыбалкно-ко, Јесано-ко. Совпадение суффикса в обоих этих языках не имело бы еще столь большого значения, если бы не то обстоятельство, что суффикс **-ко** в черкесском языке играет не только роль образующего окончания, как в языке русском, но сохранил свое самостоятельное значение: слово **-ко** означает *сын*; оно одинаково понятно каждому черкесу и как слово самостоятельное, и как составная часть сложного слова. В этом случае может стать полной аналогией скандинавские **-son**, **-sen** (Svenson, Benedictsen), которые выступают и тем, и другим: самостоятельным словом и суффиксом»⁶⁵.

Эти параллели между черкесским и украинским языками А. Лопатинский объясняет следующим фактором: «Появление в Левобережной Малороссии суффикса **-ко** во втором, но коренном его значении можно отнести ко времени водворения на этой территории пятигорских черкас, выведенных великим кн. литовским Витовтом, в конце XIV в., и смешавшихся впоследствии с южно-русскими и тюркскими элементами. Это отобразилось, между прочим, и на фонетике приднепровских говоров...»⁶⁶.

В.П. Кобычев полностью поддержал идеи А. Лопатинского относительно сходства семантики суффикса **-ко** в украинском и черкесском языках.

Что же касается причины этого явления, то исследователь высказал свою гипотезу: «Приведенные лексемы А. Лопатинский считал заимствованиями из кавказских языков, но, скорее, это проявление влияния древнего общеевропейского языка на кавказские, в данном случае адыгские, языки»⁶⁷.

К сожалению, за неимением письменных источников о событиях древних времен мы не можем проверить правильность гипотезы В.П. Кобычева. Однако мы можем подвергнуть анализу аргументы А. Лопатинского, так как у нас имеются некоторые письменные источники периода позднего средневековья, которые позволяют в определённой мере выделить мигрантов-черкесов из Северного Кавказа среди местного славянского и другого населения. Наблюдения показывают, что процесс активного формирования внешней формы для будущих украинских фамилий начался не в XVI в., а в XVII в. А тогда уже миграции адыгов на украинские земли были уже незначительны. В связи с вопросом пребывания выходцев из Северного Кавказа в Среднем Поднепровье в позднее средневековье для нас особый интерес может представлять количество этих мигрантов. Однако тогда адыгских переселенцев не было настолько много, чтобы заставить украинцев массово употреблять термин **-ко** для обозначения понятия «сын». Вполне возможно, что мы имеем дело с более давним явлением.

Несколько десятилетий назад О.Н. Трубачев посвятил даже отдельную монографию вопросам терминологии близкого родства у славян. Важно то, что он не отметил в славянских языках для обозначения понятия «сын» термина, близкого по форме к суффиксу **-ко**, а вместо него им были выявлены лишь отдельные лексические единицы, близкие по форме к украинскому «сын»⁶⁸. Кроме того, исследователь выяснил, что в большинстве случаев термины кровного родства в большинстве славянских языков не исчезают и происходят от общеиндоевропейских. Хотя могут быть и исключения. Так, О.М. Трубачев отметил в выводах: «... исключительно сложные соотношения внутри славянской терминологии кровного родства, которые представляются еще более сложными при попытке этимологически исследовать её, объясняются главным образом наличием в ней ряда хронологических слоёв, на протяжении истории смешавших, вытеснявших или же только оттеснявших друг друга в той или иной функции. В последнем случае интересно, что этимологическое исследование подчас приводит к тождественным значениям разных корневых морфем, наводит как будто на мысль о дублировании, о наличии древних синонимов...»⁶⁹. В данном случае уместно спросить: что нам мешает отнести к числу этих синонимов украинское **-ко** в значении «сын», которое не встречается в других индоевропейских языках? Последний фактор позволяет считать его внешним заимствованием из неиндоевропейских языков.

Однако трудно представить, чтобы славяне, поселившись в Северном Причерноморье, начали бы использовать параллельно с индоевропейским «сын» кавказское «ко». Это было бы возможно лишь при ассимиляции значительной прослойки населения кавказского происхождения со стороны индоевропейского большинства. В связи с этим возникает естественный вопрос: где и когда происходили эти процессы? Как мы уже показали, это не могло произойти в Приднепровье во времена позднего средневековья.

Как уже отмечалось, с распространением фамилий на **-енко** и **-ко** В.А. Никонов заметил довольно неожиданную картину. По его словам,

ситуация выглядит следующим чином: «Зона их преобладания непосредственно продолжена по всей восточной полосе Белоруссии. Ее очертили: Ю.К. Редько по Украине и Н.В. Бирилло по Белоруссии, но ни тот ни другой не заметили главного – граница ареала *-енко* идет не по границе белорусского и украинского языков, а с севера на юг, объединяя восточных украинцев с восточными белорусами и отличая тех и других от остальных украинцев и белорусов»⁷⁰. Этот вывод может свидетельствовать в пользу гипотезы о субстрате. Хотя более возможной может выглядеть ситуация, соответственно которой термин *-ко* мог появиться в одном регионе и с течением времени распространиться по остальной территории Украины и Беларуси, приобретя функции суффикса в фамилиях.

Поэтому большой интерес могут представлять статистические данные Ю.К. Редько о распространении суффиксов *-енко* и *-ко* на территории Украины, однако произведенные несколько десятилетий тому назад. Так, относительно фамилий на *-енк-о* исследователь указал: «Распространены они во всех без исключения областях Украины, но больше всего их в восточной части УССР, в тринадцати областях: Киевской (25,8%), Черниговской (31,1%), Черкасской (29,3%), Полтавской (26,5%), Сумской (25%), Харьковской (25,4%), Донецкой (27,7%), Луганской (23,3%), Днепропетровской (22,7%), Кировоградской (25,3%), Запорожской (21,6%), Херсонской (26,8%) и Крымской (27%). В среднем четвертая часть всего украинского населения этих областей имеет фамилии на *-енк-о*»⁷¹.

Аналогичную картину дают и данные Ю.К. Редько о распространении фамилий на *-ко*: «Третье место (после фамилий на *-енко* и образованных лексико-семантическим способом) они занимают в трех областях: Черниговской (8%), Сумской (8%) и Полтавской (5,7%). Четвертое место им принадлежит в Крымской (8,3%), Запорожской (5,8%) и Херсонской (5,6%). На пятом месте фамилии на *-ко* стоят в Донецкой (4,5%), Черкасской (4,1%), Днепропетровской (4) и Николаевской (3,8%). Шестое место занимают в Киевской (5,2%), Винницкой (5,1%), Житомирской (3,7%) и Хмельницкой (3,2%), а седьмое место в Харьковской (4,2%), Кировоградской (3,8%), Одесской (5,2%), Львовской (4,5%) и Закарпатской (5,2%) областях. Немного меньше этих фамилий в Черновицкой (3,1%), Луганской (2,6%) и Волынской (2,3) областях, где они занимают восьмое место, и в Ивано-Франковской (3%), где им принадлежит девятое место. Наблюдается некоторое преобладание фамилий на *-ко* в центральных областях. Меньше всего фамилий этого типа в Тернопольской и Ровенской обл., где они занимают одиннадцатое и двенадцатое места»⁷².

Таким образом, можно увидеть определенную закономерность: там где наблюдаем наибольшее распространение фамилий на *-енко*, то там же видим значительное количество фамилий на *-ко*. Это может быть весомым доказательством того, что суффикс *-енко* своим происхождением связан с суффиксом *-ко*. С другой стороны, видим, что суффиксы этого типа преобладают на территориях Черниговщины и сопредельных к ней областей – Полтавской и Сумской. Таким образом это дает основания вести разговор о том, что в прошлом суффиксы *-енко* и *-ко* начали распространяться с территории Черниговщины и сопредельных с нею областей. Следует обратить внимание на то, на Черкащине эти суффиксы не так распространены, как на Черниговщине. А это может быть дополнительным доказательством

того, что суффикс **-ко** появился в левобережном Приднепровье задолго до переселения в район Черкас адыгов в позднее средневековье.

Важно то, что полученные результаты в определённой степени совпадают с результатами исследований К.Н. Тищенко, проведенных еще несколько десятилетий тому назад. Тогда исследователь отметил: «Собранные данные дают основания говорить о “наличии адыгокавказского субстратного пласта в языке, топонимии и культуре населения Восточного Прикарпатья, Днепро-Днестеровского и Нижнедунайского бассейнов” [Кобычев, 93], а также и Днепровского Левобережья. При этом, в области топонимии наибольший интерес и в дальнейшем будут представлять топонимы Псёл, Ворскла, Суббот»⁷³. Позволим себе добавить к числу этих древних реликтов кавказского субстрата также суффикс **-ко**, который стал неотъемлемой частью многих украинских фамилий.

IV

В специальной литературе уже неоднократно указывалось на давние культурные связи населения украинского Причерноморья и Кавказа. Так, еще Л.И. Лавров по этому поводу писал: «Как свидетельствуют археологические материалы Мариупольского и Нальчикского могильников, культурные взаимоотношения между населением, которое проживало на территории современной Украины и Кавказа, существовали даже со времен неолита, не говоря уже об эпохе энеолита и бронзы... Медные и бронзовые кавказские изделия этих времён археологи находят на Украине. Керамика катакомбной культуры встречается как на Украине, так и на Северном Кавказе. Бронзовые изделия и оружие прикубанской и кобанской позднебронзовых культур встречаются в Крыму, на Харьковщине, Полтавщине и Киевщине, а оружие и украшения, которые носило степное население территории нынешней Украины в начале I тысячелетия до н.э., находят на Кавказе... До этого же позднебронзового времени относятся древнейшие литературные сведения о территории Украины и Северо-Западного Кавказа. Наверное, не случайно население обоих этих территорий в первых литературных источниках обозначено общим названием “киммерийцы”. ... К сожалению, пока нет единой научной основы для неопровержимого утверждения, был ли это единый народ, с единым языком, или же “киммерийцы” – это обобщающее название разноплеменного и разноязычного населения территорий нынешних Южной Украины и Северо-Западного Кавказа. Кажется, более правдоподобно, что “киммерийцы” – это обобщающее название родственных племен, которые составляли единый племенной союз»⁷⁴.

Аналогичных идей придерживался также В.П. Кобычев. Относительно очень давних связей населения Украины и Кавказа он отметил: «Спектральный анализ металлических изделий трипольской культуры, распространенных в III–II тыс. до н.э. на территории Правобережья Днепра от Карпатских гор и до нижнего течения Дуная, показывает, что подавляющая их часть сделана из мышьяковистой меди кубанской группы. Таврские каменные ящики-могилы, находимые в Крыму, археологи рассматривают всегда не иначе как в связи с аналогичными погребениями

Северного Кавказа. В более позднее время на основании целого комплекса различных бронзовых предметов: топоров-кельтов, кинжалов, частей конского убора (псалий) и т.п. – археологи объединяют в один обширный ареал территорию Восточного Прикарпатья, Крыма и Северо-Западного Кавказа, суммарно называемый киммерийским»⁷⁵.

Однако наибольших успехов в этом направлении исследований добилась археолог А.Л. Нечитайло. В 1991 г. была напечатана её монография «Связи населения степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы»⁷⁶, а в 1995 г. она защитила докторскую диссертацию на тему «Динамика исторических связей населения степной Украины и Северного Кавказа (эпоха энеолита–бронзы)»⁷⁷. Основой для написания диссертации стали материалы из раскопок самого автора на территории Украины и Кавказа, так и многотысячных коллекций в музеях Кавказа и Украины: Киева, Днепропетровска, Запорожья, Одессы, Николаева, Херсона, Каховки, Мелитополя, Донецка, Луганска, Симферополя, Севастополя, Евпатории, Ялты, Феодосии, Бахчисарая, Ставрополя, Пятигорска, Керчи, Таганрога, Ростова, Краснодара, Майкопа, Геленджика, Черкесска, Нальчика, Владикавказа, Грозного, Армавира, Махачкалы, Тбилиси, Баку. Основное внимание в работе уделено анализу связей в эпоху энеолита – начала средней бронзы. Именно тогда имели место победа и активное развитие производящего хозяйства, что предполагает особое содержание связей. В эпоху средней бронзы, по мнению А.Л. Нечитайло, происходит смена направлений контактов. В эпоху поздней бронзы резко изменилась историческая ситуация в степях Северного Причерноморья⁷⁸.

Особый интерес могут представлять выводы проведенного А.Л. Нечитайло исследования. В результате, были выявлены закономерности в развитии связей между населением Северного Причерноморья и Северного Кавказа в хронологической последовательности. Так, для первого этапа показательными являются связи, основанные, главным образом, на отношениях обмена. Они не определены производственной необходимостью развития каждого общества, хотя различия хозяйственной деятельности в определенной степени стимулировали их. Важную роль здесь сыграло то обстоятельство, что в IV тыс. до н.э. происходит формирование скотоводческих групп племен, когда полное овладение разными типами производящего хозяйства позволило осваивать степные пространства. Для этого периода прослеживаются конкретные контакты Новоданиловской группы племен с закубанскими энеолитическими племенами. Они выразились в форме простого обмена керамикой, каменными орудиями, украшениями и предметами, которые считают символами власти и культа. Для второго периода, связанного с ранней бронзой, объем обменных связей увеличивается. Они становятся более сложными по содержанию и структуре. Важным моментом их структурной организации в этот период является углубление двустороннего характера, который определяется по наличию вещей не только кавказского происхождения на Украине, но и степных элементов в областях Кавказа, где они были связаны с восприятием северокавказским населением культурно-идеологических традиций степняков, в частности, погребального обряда, веревочной орнаментации. Замена материала в орудиях труда имела принципиальное значение, и влияние Кавказа в этой перестройке сыграло важную роль. Появление

местной металлообработки, безусловно, в результате развития и специализации деятельности степных племен складывалось под большим влиянием уже устойчивых и развитых схем кавказского производства и, в частности, находящегося на высоком уровне, майкопского. Третий этап, по мнению А.Л. Нечитайло, приходится на время средней бронзы. Именно тогда, по её мнению, происходит дальнейшее расширение и усложнение связей. Это выражается в насыщении памятников импортом и предметами со следами кавказских влияний⁷⁹.

В результате исследователю удалось прийти к заключительному выводу: «на протяжении энеолита-бронзы происходит поступательное развитие взаимоотношений между племенами степной Украины и Северного Кавказа. Изменения, наблюдаемые в динамике этих взаимоотношений, свидетельствуют о том, что они приобретают все большее значение в организации жизнедеятельности степных обществ Украины. Продолжается последовательное увеличение объема этих связей, усложняется их структура, расширяется сфера охвата сторон жизнедеятельности, как экономических, так и социокультурных. Связи носят постоянный, двусторонний, полномасштабный характер и значительная их роль в жизни древнего населения Украины и Северного Кавказа очевидна. Можно утверждать, что исторический динамизм взаимного тяготения здесь проявился с большой силой и размахом»⁸⁰.

В своём исследовании А.Л. Нечитайло отметила не только связи населения Северного Кавказа и Северного Причерноморья, но также зафиксировала переселения кавказских мигрантов в степи Украины. Так, на Старобельском поселении на Айдаре (Луганщина), относящемуся к периоду энеолита, были обнаружены фрагменты от четырёх сосудов, которые соответствуют керамике первого и второго типа поселения Свободное в Адыгее. По мнению, А.Л. Нечитайло, наличие подобной керамики можно связывать с появлением на Айдаре самих носителей закубанской энеолитической культуры, потому что керамика, как сугубо бытовая вещь, могла попадать только тогда, когда границы соседних племен открыты для контактов⁸¹. К эпохе ранней бронзы относит А.Л. Нечитайло обнаруженные возле г. Павлограда Днепропетровской области погребения, обряд и керамика которых типичны для племен майкопской культуры на Северо-Западном Кавказе. По мнению исследователя, это реальные мигранты с Кавказа, влившиеся в этнические массивы Украины⁸². Кроме этого, исследователь выявила связываемые с кавказскими переселенцами типично майкопские комплексы на территории Украины, например, названные у г. Павлограда, известные на Донбассе возле г. Сватово и с. Петровка, у с. Константиновка в Приазовье, гробница Вилино в Крыму и др., в которых роль кавказского компонента значительна⁸³.

С выводами А.Л. Нечитайло полностью согласен археолог из Кабардино-Балкарии В.А. Фоменко. Вот как исследователь представляет генезис и распространение памятников майкопской культуры: «Согласно одной из гипотез, часть хаттов и касков не позже III тыс. до н.э. заселили Восточное Причерноморье и Прикубанье. В результате смешения с культурой местного (вероятно, родственного) населения Закубанья здесь в III тыс. до н.э. сложилась яркая майкопская культура. Во второй половине III тыс. до н.э. племена майкопской культуры заселили предгорья

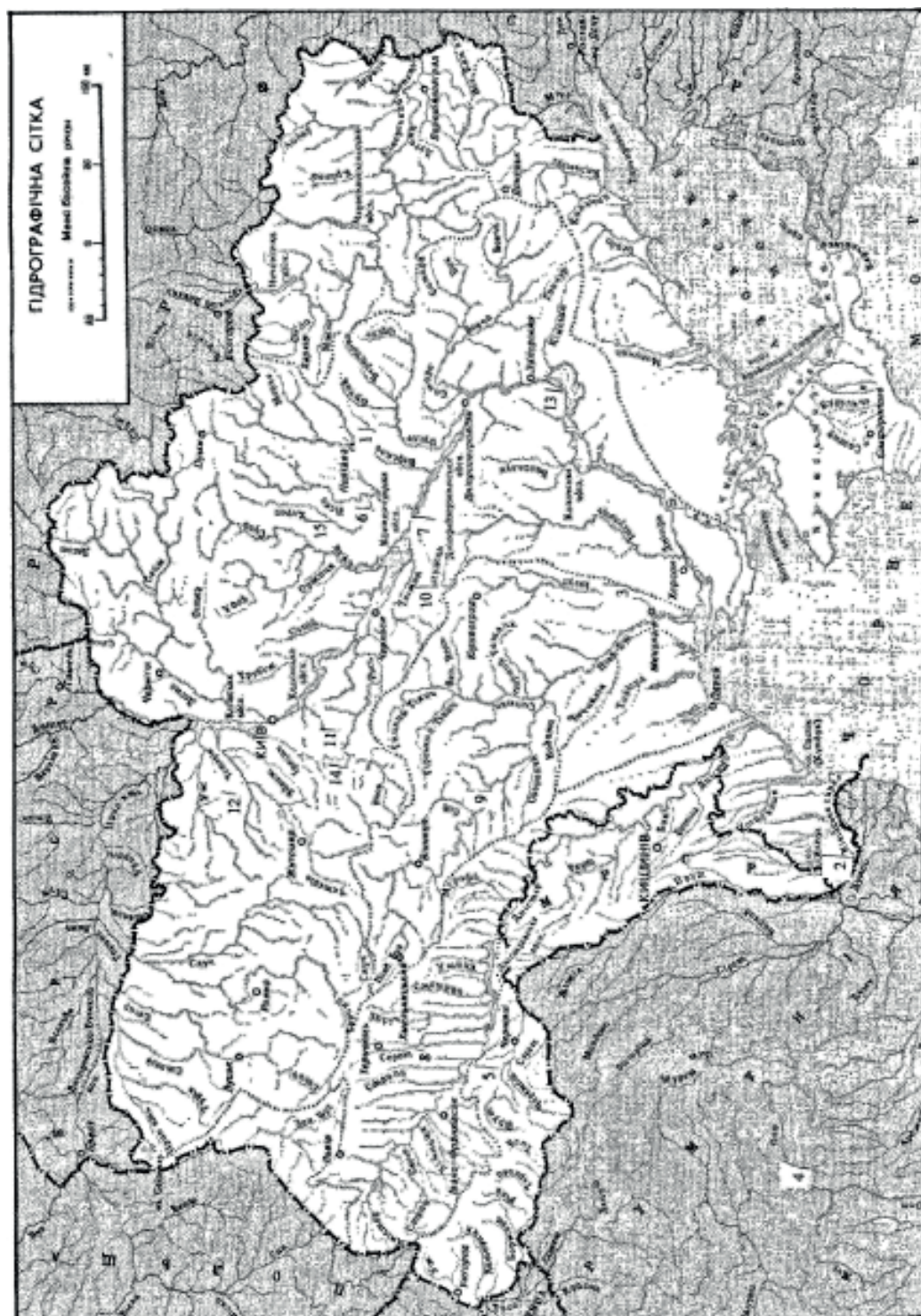
Северного Кавказа от Таманского полуострова до приморского Дагестана. Следы влияния высокоразвитой майкопской культуры прослеживаются в Приазовье и на востоке современной Украины»⁸⁴.

Однако отметим, что у нас нет пока данных о переселениях отдельных групп северокавказских мигрантов в эпоху бронзы на Левобережье Среднего Поднепровья, где отмечены гидронимы явно адыгского происхождения (Псёл, Пселец и т.п.). Тем не менее, наблюдения над процессами более позднего времени позволяют отметить, что в степях Северного Причерноморья постоянно существовала тенденция – при смене населения степей остатки предыдущего населения постоянно передвигались в лесостепь. Вполне возможно, что такая закономерность проявляла себя и в эпоху бронзы – раннего железа, т.е. в III тыс. – I тыс. до н.э.

В итоге, следует отметить, что существование на карте современной Украины гидронимов, находящих объяснение в некоторых кавказских (прежде всего абхазо-адыгских) языках, можно связывать в большинстве случаев с пребыванием здесь в древности носителей кавказских языков. Обычно для их обозначения используют термины «кавказский субстрат», «доиндоевропейский субстрат» и т.п. Однако в данном случае эти выражения могут быть и не совсем корректными. Ведь мы так и не знаем, что было первичным в северопричерноморском регионе – кавказоязычное население, которое было ассимилировано пришельцами-индоевропейцами; или в среде индоевропейского населения Северного Причерноморья периодически переселялись отдельные группы носителей кавказских языков. Возможен и третий вариант, объединяющий все эти процессы. К сожалению, источниковедческая база для данного направления исследователей не позволяет в достаточной степени показать динамику отмеченных этнических процессов. Несмотря на это, мы можем отметить, что во времена, предшествовавшие средневековью, на территории от Приазовья до Карпат проживало население, говорившее на языках кавказского типа. Не исключено, что в далеком прошлом даже существовало этническое и языковое единство населения Северного Причерноморья и Северного Кавказа, нарушенное приходом первых индоевропейцев. К сожалению, пока даже нельзя определить время этих событий, ибо само место и время образования первой индоевропейской общности до сих пор представляют собой загадку.

Рис. 1. Гидронимы Украины предположительно кавказского происхождения:

- 1 – Ворскла; 2 – Дунай; 3 – Ингул; 4 – Олт; 5 – Прут; 6 – Псёл;
- 7 – Псоля; 8 – Серет; 9 – Соб; 10 – Суба; 11 – Суббот; 12 – Тетерев;
- 13 – Томаковка; 14 – Унава; 15 – Хорол

Примечания

1. *Март Н.Я.* Кавказский культурный мир и Армения // Журнал министерства народного просвещения. 1915. Ч. 62 (июнь). С. 287.
2. Там же. С. 293.
3. *Март Н.Я.* Избранные труды. М.–Л.: ГСЭИ, 1933. Т. 1. С. 325–326.
4. *Март Н.Я.* Расселение языков и народов и вопрос о прародине турецких языков // Под знаменем марксизма. 1927. № 6. С. 58.
5. *Март Н.Я.* Избранные труды. М.–Л.: ГСЭИ, 1935. Т. 5. С. 305, 340.
6. *Шнилерман В.А.* Злоключения одной науки: этногенетические исследования и сталинская национальная политика // Этнографическое обозрение. 1993. № 3. С. 52–60.
7. *Март Н.Я.* Избранные труды. М.–Л.: ГСЭИ, 1935. Т. 5.
8. Там же. С. 224–271.
9. Там же. С. 227–229.
10. Там же. С. 49.
11. *Чаплинко В.* Адигейські мови – ключ до етногенези слов'ян та інших народів // Молода Україна. Лютий 1969. Ч. 165; *Чаплинко В.* Ще раз про походження назви «гуцул» // Молода Україна. Квітень 1977. Ч. 255; *Чаплинко В.* Походження етноніма «гуцули» / <http://www.putyla.org.ua/2008/05/15/pokhodzhennja-nazvi-gucul.html>.
12. *Лавров Л.І.* До питання про українсько-кавказькі культурні зв'язки // Народна творчість та етнографія. 1961. № 3. С. 62–63.
13. Там же. С. 65.
14. *Кобычев В.П.* В поисках прародины славян. М.: Наука, 1973. С. 93
15. Там же.
16. Там же. С. 96.
17. *Тищенко К.* Мовні контакти: свідки формування українців. К.: Аквілон-плюс, 2006. С. 89–90.
18. *Мосенкіс Ю.Л.* Грузинські назви річок України. К., 2001. С. 1–12.
19. Словник гідронімів України. К.: Наукова думка, 1979. С. 451–452.
20. Словник гідронімів України. С. 452; *Стрижак О.С.* Назви річок Полтавщини. К.: Наукова думка, 1963. С. 56.
21. *Яценко А.И.* Топонимика Курской области. Курск, 1958. С. 16.
22. *Стрижак О.С.* Назви річок Полтавщини. С. 57.
23. *Потебня А.А.* К истории звуков русского языка. Варшава, 1883. IV. С. 68.
24. *Стрижак О.С.* Назви річок Полтавщини. С. 57.
25. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1987. Т. III. С. 397.
26. *Moszyński K.* Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego. Wrocław–Kraków, 1957. S. 179.
27. *В-ко Н.* К вопросу о происхождении названия Полтавы // Киевская старина. К., 1903. Т. LXXXI. С. 3; *Мацевич Л.* К вопросу о происхождении названия «Полтава» // Киевская старина. К., 1896. Т. IV.
28. *Коков Дж.Н.* Кабардинские географические названия. Краткий словарь. Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд-во, 1966. С. 159.
29. *Кобычев В.П.* В поисках прародины славян. С. 93.
30. *Тищенко К.* Мовні контакти: свідки формування українців. С. 89–90.
31. *Коков Дж.Н.* Кабардинские географические названия. С. 120–123, 144–147; *Коков Дж.Н.* Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 102–103, 242–251.
32. *Шагиров А.К.* Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1977. П–I. С. 16
33. *Стрижак О.С.* Назви річок Полтавщини. С. 57–58.
34. *Трубачев О.Н.* Названия рек Правобережной Украины. М.: Наука, 1968. С. 205–206.

35. *Коринный Н.Н.* Переяславская земля. X – первая половина XIII века. К.: Наукова думка, 1991. С. 249, прим. 74.
36. Кабардинско-русский словарь / Под ред. Карданова Б.М. М.: ИИНС, 1957. С. 303.
37. Военно-топографическая карта Российской империи (1869–1890) // <http://history11.ucoz.ru>. Фраг. 23–12.
38. *Коринний М.М.* Природні умови Переяславської землі в X–XIII ст. // www.history.org.ua/journall/geo/o/18.pdf. С. 101–102.
39. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. II. СПб., 1908. Т. II. С. 184.
40. Там же. С. 321.
41. Воскресенская летопись // ПСРЛ. СПб., 1856. Т. VII. С. 60; Радзивилловская летопись // ПСРЛ. Л.: Наука, 1989. Т. XXXVIII. С. 123; Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Л.: АН СССР, 1926–1928. Т. 1. С. 234.
42. Книга Большому Чертежу. М.–Л.: АН СССР, 1950. С. 62.
43. Там же. С. 109–110.
44. Там же. С. 112.
45. *Лавров Л.І.* До питання про українсько-кавказькі культурні зв'язки. С. 65.
46. *Кобычев В.П.* В поисках прародины славян. С. 96.
47. *Тищенко К.* Мовні контакти: свідки формування українців. С. 89–90.
48. *Коков Дж.Н.* Адыгская (черкесская) топонимия. С. 209, 264–265.
49. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1987. Т. III. С. 397.
50. *Кобычев В.П.* В поисках прародины славян. С. 96.
51. Книга Большому Чертежу. С. 65, 110, 111.
52. Там же. С. 112.
53. Кабардинско-русский словарь. С. 335.
54. *Шагиров А.К.* Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. С. 69.
55. Кабардинско-русский словарь. С. 335.
56. *Чапленко В.* Адигейські мови – ключ до етногенези слов'ян та інших народів // Молода Україна. Лютий 1969. Ч. 165; *Чапленко В.* Ще раз про походження назви «гуцул» // Молода Україна. Квітень 1977. Ч. 255; *Чапленко В.* Походження етноніми «гуцули» / <http://www.putyla.org.ua/2008/05/15/pokhodzhennja-nazvi-gucul.html>.
57. *Редько Ю.К.* Сучасні українські прізвища. К.: Наукова думка, 1966. С. 122–123.
58. *Редько Ю.К.* Довідник українських прізвищ. К.: Радянська школа, 1968. С. 33–34.
59. *Сімович В.* Українські іменники чоловічого роду на -о в історичному розвитку й освітленні // Наук. збірник Укр. пед. інституту ім. М. Драгоманова в Празі. Прага, 1929. Т. I. С. 322.
60. *Ткаченко Б.* Українські прізвища з суфіксом -енко та споріднені утворення // Слов'янське мовознавство. Київ, 1948. Т. 2. С. 50.
61. *Никонов В.А.* География фамилий. М.: Наука, 1988. С. 111–113.
62. *Котович В.* Найменші поширені словотвірні моделі прізвищ українців, переселених з Польщі на Тернопільщину // Наукові записки Тернопільського національного педагогічного університету. № 2 (21) 2011– № 1(22) 2012. С. 23–24.
63. *Редько Ю.К.* Сучасні українські прізвища. С. 122; *Масенко Л.Т.* Українські імена і прізвища. К.: Т-во «Знання» УРСР, 1990. С. 24.
64. Кабардинско-русский словарь. С. 238.
65. *Лопатинский А.* Суффиксы русского языка. Влияние кавказских языков на их образование // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Тифлис, 1902. Вып. 31. Отдел четвертый. С. 46.
66. Там же. С. 47.

67. Кобычев В.П. В поисках прародины славян. С. 93–94.
68. Трубочев О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М.: АН СССР, 1959. С. 48–54.
69. Там же. С. 87.
70. Никонов В.А. География фамилий. С. 113.
71. Редько Ю.К. Сучасні українські прізвища. С. 195.
72. Там же. С. 204.
73. Тищенко К. Мовні контакти: свідки формування українців. С. 90.
74. Лавров Л.І. До питання про українсько-кавказькі культурні зв'язки. С. 62.
75. Кобычев В.П. В поисках прародины славян. С. 93.
76. Нечитайло А.Л. Связи населения степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы. К.: Наукова думка, 1991.
77. Нечитайло А.Л. Динамика исторических связей населения степной Украины и Северного Кавказа (эпоха энеолита-бронзы). Автореф. дисс. ... док. ист. наук. М., 1994.
78. Нечитайло А.Л. Динамика исторических связей населения степной Украины и Северного Кавказа (эпоха энеолита-бронзы). С. 5–6.
79. Там же. С. 34–37.
80. Там же. С. 37.
81. Там же. С. 16.
82. Там же. С. 20.
83. Там же. С. 23.
84. Фоменко В.А. Древняя история адыгов и археологические памятники // Древняя и средневековая культура адыгов. Материалы международной научно-практической конференции (г. Нальчик, 16–20 октября 2013 г.). Нальчик, 2014. Ч. I. С. 174.

O.B. BUBENOK

ANCIENT CAUCASIAN SUBSTRATE IN THE NORTHERN BLACK SEA REGION

Some researchers supposed a long time ago that a number of Ukrainian rivers could bear names of Caucasian origin. The Soviet academician N. Marr was one of the first scholars who put forward this view. It supported his "Japhetic theory" very convincingly. However, some time later his theory was refuted and, as a result, for a long time it was impossible for the Soviet researchers to mention the issue of the Ancient Caucasian substrate in the Northern Black Sea region. Only since the 1960s the Ukrainian and Russian scholars began to write about it again. They could trace an obvious Caucasian influence in some river names in the Ukrainian steppe and forest-steppe. Among them are *Pslo*, *Unava*, *Vorskla*, *Suba*, *Tomakovka*, etc. The medieval written sources did not record a presence of large massive Caucasian population in the Northern Black Sea region. Therefore, these river names could probably originate in ancient times.

Besides, in this article special attention is focused on the origin of the suffixes *-ko* and *-enko* that form an inalienable part of many patronymic Ukrainian family names. The author of this article shares the opinion that the suffix *-enko* originates from the suffix *-ko*, meaning "son". However, we do not support the idea that the patronymic suffix *-ko* originates from the Slavic diminutive suffixes *-ko* or *-ka*. A hypothesis about the North Caucasian origin of *-ko* in the Ukrainian family names seems more reasonable, because in the Circassian language the suffix *-ko* acts not only as a derivational affix, but also it has preserved its independent value: the word *-ko* means "son". However, we can not accept the hypothesis that this borrowing reached the territory of Ukraine in the late Middle Ages, because the written sources of that period did not record any massive migration of the Circassians to the Ukrainian Dnieper basin. Therefore, the hypothesis about the suffix *-ko* as a trace of ancient Adygh-Caucasian substrate is more attractive; this is supported by the river names data of the Left-bank Ukraine.

According to the archaeological data, in the Copper and Bronze Ages the intensive cultural connections existed between the population of the Northern Black Sea region and the Caucasus. Still it is not known who were the original inhabitants of the Northern Black Sea region: on one

hand, it could be the native Caucasian-languages speaking population assimilated by the Indo-European newcomers; on the other hand, the Caucasian people could migrate periodically into the Northern Black Sea region where they were integrated into the Indo-European population.

Keywords: Northern Black Sea region, N. Marr, Ancient Caucasian substrate, river names, Pslo, suffix *-ko*, family names, Copper and Bronze Ages, Caucasian-languages speaking population.

Б.Х. Бгажноков
(г. Нальчик)

К КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ МАЙКОПСКО-АНАТОЛИЙСКИХ ПЛЕМЕН (гениохи и Гениохия)

В связи с внутренней формой и культурным содержанием этнонима *гениохи* $\eta\gamma\iota\omicron\chi\omicron\iota$ в статье ставится вопрос об особом месте данного народа в культуре Древней Греции, в этнической истории древних племен Западного Кавказа. Под этим углом зрения рассматриваются представления о родстве гениохов и других тесно связанных с ними племен с ахейцами, спартанцами, а также с пеласгами – древним народом, населявшим Элладу до греков. Подчеркивается, что ключевое значение имеют при этом сообщения о гениохских племенах (в особенности о зигах/зихах) как о прямых потомках пеласгов, что в этой плоскости лежит возможность установления исходного значения этнонима «гениох».

Ключевые слова: майкопско-анатолийские племена, Восточное Причерноморье, Эллада, Гениохия, Диоскуры, каски, хетты, пеласги, гениохи, ахейцы, керкеты, зихи, апсилы, абазги, саниги.

1. Общие сведения

Майкопско-анатолийскими мы называем древние племена, сформировавшиеся под влиянием хатто-абхазо-адыгского культурно-языкового взаимодействия и родства. Особое место занимает среди них группа племен под названием *гениохи*. В сочинениях античных авторов сведения о них появляются, начиная с V–IV века до н.э. и повторяются затем – в разных вариантах – на протяжении всего последующего тысячелетия.

Их размещают то вблизи Трапезунда по соседству с мосхами и керкетами, то за Колхидой в окрестностях Диоскуриады, то на севере Восточного Причерноморья рядом с родственными ахейцами, зигами и оказавшимися здесь керкетами. Иногда гениохов связывают с локализацией Гениохских гор на западных отрогах Кавказских гор. А с другой стороны называют эти же горы Кораксийскими, тем самым отождествляя или сближая с кораксами. Все это позволяет понять, почему Плиний Старший пишет о гениохах, как о «множестве племен», о племенах, «различающихся многими названиями»¹, Псевдо-Арриан утверждает, что «народ... гениохов смешанный»². А современные ученые считают, что «гениохи – собирательное название, включавшее целый ряд мелких этнических и племенных единиц, локализуемых в различных пунктах северо-восточного побережья Черного моря, в том числе на территории современной Абхазии»³.

Судя по имеющимся данным, к числу гениохов следует отнести апсидов, абазгов, санигов, зигов, ахейцев, торетов, керкетов, то есть все древне-абхазо-адыгские племена Восточного Причерноморья. Например, Скилак Кариандский помещает гениохов, керкетов, зигов и ряд других тесно связанных с ними племен в северных и центральных областях Восточного Причерноморья. Список причерноморских народов Западного Кавказа – с севера на юг – представлен у него следующим образом: синды, керкеты, тореты, ахеи, гениохи, кораксы, колики, меланхолены, гелоны, колхи, бизеры⁴.

И в последующем, вплоть до II века н.э. гениохи и близко связанные с ними племена занимали Восточное Причерноморье на всем его протяжении.

В период ранней античности гениохи жили, кроме того, и в прилегающих районах Малой Азии. Например, Гелланик Митиленский, автор V века до н.э. помещает гениохов между Трапезундом и Колхидой, ориентировочно в низовьях рек Апсара (Чорох) и Фасис (Риони)⁵. По его свидетельству, выше гениохов (то есть в горах) жили кораксы. А рядом (к северу) – керкеты, выше которых (видимо, в Мосхийских горах, находящихся в верховьях Фасиса, Куры и Аракса) живут мосхи и хариматы. Вспомним в этой связи Плиния Старшего (I век н.э.), согласно которому река Фасис берет начало во владениях мосхов⁶ и свидетельство Гераклида (II век н.э.) о том, что «по Фасису (видимо, в ее низовьях. – Б.Б.) первоначально жили гениохи..., а потом милетяне»⁷.

Аналогично следует оценивать и сообщение Палефата (IV век до н.э.) о керкетах. В Малой Азии, по его словам, «к керкетам примыкают мосхи, и хариматы владеют Парфением до Эвксинского Понта»⁸. Это означает, что керкеты – а они, как известно, всегда и очень тесно были связаны с гениохами – живут в Причерноморье. А по соседству с керкетами, в верховьях реки Парфения (совр. Фуртуна), то есть в горных областях Малой Азии, живут мосхи и хариматы.

О длительном проживании гениохов на северо-востоке Малой Азии свидетельствует и топонимика этих мест. С гениохами ассоциируются гидронимы Акампсис и Апсара с элементом *пс* – «вода», «река». Это рукава дельты реки Чорох к югу от современного города Батуми⁹, расстояние между этими рукавами, по Арриану, пятнадцать стадиев¹⁰. Как видно, сначала вдоль рек Апсара и Акампсис жили гениохи, давшие этим рекам свои имена, а выше по Чороху располагались древнегрузинские племена. О том же свидетельствует название местечка Гония (Гуния) у впадения реки Апсар (Апсара) в море с развалинами древней крепости¹¹. Судя по этим данным, топоним Гония восходит к известному по урартским надписям этнониму *иганиехи* (гениохи) и названию страны иганиехов – Игани, что так или иначе связано с проживанием гениохов в низовьях Чороха. То же самое следует сказать о реке Архабия за 60 стадий до реки Апсара¹². Возможно, название данной реки дано по названию гениохского племени ахейцев, живших в этом районе. Не исключено, что в непосредственной близости от гениохов находились также отдельные племена зигов (зидритов), основателей и жителей причерноморского города Зигополь.

Эти и некоторые другие аналогичные данные заставляют думать, что вплоть до первых веков новой эры гениохи и тесно связанные с ними племена ахейцев, зигов, керкетов занимали не только пространство между Колхидой и Синдикой. Значительная часть этих племен находилась на юге Восточного Причерноморья и в прилегающих районах Малой Азии. По видимому, большая часть этих земель входила когда-то в царство Игани.

2. Миграция гениохов на север

Со временем значительная часть гениохских племен мигрировала на север. Это был длительный процесс, который начался, видимо, в V веке до н.э. под натиском персов.

Об этом свидетельствуют косвенным образом сведения Геродота. В состав одной из сатрапий Дария I Гистаспа, а именно в состав девятнадцатой сатрапии вошли, по его словам, племена юго-восточного берега Черного моря: мосхи, тибарены, макроны, моссиники, мары (марды). Им было предписано платить в год дань в 300 талантов. А колхи и, видимо, вместе с ними гениохи были обложены податью – по сто мальчиков и сто девочек каждые пять лет, в то время как на страны и народы к северу от Кавказа власть персов не распространялась. Описывая скифский поход Дария, Геродот подробно излагает эти обстоятельства и условия:

«...Мосхам, тибаренам, макронам, моссиникам и марам было предписано платить 300 талантов; это девятнадцатый округ.

...Колхи обложили себя добровольными приношениями, а также и соседи их до Кавказского хребта (ибо до этого хребта простирается владычество персов, а страны к северу от Кавказа и не думают о персах); итак, они еще и до нашего времени каждые 5 лет доставляли дары, которыми себя обложили: сто мальчиков и сто девочек»¹³.

Хотя Геродот прямо не говорит здесь о гениохах, ясно, что именно о них идет речь как о «соседях колхов до Кавказского хребта». В сложившейся ситуации лучшим способом выхода из под контроля персов гениохи посчитали перемещение в труднодоступные центральные и северные области Восточного Причерноморья. Там, в окружении родственных кавказских племен и народов, прежде всего, зихских и ахейских они чувствовали себя в большей безопасности.

Что касается греческой колонизации Восточного Причерноморья, то она началась, видимо, еще раньше. В VI веке до н.э., милетцы создали на восточных берегах Черного моря и в Крыму греческие колонии-полисы: Диоскуриада в районе современного г. Сухуми, Пантикапей, Мирмекей. Китей и др. в Восточном Крыму и т.д. Это подтолкнуло часть гениохских племен к переселению в районы, прилегающие к западной покатости малодоступных Кавказских гор. О том, что такое переселение состоялось и позволило милетцам утвердиться в бассейне Фасиса (Риони) свидетельствует приводившееся ранее сообщение Гераклида, согласно которому по Фасису первоначально жили гениохи, а потом милетяне.

В конце II века до н.э. власть над Боспорским царством и над значительной частью Восточного Причерноморья перешла к могущественному Понтийскому царству. Правитель этого царства Митридат IV Евпатор (132–63 г. до н.э.) в соперничестве и борьбе за власть с греками и римлянами проводил политику сближения с местными (варварскими) племенами Причерноморья, в том числе с синдами, меотами, колхами, гениохами. Но включение Колхиды и ее окрестностей в состав Понтийского царства было отнюдь не мирным, оно сопровождалось сопротивлением и восстанием местных племен, а также ожесточенной борьбой за власть в самом Понтийском царстве между Митридатом IV и его сыном Фарнаком. Фарнак, назначенный Помпеем, царем Боспорского государства, пытаясь проводить самостоятельную политику, вступил в конфликт с римлянами, потерпел от них поражение и погиб в 47 г. до н.э.

После этого некоторое время (с середины I в. до н.э. до середины I в. н.э.) Колхида со всеми ее племенами, включая частично гениохов, все еще находилась в составе понтийских владений под властью местных правите-

лей, ставших вассалами римлян. Но в 63 г. н.э. Понтийское царство (также как и другие области Восточного Причерноморья и Крыма) отошло – частью реально, частью номинально – в состав Римской империи. Политика, так называемого «митридатизма»¹⁴ – сближения с местными племенами и привлечения их к управлению империей на этом заканчивается. Вот как характеризует эту ситуацию Иосиф Флавий: «Зачем говорить о гениохах и колхах, о племени тавров, боспорцах и живущих вокруг Понта и Майотиды народах, которые раньше не признавали даже и собственного владыки, а теперь держатся в подчинении тремя тысячами гоплитов, и сорок военных кораблей поддерживают мир на несудоходном прежде и суровом море...»¹⁵.

Однако власть над гениохами, о которой пишет Иосиф Флавий, только декларировалась римлянами. На самом деле гениохи и тесно связанные с ними политически и этнически зихи и ахейцы в полной мере сохраняли свою независимость, власть римлян на них не распространялась. Во всяком случае, это касается племен к северу от Ахеунта (Шахе). Более точно, чем Иосиф Флавий, описывает сложившуюся в I в. н.э. ситуацию в Европе и азиатской части Причерноморья, Страбон, ср.:

«...Римляне владеют почти целой Европой, кроме части ее по ту сторону Истра и приокенских стран между Рейном и Танаисом. В Ливии им подвластно все обращенное к нам побережье, а остальная часть ее необитаема или скудно заселена кочевниками. Равным образом и в Азии (Восточном Причерноморье. – Б.Б.) наше побережье все подчинено им, *если не брать в расчет земель ахейцев, зигов и гениохов* (выделено мной. – Б.Б.), ведущих разбойническую и кочевую жизнь в тесных и скудных местностях»¹⁶.

Описывая вслед за этим характер взаимоотношений римлян и племен Восточного Причерноморья, и имея в виду в первую очередь гениохов, зихов и ахейцев, сохранивших независимость, Страбон пишет: «Есть также под их властью некоторые династы, князьки и жрецы; эти живут по отечественным законам»¹⁷.

Несмотря на отток значительной части гениохов из районов между Трапезундом и Фасисом, в первых веках новой эры племена гениохов фиксируют по-прежнему в районах, прилегающих к Малой Азии – в бассейнах рек Пританис, Апсара и Фасис, в окружении саннов (макронов), мосхов, таохов, зидритов, колхов. В данном географическом и культурно-историческом пространстве помещают гениохов Плиний Старший (I век н.э.), Арриан (II век н.э.)¹⁸ и др. Так, Арриан отмечает, что макроны (санны) и гениохи объединены здесь под властью царя Анхиала, что, кроме всего, позволяет думать о принадлежности их к одной культурно-языковой общности. Арриан сообщает также о дворце Анхиала за рекой Пританис¹⁹. Но с другой стороны, гениохи оказались здесь в двойной зависимости – от римлян, установивших свое господство в Понтийском царстве, и от местных иберийских (колхидских) правителей. Например, царю Иберии (Колхиды) Фарасману были подвластны тесно связанные с гениохами зиги-зидриты выше Трапезунда²⁰.

Несомненно, как и в прошлом (в связи с персидской экспансией) это подталкивало гениохов к переселению в центральные и северные области Восточного Причерноморья, где в труднодоступных горах Кавказа родственные им гениохские племена сохраняли свою независимость, где они

могли чувствовать себя более защищенными и свободными. Под этим углом зрения следует рассматривать и сведения о том, гениохи покинули некоторые области на юге. Гераклид, как упоминалось выше, прямо связывал уход гениохов из Юго-Восточного Причерноморья с греческой колонизацией. Следует сказать и о том, что связанное с оттоком гениохского населения уменьшение их удельного веса в Юго-Восточном Причерноморье и в прилегающих областях Малой Азии сопровождалось смешением с другими племенами в этом районе, а в ряде случаев сменой этнонима и этнической идентичности. Примером такого рода может служить превращение керкетов (керкитов) в аппаиты, о котором пишет Страбон: «Выше Трапезунта и Фарнакии живут тибараны, халды и саны, которых прежде называли макронами, и (лежит) Малая Армения, близко к этим местам живут также аппаиты, прежние керкиты»²¹.

По всей видимости, оставаясь в окрестностях Трапезунда и Фасиса, гениохские племена постепенно смешивались и объединялись с другими, в том числе и древнегрузинскими племенами. И это подтверждает участие гениохских (абхазо-адыгских) племен в этногенезе грузин.

С другой стороны, уходя на север, гениохи увлекли за собой множество тесно связанных с ними племен, в том числе и особенно грузиноязычных. Этим можно объяснить упоминание на северном крыле Восточного Причерноморья махелонов, колхов, кораксов, лазов, укрепленного города Старая Лазика, а также меланхаленов, к которым возводят некоторые ученые современных мегрелов. Не случайно, как мы понимаем, на Певтингеровой карте лазы помещены рядом с гениохами на Северо-Западном Кавказе²². Сделано это, по-видимому, с учетом этнической ситуации первых веков новой эры. В позднеантичное время в этом пространстве отмечают обычно только зихов²³, как самый большой и могущественный гениохский народ.

3. Сведения о родстве гениохов с греками и пеласгами

В соответствии с литературной традицией гениохи сформировались в ходе взаимодействия и смешения с эллинами. Распространялись предания об их родстве с греческими ахейцами, спартанцами, а также с пеласгами – древним варварским народом, населявшим Элладу в догреческие времена. Устанавливалось, таким образом, не только прямое родство греков и гениохов, но также их происхождение от одного и того же многочисленного племени пеласгов и даже от одного и того же предка Инаха.

Большую роль в такой постановке вопроса о происхождении гениохов сыграл миф о походе греков за золотым руном под предводительством Ясона. В одном из вариантов мифа родоначальниками гениохов называют спартанцев по имени Амфистрат и Керкий²⁴, участвовавших в этом походе в качестве возничих колесницы божественных близнецов Диоскуров. Отсюда внутренняя, собственно греческая форма этнонима $\eta\gamma\iota\omicron\chi\omicron\iota$. В Древней Греции это слово означало «возничие» или «возницы». По всей вероятности, подчеркивает в данной связи Страбон, от Крекаса и Амфистрата «гениохи получили свое имя», а их страна получила имя Гениохия, в то время как фтиотийские ахейцы²⁵ из войска Ясона заселили и основали Ахею²⁶.

При этом кавказских ахейцев считали прямыми потомками ахейцев из греческой области Ахайя. Считалось, что греки-ахейцы оказались в

Восточном Причерноморье случайно, что, в незапамятные времена они были занесены в Понт бурей, когда возвращались на кораблях из Трои. Со временем они, как утверждали греческие писатели, размножились и превратились в настоящих варваров, отличавшихся необычайной жестокостью. Аристотель, учитель Александра Македонского, писал, что ахейцы и гениохи относятся к племенам, «питающим склонность к убийству и людоедству»²⁷. По словам Дионисия Галикарнасского (I век до н.э.), «племя ахейцев, живущих вокруг Понта, само греческого происхождения, теперь самое жестокое из варваров»²⁸.

О дикости зигов, живущих рядом с гениохами и ахейцами, сообщает Евстафий. «За ахейцами, – пишет он, – следуют вышесказанные гениохи и зиги, племя очень дикое, по преданию происходящее от пеласгов»²⁹. О гениохах, таврах и ахеях, занимающихся пиратством сообщает в I веке до нашей эры Диодор Сицилийский в связи с мерами, предпринятыми против этих племен боспорским царем Евмелом сыном Перисада³⁰.

Подробно и красочно рассказывает о злоключениях ахейцев и выработавшихся у них диких нравах Аппиан (II век н.э.). Потерпев кораблекрушение у берегов Кавказа, и, оказавшись в незнакомой стране среди диких племен, они, по его словам, долго страдали от притеснений со стороны местного населения. Надеясь вернуться домой, они через своих посланцев сообщили о случившемся в родные города, с просьбой прислать за ними корабли. И затем долго и напрасно ждали помощи из Греции, постепенно объединяясь с местными племенами, перенимая их привычки и образ жизни. Не получив из Греции ни помощи, ни ответа, ахейцы, согласно преданию, «рассердились на весь эллинский род» и в отместку за то, как обошлись с ними соотечественники, сделали для себя правилом брать эллинов в плен и расправляться с ними как настоящие варвары. Сначала они убивали всех эллинов без разбора «по обычаю скифов». Со временем казнь без разбора сменилась убийством самых красивых и видных из них. А затем стали убивать лишь тех, на кого падет жребий³¹.

Существовала, как мы убеждаемся, своя собственная история происхождения от греков для каждого из гениохских племен. Собственно гениохов, как сказано, считали спартанцами и связывали их происхождение с походом аргонавтов в Колхиду за золотым руном. Ахеям приписывалось формирование в связи с оседанием на Западном Кавказе ахейцев из области Ахайя в Элладе. Зигов рассматривали как прямых потомков древних пеласгов, живших в Восточном Средиземноморье еще в догреческие времена. Поэтому иногда их называли самым «диким» из числа гениохских племен, в меньшей степени испытавшим на себе благотворное влияние эллинской культуры.

С другой стороны сложилось мнение, что и греческие племена, в особенности ионийцы и эолийцы (ахейцы), сформировались в результате смешения с населявшими Элладу пеласгами, принявшими греческий язык и передавшими ему свойства своего языка. По мнению Геродота, эллинская речь была ветвью языка и речи пеласгов³², Эллада, называлась раньше Пеласгией, а ионийцы в Пелопоннесе – пеласгами³³.

Вождем и старейшиной пеласгов в Пелопоннесе был по представлению Софокла некто Инах³⁴, имя которого связывали с происхождением греков. Выражая такое мнение, как прочно утвердившееся в греческой литературной традиции, еще в 1811 году Джон Гиллис писал, что «грубые

пеласги чтили Инаха в качестве своего родоначальника»³⁵. Считалось, что Инах основал в Пелопоннесе город Аргос на реке Инах, получившей, как видно, это название в честь старейшины и вождя пеласгов.

По-видимому, представления о пеласагах, как о народах, принявших участие в этногенезе греческих и некоторых кавказских племен, сложились в греческом общественном сознании после падения хеттской державы. В VI–V веках до н.э. эти представления были востребованы в связи с греческой колонизацией Восточного Причерноморья. Самоназвание местных племен с основой *инах*, было заменено на созвучное ему имя *ήγίιοχοί* – «возничие» с акцентом на происхождении этих племен от греческих поселенцев во главе с возничими Диоскуров – Крекасом и Амфистратом. Это вполне отвечало духу героического времени, пиетету, с которым относились древние греки к дальним странствованиям и войнам, к силе, сноровке и мужеству мореходов и возничих, управлявших боевыми судами и колесницами.

Создавалось, в конечном счете, представление об участии пеласгов в этногенезе и культурогенезе как греческого народа, так и народов Восточного Причерноморья. Греческое общество в силу этих причин ощущало постоянную и прочную связь с Кавказом и с племенами Кавказа.

4. Зихи и Зихия в составе Гениохий

Каким образом в Восточном Причерноморье оказались пеласги греческая мифология умалчивает. Но в трудах древних авторов, как сказано выше, можно встретить указания на то, что зиги – это прямые потомки пеласгов. «Гениохи и зиги, чада земли пеласгийской», – пишет во II в. н.э. Дионисий³⁶. В IV веке н.э., перечисляя племена на северо-западе Восточного Причерноморья, в том же духе высказывается Руфий Фест Авиен. По его словам, за киммерийцами и синдами живут керкеты и тореты, за ними гениохи, а «затем зиги, которые некогда покинув царство пеласгов, заняли ближайшие местности Понта» Можно привести также свидетельство Евстафия о том, что за ахейцами следуют «гениохи и зиги, племя очень дикое, по преданию происходящее от пеласгов»³⁷.

Объединение гениохов с зигами в этих описаниях не случайно. Безусловно, они говорили на одном языке, или на двух очень близких языках, вели одинаковый образ жизни и, фактически, никогда не отрывались друг от друга. Даже гениохи окрестностей Трапезунда жили, как можно думать, рядом с общиной зигов (зидритов), основавших здесь город Зигополь (по Страбону), Задрис (по Птолемею)³⁸. С этими зидритами, пишет по этому поводу В.В. Латышев, «могут быть сближены зиги... и с ними можно сопоставить населенный пункт Задрис»³⁹.

В позднеантичное время зихов, как сказано выше, представляют как самый большой гениохский народ. Фактически в этот период термин *зиги/зихи* заменяет собой этноним *гениохи*, вытесняет его из обращения. Об этом и о других существенных изменениях этнической ситуации в Восточном Причерноморье пишет Псевдо-Арриан:

«Итак, от Старой Ахеи (совр. Джубга) до Старой Лазики (совр. Ново-Михайловка) и затем до реки Ахеунта прежде жили народы, носившие имена: гениохи, кораксы, колики, меланхлены, махелоны, колхи и лазы, а ныне живут зихи»⁴⁰;

«От гавани Пагры (совр. Геленджик) до Старой Ахеи прежде жили так называемые ахейцы, а ныне живут зихи»⁴¹.

Что касается пространства между Синдской гаванью и Пагрой (Геленджиком), то оно, как утверждает Псевдо-Арриан, было занято в это время (V в.) «эвдусианами» (готами или гуннами). Но раньше этот район принадлежал, по его словам, керкетам и торитам⁴². Два последних племени, насколько мы понимаем, объединились с синдами. Об этом свидетельствует и относящееся к V в. н.э. свидетельство Гесихия Александрийского о том, что «керкеты: народ синдский»⁴³. То же самое можно сказать в отношении торетов. Известно, что они были либо очень тесно связаны с керкетами, либо были этим же самым племенем (то есть керкетами), но под другим названием⁴⁴. В любом случае керкеты и тореты, оставаясь гениохскими племенами, находились в составе и в сфере влияния Синдики. При этом синды никогда не входили в союз зихских племен и были больше связаны с меотскими племенами, на основе которых сформировались впоследствии западноадыгские (западнокавказские) племена и страна *касов/кашаков/касогов*, Каса, Касахия, Кашакия, о чем пишут позже, в X в., хазарский царь Иосиф, византийский император Константин Багрянородный, арабский географ Масуди.

В конечном итоге все это свидетельствует о том, что в V–VI веках Гениохия разделилась на Малую, включавшую в свой состав апсилов и абазгов и Большую, состоявшую из зихов. Этноним «зихи» стал общим для всех племен Восточного Причерноморья к северо-западу от реки Шахе, включая в число этих племен санигов, переселившихся на северный склон Кавказского хребта.

В VI в. зихи (и объединившиеся с ними саниги) вышли из подчинения рухнувшей Западно-Римской империи и еще не подчинились ее преемнице Византии. Прокопий Кесарийский прямо на это указывает: «В древности этим зехам римский император назначил царя; теперь же эти варвары ни в чем уже не повинуются римлянам»⁴⁵. Власть Рима и Византии над Зихией, как видно, была всегда не достаточно прочной. Возможно, это лишило зихов поддержки со стороны римлян во время нашествия готов в 230–250 гг. и гуннов в 1371 г. Этим завоевателям удалось вытеснить зихов из северных территорий страны, из окрестностей современного Новороссийска и Геленджика. Отсюда слова Прокопия о том, что к северу от зихов и санигов до «Меотского болота» (Азовского моря) и до реки Танаис (Дон) живут гунны и отдельные группы готов⁴⁶.

Но пребывание готов на севере Зихии продолжалось недолго, а численность гуннов постоянно сокращалась под давлением зихов с юга и родственных им касских племен с востока. Уже в середине VI в., когда схлынули первые волны готского и затем гуннского нашествия Зихия и особенно Абастия еще больше расширяют свои границы. Постепенно усиливая свое влияние на соседние страны и народы, они вступают в сложные отношения с Византией, Грузией, Аланией, Черкесией (Кавказией, Касахией), а несколько позже, в середине X века – с Древней Русью.

5. Тиндарида – Малая или Южная Гениохия

Существенные изменения этнической ситуации в Восточном Причерноморье происходят, как мы видим, начиная с рубежа новой эры. Гениохии по-прежнему располагаются по всей линии Восточного Причерноморья и прилегающих районов Малой Азии. Но основные центры страны смещаются к северу в район Севастополиса и Диоскуриады, и еще дальше вплоть до Синдики – в области, где были особенно сильны позиции зигов, ахейцев и других гениохских племен.

Экономическим и культурным центром Гениохии становится в этот период область на севере Колхиды под названием Тиндарида. К числу тиндаридов или тиндариев следует отнести гениохские племена апсиллов, абазгов и санигов. Согласно греческой мифологии они считались потомками греческих поселенцев во главе с братьями-близнецами Диоскурами – Полидевом и Кастором, сыновьями спартанского царя Тиндара. Термин Тиндарида, как следует из сказанного, является фактически иным названием Гениохии Страбона. Родоначальниками гениохов и основателями Гениохии он, как сказано выше, также считал спартанцев, но, правда, не Полидевка и Кастора, а их возничих – Амфистрата и Керкия, откуда, как сказано выше, и пошло название местных племен – «возничие».

Первые сведения о тиндаридах, имеющих своих правителей или царей, появляются в I–II веках н.э.⁴⁷, после того, как гениохии, оставаясь частично еще и вблизи Трапезунта, прочно утверждаются на западных отрогах Кавказского перешейка. Хорошо описывает эту, сложившуюся во II веке н.э. ситуацию, Дионисий, на которого мы ссылались в связи с преданиями о роли пеласгов в этногенезе гениохов и зигов:

«Вблизи Меотийского озера живут сами меоты и савроматские племена... С савроматами же, как соседи, живут синды, киммерийцы и живущие вблизи Эвксина Керкетии тореты и сильные ахейцы... За ним живут, владея соседней землей, гениохии и зиги, чада земли пеласгийской; а по берегам самой дальней части Понта, за страной тиндаридов живут колхи, выходцы из Египта»⁴⁸.

Как видим, греки выделяли тиндаридов из общего круга гениохских племен и не смешивали с колхами, что позволяет говорить не только об их культурно-языковой близости, но и возможности существования политического союза апсиллов, абасков (абасгов) и санигов. Важное место занимали в этом союзе саниги и царство Санника. На территории этого царства размещались основные центры Гениохии – города Диоскуриада (совр. Сухуми) и Питиунт (совр. Пицунда). Являясь по языку и культуре частью зихской общности гениохских племен (см. об этом ниже), саниги стали одним из самых значительных подразделений гениохского суперэтноса, своего рода организующим центром древних абхазо-адыгских и определенной части древнегрузинских племен Западного Кавказа.

При этом страна тиндариив, в создании которой принимали активное участие греки и римляне, была, безусловно, составной частью Колхиды, а Диоскуриада одним из основных после г. Фасиса центров Западного Закавказья. К концу первого века до н.э. Диоскуриада превращается в самый значительный торговый и культурный центр всего Восточного Причерноморья. Она, по словам Страбона, служила «общим торговым центром»

для народностей, живущих выше (то есть на северном склоне Кавказа) и в окрестностях самого города. «Во всяком случае, – пишет он, – в этот город собирается 70 народностей (согласно другим, которые вовсе не заботятся о действительности, даже 300). Все они говорят на разных языках, так как живут врозь и замкнуто в силу своей гордости и дикости. Большая часть их принадлежит к сарматскому племени, и все они называются кавказцами»⁴⁹.

Вне всякого сомнения, гениохская общность охватывала собой значительную часть этих племен, разбросанных по всему Восточному Причерноморью. Следует отметить в данной связи, что и после массового переселения гениохов (и зихов) на север, уже во II в. н.э. часть из них оставалась вблизи Трапезунда на юге Колхиды. Например, рядом с макронами (санами / цанами) жили зидриты, с которыми, как указывалось выше, сближают зигов и связывают населенный пункт Задрис (вероятно, Зигополь).

Оставались в этом районе и племена все еще носившие имя гениохи. Так, Арриан и Дион Кассий отмечают, что макроны и гениохи объединены здесь под властью царя Анхиала. В то же время царю Иберии (Колхиды) Фарасману были подвластны тесно связанные с гениохами зиги-зидриты⁵⁰, которым принадлежал, как сказано, город Зигополь, расположенный выше Трапезунда⁵¹. Все это свидетельствует о тесном взаимодействии гениохов с древнегрузинскими племенами. Одним из символов такого взаимодействия и единства является Колхида, с ее, как говорил С. Джанашиа, «многочисленным, многообщинным населением»⁵². В состав Колхского мира входили сами колхи, а также кораксы, колы, соаны (сваны), мосхи, саны (цаны), тибарены. Но вместе с тем и явно абхазо-адыгоязычные гениохи, керкеты, апсилы, абазги, саниги, потомки народов майкопско-анатolianской общности (хаттов, касков, абешла), населявших Северный Кавказ, Восточное и Южное Причерноморье с доисторических времен⁵³.

В VI–V вв. до н.э. в эту древнегрузино-абхазоадыгскую контактную зону были вовлечены и греческие поселенцы. Оказывая воздействие на социальную и культурную организацию местных племен они, и сами, в свою очередь, испытали на себе заметное влияние местных языков, традиций, мифов. Западный Кавказ поразил греков своим величием, разнообразием племен, традиций, языков, стал для них источником новых впечатлений, тем, сюжетов, без которых сейчас невозможно даже представить культуру Древней Греции.

6. Саниги, абаски, брухи, зихи

Во II в. н.э. Апсилия (Абхазия), Абастия (Авастия), Санника (будущая Жаннетия), а также Зихия предстают как сравнительно крупные этнополитические образования, имеющие своих «царей» и входящие в состав Римской империи. Об этом пишет в 134 г. Флавий Арриан в сочинении «Объезд Эвксинского Понта». Этот труд, составленный по результатам плавания по Черному морю до Диоскуриады (Сухуми), был представлен как отчет императору Адриану, правившему Римом в период его расцвета.

Зихов, санигов, абасков и апсиллов Флавий Арриан называет в числе самых значительных народов Восточного Причерноморья⁵⁴. Их земли

простираются от Тамани на севере до Диоскуриады на юге. Земли зихов расположены от гавани Пагры (Геленджик) до реки Ахеунт (Шахе). Река Ахеунт «отделяет зилхов (зихов. – Б.Б.) от санигов», – пишет Флавий Арриан⁵⁵. К югу от санигов живут абаски. За абасками в южном направлении следуют апсилы. Сообщается также о царях этих племен и народов. Зихи, по словам Арриана, подчиняются царю Стахемфаку. Санигами управляет царь Спадаг (Спедага), абасками царь Ресмаг (Римага), апсилами – царь Юлиан. Первые три царя получили власть от римского императора Адриана. А апсильский царь Юлиан «коронован» еще раньше императором Траяном, отцом Адриана.

В V в. аналогичные данные, с небольшими, но очень важными дополнениями и уточнениями приводит Псевдо-Арриан, безымянный автор, одноименное сочинение которого основано на материалах Арриана.

Из сочинения Псевдо-Арриана мы узнаем дополнительно к тому, что сказано об интересующем нас предмете Флавием Аррианом, некоторые другие любопытные сведения. Отмечается, в частности, что царство абасков (абазгов) располагалось между реками *Абаска* (Бзыбь ?) и *Брухонт* (Мзымта). А саниги («санихи») живут от реки *Брухонт* (Мзымта) до реки *Ахеунт* (Шахе)⁵⁶. Лучше представить общую картину сложившейся в этом районе культурно-исторической ситуации и специфики позволяют и некоторые другие детали данного описания. Например, Псевдо-Арриан пишет, что река Брухонт «ныне называется Мизигом», что лишнее раз убеждает нас в том, что речь идет о р. Мзымте. Реку Ахеунт Псевдо-Арриан называет «доступной для судов». И в самом деле, река Шахе, с которой ассоциируется у нас Ахеунт, одна из самых глубоководных в этом районе.

Добавим к этому, что древнее название реки Мзымты – Брухонт, несомненно, было связано с племенем брухов или убыхов. Видимо отсюда начинались их земли, простираясь до Ахеунта (Шахе), по верховьям этих двух рек (Брухонта и Ахеунта), в то время как в низовьях жили саниги.

Во II веке н.э. саниги, уступив свои южные земли абаскам, заняли пространство между реками Брухонт (Мзымта) и Ахеунт (Шахе). По данным Певтингеровой карты и по сведениям Прокопия Кесарийского, вскоре после этого они ушли еще дальше на север и переселились на северный склон Кавказского хребта. На Певтингеровой карте, основа которой создавалась в III веке, мы видим, что саниги *Sannigae* отмечены к югу от народа *Caucasi*⁵⁷ на северо-западных отрогах Большого Кавказа, где расположены синды, псаканы, аланы, аорсы и другие северокавказские народы (рис. 3).

В верховьях Брухонта и Ахеунта, как сказано выше находилась уже тогда Убыхия, еще одна по-настоящему гениохская страна, населенная убыхами. В сочинении Прокопия Кесарийского убыхи упоминаются под названием брухов, что лишнее раз свидетельствует о том, что *Брухонт* является древним названием современной реки Мзымта и это имя (Брухонт) было дано ей по жившим по этой реке (в ее верховьях) убыхам или брухам.

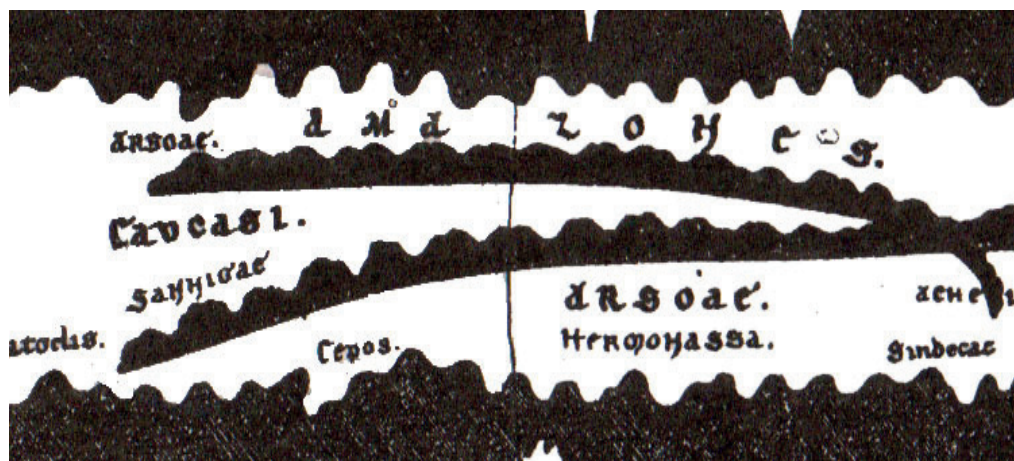

Рис. 1. Фрагмент Певтингеровой карты с локализацией санигов в северной части Западного Кавказа по соседству с кавкасами, синдами, аорсами, амазонками и др.

В VI в. Тиндариды и, в частности Абасгия, прирастает на севере территориями, принадлежащими до этого зихам-санигам. Как явствует из сочинения Прокопия Кесарийского «Война с готами», границы абсагов простирались от апсильев (абхазов) до гор Кавказского хребта. При этом брухи (убыхи), находясь в составе абасгов, занимают горные районы Абасгии на ее границе с Аланией. В данном случае перед нами первое достаточно отчетливое наименование убыхов, и еще более четкое определение занимаемой ими территории. Определяется и новое расположение санигов, на северном склоне Кавказского хребта. Для этнической истории абхазо-адыгских племен эти, частично упоминавшиеся выше, сообщения настолько важны, что лучше всего привести их целиком:

«За пределами абасгов до Кавказского хребта живут брухи, находясь между абасгов и алан. По берегу же Понта Эвксинского утвердились зехи. В древности этим зехам римский император назначил царя; теперь же эти варвары ни в чем уже не повинуются римлянам.

За ними живут сагины; приморской же частью их страны издревле владели римляне»⁵⁸.

Эти и другие аналогичные сведения говорят нам о том, как осуществлялась колонизация Восточного Причерноморья. В зависимости от римлян и греков попадали абхазо-адыгские племена, живущие у моря, а те, что находились в горах оставались свободными или относительно свободными. Одновременно на тех участках Причерноморья, где позволяли обстоятельства, римляне строили собственные поселения, защищенные крепостями. В контексте общих черт греческой колонизации Кавказа следует рассматривать и сообщения о местных царях, лояльных Риму и Византии. Время от времени народ свергал этих царей, желая, как и общества в горах, сохранить свою независимость. Например, жители Абазгии, по свидетельству Прокопия Кесарийского, подчинялись двум «царям» – Опситу на юго-востоке страны и Скепарну – на северо-западе. Но власть этих правителей была поколеблена, и «абасги, низложив своих царей, решили жить на свободе»⁵⁹. Мы узнаем также, что в середине VI века абазги и апсилы

находились в зависимости от лазов и византийцев. Император Юстиниан (Юстиниан I) построил для них храм Богородицы и, «назначив им священников, добился того, чтобы они приняли христианский образ жизни», в то время как народ все еще почитал рощи и деревья, «полагая, что деревья являются богами».

Что же касается зихов и объединившихся с ними санигов, то они в это время не подчинялись никому. Прокопий Кесарийский прямо на это указывает: «В древности этим зехам римский император назначил царя; теперь же эти варвары ни в чем уже не повинуются римлянам»⁶⁰. Власть Рима и Византии над Зихией, как видно, была всегда не достаточно прочной. Возможно, это лишило зихов поддержки со стороны римлян во время нашествия готов в 230–250 гг. и гуннов в 1371 г. Этим завоевателям удалось вытеснить зихов из северных территорий страны, из окрестностей современного Новороссийска и Геленджика. Отсюда слова Прокопия о том, что к северу от зихов и сагинов (санигов) до «Меотского болота» (Азовского моря) и до реки Танаис (Дон) живут гунны и отдельные группы готов⁶¹.

Из этого следует также, что в VI в. саниги уже покинули места своего прежнего обитания между рекой Абаска (Бзыбь) и Ахеунт (Шахе), где они жили между абазгами и зихами. Мы знаем к тому же, что переселение санигов на северный склон Кавказского хребта произошло задолго до событий, описываемых Прокопием Кесарийским, возможно, еще в III в. Показательно, что Ад. Берже и вслед за ним Л.Я. Лавров и Н.Г. Волкова возводят к санигам черкесское племя и княжество Жане в низовьях Кубани⁶². Справедливость этого заключения подтверждается многими источниками, среди которых Певтингерова карта занимает особое место как одно из самых ранних и наглядных свидетельств переселения санигов на северный склон Кавказского хребта. Столь же важна эта карта как первое наглядное отображение на Западном Кавказе крупного народа кавкасиев (касов) и страны Кавкасии, будущей Касахии и Черкесии.

В период средневековья саниги фигурируют в составе Зихии под именем санов (жанов, жанеевцев). Обосновавшись в самом центре Зихии, в бассейне реки Вулан (адыг. *Выпсынэ*), они укрепили позиции зигов/зихов на севере Восточного Причерноморья. На итальянских морских картах XV–XVII веков, эта область обозначена как *Sanna Zichia*, *Saunacichia* – Жанеевская Зихия⁶³. В этот же период большая часть санигов-жанов поселилась в низовьях Кубани по обоим берегам этой реки и создала здесь могущественное княжество Жанэ (Жанетия), оспаривавшее у Кабарды свое первенство в Черкесии. Несмотря на это Эвлия Челеби, отдавая пальму первенства Черноморской Жанетии, назвал княжество санигов на реке Вулан Большой Жанетией, а черкесское княжество на Кубани Малой Жанетией⁶⁴.

7. О культурном содержании терминов *камара, камариты, скептухи*

История гениохов, как мы видим, сопровождалась сложными процессами этнической диверсификации и интеграции, в ходе которых сложились основные черты и особенности их культурного облика и образа жизни. Грекам он представлялся варварским, диким, несмотря на убеждение в том, что все гениохские племена произошли от поселенцев, прибывших

на Кавказ из Греции. Отмечалась, как известно, склонность гениохов к убийствам, пиратству, работорговле, даже к людоедству.

Пиратский образ жизни и использование для этого боевых лодок под названием *камара*, *καμαρα* называют обычно как наиболее характерную черту гениохских племен. Подробно пишет об этом Страбон:

«После Синдской области и Горгиипии, что на море, следует побережье ахейцев, зигов и гениохов, лишенное большей частью гаваней и гористое, так как оно является частью Кавказа. Эти народности живут морским разбоем, для чего у них есть небольшие, узкие и легкие лодки вместимостью приблизительно до 25 человек, редко – до 30; у греков они называются «камарами». Как говорят, эту Ахею заселили фтиотийские ахейцы из войска Иасона, а лаконцы поселились в Гениохии; предводителями последних были Крекас и Амфистрат – возницы Диоскуров; по всей вероятности, гениохы получили свое имя от них. Снаряжая флотилии таких «камар» и нападая то на купеческие корабли, то даже на какую-нибудь страну или город, они господствовали на море. Иногда им помогают даже жители Боспора, предоставляя свои корабельные стоянки, рынок для сбыта добычи. Когда они возвращаются в родные места, то при отсутствии корабельных стоянок им приходится на плечах переносить «камары» в леса, где они и живут, обрабатывая скудную землю. Когда же наступает время плавания, они снова несут свои лодки к берегу. Точно так же поступают они и в чужих странах, где им хорошо известны лесистые места; там они прячут свои «камары», а сами пешком бродят днем и ночью, похищая людей для продажи в рабство»⁶⁵.

Представленная Страбоном картина позволяет понять, почему в античных источниках гениохские племена объединяют иногда под названием *камариты*. Встречаются упоминания «большого племени камаритов» на Кавказе (Дионисий, 652–710), «знаменитых поселений камаритов» между Трапезундом и Фасисом» (Аммиан Марцелин, XXII. 8. 24), кавказского «племени камаритов, очень любимых Вакхом» (Присциан. 644–721). В сущности, перед нами аналог или замена этнонимического термина «гениохы», подчеркивающий, что речь идет о племенах, которые имеют боевые лодки «камары» и ведут пиратский образ жизни, используя камары для разбойничьих нападений на проплывающие суда⁶⁶.

Но термин «камариты – это не только синоним этнонима «гениохы». Он прямо связан и перекликается с культурным содержанием, с коннотациями греческого слова *возничие*. Известно, с каким пиететом относились в древней Греции к той роли, которую исполняли колесничие на полях сражений и в соревнованиях боевых колесниц на Олимпийских играх, а мореходы соответственно – в дальних плаваниях, расширяющих границы греческого мира. Вспомним в данной связи знаменитые скульптурные изображения возничих (Возница из Мотии, Дельфийский возница и др.) и образы отважных мореходов в Одиссее и в мифах о походе аргонавтов.

С легкой руки греческих писателей камары стали визитной карточкой древних, а, отчасти, и средневековых абхазо-адыгских племен, символом их морского, пиратского образа жизни и мастерства. Об этом много писали в прошлом и пишут сейчас. Существует мнение, что боевое судно гениохов – камара (*καμαρα*) это прообраз черкесской боевой галеры – *кьуашьо/кхьуафэ*, *кьуашьэмарэ*, изображение которой помещено на титульной странице лондонского издания известной книги Тебу де Мариньи⁶⁷ о трех путешествиях в Черкесию в 1818 и 1823 годах (рис. 2).

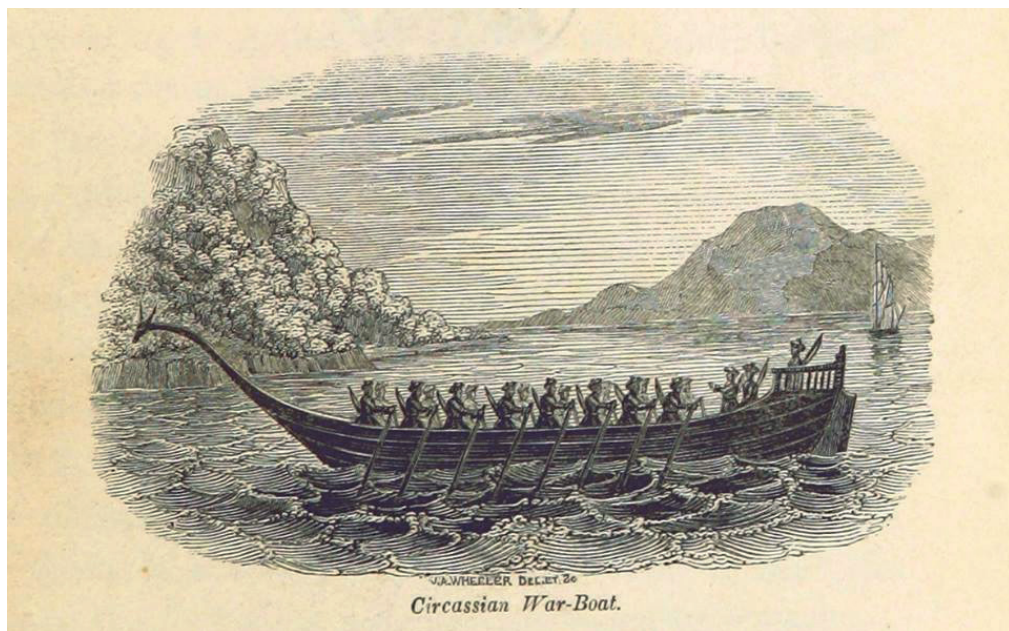

Рис. 2. Черкесская боевая лодка – галера (начало XIX века)

На сходство гениохских и черкесских боевых лодок особое внимание обратил Ф.Д. де Монпере, хорошо изучивший культуру и быт черкесов и абхазов во время путешествия по Крыму и Кавказу в 1833 году:

«Выше я изобразил черкесов такими, какими их изображает Страбон. Невольно изумляешься, как мало изменений совершилось с тех пор среди этих пиратов. В наши дни, как и тогда, у них те же легкие галеры, которые греки называли «камара», а они сами называют «каф», или «куафа», только сейчас они немного больших размеров. Это узкие ладьи с килем, длиной в 50 футов. Во времена Страбона они поднимали 25–30 человек, теперь же в них помещается 40–60 человек, из которых две трети гребут. Не имея мачт, эти низкие галеры ускользают от взоров вдоль берега; если пиратов преследуют слишком близко, их галеры так легки, что команда может вытащить их на берег и даже спрятать в лесу. Говорят, что в случае необходимости шапсуги, убыхи, саши или сахи могут снарядить 40 галер»...⁶⁸.

Остается сказать, что греки воспринимали гениохов или камаритов как самую большую общность Восточного Причерноморья со своими царями, с самобытной культурой и цивилизацией, которая легла в основу кавказской цивилизации. Поэтическое описание колыбели этой цивилизации, в том виде какой она представлялась древним грекам, оставил нам Псевдо-Орфей, автор «Аргонавтики». «Там, – пишет он, – крутая гора Синд (Кавказ) и цветущие луга, и поток многошумной реки Аракса, из которой текут Термодонт, Фасис и Танаис. Там славные племена колхов, гениохов и абасгов»⁶⁹. Менее поэтично, но вполне определенно выражен такой взгляд на Кавказ в составленной в византийские времена «Страбоновской хрестоматии»: «Самые высокие части Кавказа – самые южные, у Албании, Иберии и областей колхов и гениохов»⁷⁰.

О «восточном народе иберов» и о камаритах (гениохах), как о самых главных народах между Каспийским и Черным морем пишет также Дионисий: «Здесь Фасис, катясь по поверхности Киркейской равнины, извер-

гает в волны Эвксина свои быстрые пенистые воды, получив свое начало у Армянской горы. К северо-востоку от него лежит перешеек между Каспийским и Эвксинским морями. На нем живет *восточный народ иберы*, которые некогда пришли с Пиренеев на восток и вступили в ожесточенную войну с гирканами, и *большое племя камаритов ...*»⁷¹ (выделено мной. – Б.Б.).

Дополняют эти сведения сообщения об особенностях политической, социальной организации гениохов. В частности, мы узнаем, что, как правило, гениохские «народности» имели своих правителей или царей, назначенных римлянами. Упоминаются некоторые имена этих царей: Анхиал у гениохов и макронов (цанов), Юлиан у апсилов, Ресмаг у абасков, Спадаг у санигов, Стахемфак у зигов⁷². Отмечается, что цари гениохов управляют населением через подчиненных им представителей из сословия скептухов, что по гречески означает «жезло – или скиптроносцы»⁷³.

Известно, что уже в XIX веке Ф.Д. де Монпере, воспринимая традиции абхазо-адыгских народов как продолжение традиций древних народов Западного Кавказа, подчеркивал, что скептухи ахейцев, гениохов и зигов это предшественники знатных и привилегированных черкесских дворян средневековья и нового времени. Видимо, Монпере опирался при этом и на сведения Яна Потоцкого, который, встретившись с одним из представителей этого высшего дворянства – Шабаз-Гиреем Кундетом изобразил его со скипетром в руке. Описывая свое впечатление от встречи со старым вельможей, Ян Потоцкий, похоже, не сомневался, что перед ним «потомок и преемник древних скептухов», ср.:

«Мы пересекли всю деревню и прибыли к хозяину, который принял меня на пороге своего дома; это был седобородый старик с самой живописной и почтенной внешностью, какую только можно себе представить. Его одеяние было великолепным. Большая и богато украшенная турецкая сабля висела у него спереди на поясе, абсолютно такая же, как в костюмах наших королей из трагедий; наконец, в правой руке он держал самый настоящий скипетр; мне это доставило крайнее удовольствие, так как я рассчитывал быть и был действительно у потомка и преемника древних скептухов, или «держателей скипетра», которые правили дунайскими, а также кавказскими сарматами, как мы видим это у Страбона и Тацита»⁷⁴.

Надо сказать в этой связи, что кабардинские дворяне высшей степени – *тлекотлеши* действительно имели такие жезлы, как символы старого дворянства и особых наследственных прав и полномочий с этим связанных. Тлекотлеши, как известно, обладали 1) правом рассматривать споры и разногласия князей и принимать обязательные для князей решения о примирении; 2) право лишать князей их титула за какие-либо серьезные нарушения и преступления с понижением до степени дворян; 3) право брать под свою защиту людей, преследуемых князьями; 4) право участвовать в заключении договоров с другими странами и народами.

8. Греко-гениохские культурно-языковые связи и параллели

Мы убедились, что в греческой литературной традиции гениохи представлены как племена, сформировавшиеся не только в ходе смешения с местными племенами, но и с эллинами. Распространялись, как сказано, мифы и предания об их родстве с ахеями, спартанцами, пеласгами.

Подхваченная греческими писателями и историками эта версия стала общим местом тех разделов в их сочинениях, которые посвящены характеристике не только самих гениохов, но также и племен особенно тесно связанных с ними – ахейцев, керкетов, зигов, апсиллов, абазгов, саниггов и поводом для обсуждения причин и условий, лежащих в основе их варваризации. Эти племена считались в одних случаях варваризированными греками, а в других – эллинизированными варварами⁷⁵. Поэтому в комментарии на слова византийского богослова Никифора Блеммида о том, что к югу от синдов, киммерийцев, керкетийцев и оретов живут «могущественнейшие эллины, довольно многочисленны»⁷⁶, В.В. Латышев пишет: «Эллинами Никифор называет племена ахейцев, гениохов, зигов, которым авторы приписывали эллинское происхождение»⁷⁷.

Все это позволяет понять, почему называя гениохов варварами, греки в то же время окружили их ореолом таинственной, идущей из глубины веков силы. Впечатление такое, что в гениохах они видели свое прошлое, свое alter-ego, поэтому корни греческой сопричастности культурной истории гениоховских племен лежат, надо думать, очень глубоко – в культурных традициях протохеттского (хаттского) и хеттского периода истории малоазиатских и кавказских народов.

В сочинениях античных историков и писателей апперцепирующая масса этих древних традиций ощущается довольно отчетливо. Считать все это лишь плодом фантазии греков едва ли правомерно.

Вопросы этногенеза греческих племен давно, еще Н.Я. Марром были поставлены в зависимость от истории, языка и мифологии кавказских народов, в том числе черкесов и абхазов. Анализируя в данной связи лингвистический материал, Марр обнаружил любопытные параллели. Среди них соответствие греческого ἀδελφός брат адыгейскому (черкесскому) составному термину родства *дэ-лэху*, греческого ψυχή душа адыгскому *псэ* и абхазскому *апсэ* с тем же значением⁷⁸. Вяч. Вс. Иванов дополнительно к этому сближает греческое ψυχή и адыгское *псы* – «вода»⁷⁹.

В этой плоскости следует рассматривать, видимо, и целый ряд других параллелей: греч. Φυγάτηρ – адыг. *пхъу* дочь, греч. Θεός (Theos) Бог и адыгск. Т-хъэ с внутренней формой «Даритель жизни (живого)» и др. Показательно, кроме того, что Вяч. Вс. Иванов ставит взаимное соответствие адыгск. Тхъэ и греч. Θεός в один ряд с хаттским *tuh* в слове *wa-tuh-kante-n* «царевич» и кабардинским *тыхъ* в слове *паиц-тыхъ* «король, «царь»⁸⁰. Но при этом следует учитывать также заключенные в слове *тыхъ* иные значения: «приношение (дар) Богу» или «божественный дар».

Из области мифологии можно привести, кроме того, пример поразительного совпадения смысла и культурного содержания богинь судьбы, определяющих рождение и срок жизни человека: *Мойры* – у греков, *Тхъэ-щырыпхъуиц* – у черкесов.

Большое поле греко-абхазо-адыгских параллелей открывается и в ономастике. С древнейшими названиями греков и Греции ассоциируются, в частности, некоторые родовые имена и фамилии черкесов и абхазов: *Аргъэщокъуэ* – букв. «Сын Аргоса», *Алыджыкъуэ* – «Сын Эллады/эллинов».

К этническому термину пеласги восходят, судя по всему, названия наиболее известных гениоховских племен – зигов и абазгов. При этом в этимологическом отношении между термином *абазги/абазы* и *зиги/зихи* нет принципиальной разницы. Этномим *абазги/абазы* и производный от него этноним

абхазы восходит, вне всякого сомнения, к этнониму *зиги*, внедрившемуся в традиционные древние названия абхазоязычных племен – *абешла* и *апсуа*. И отсюда целый ряд этнонимов, наглядно демонстрирующих переход от *зигов* к *абасгам* и *абхазам*: *азы*, *азги*, *зега*, *азега*, *адзыг*, *абазг*, *абхаз*. В исторической Шапсугии сохранились топонимы (названия рек, гор, хребтов) с элементом *аз* – *Азыпс*, *Азып*, *АзгъукI*, *Азыш тау*⁸¹. Обращают на себя внимание и данные Х.С. Бгажба о том, что шапсуги – хакучинцы из аула Кичмай называли абхазцев азами⁸². По мнению К.Х. Меретукова, не исключено, что так называли абхазцев все шапсуги. Но Дж. Белл называл – вслед за черкесами, надо полагать – азами, точнее, *азраями* только «природных» абасгов (джигетов и убыхов). Об этом ясно свидетельствуют его дневниковые записи весны 1839 г. Здесь сообщения о поездке в край *азраев*⁸³, об *азраях* в нижней части края, близ Сухума⁸⁴, об расположении *азраев* за Сухум-Кале⁸⁵, о заметных отличиях языка *азраев* от языка *адыгов* или *черкесов*⁸⁶.

В один ряд с этими данными следует поставить и ойконим *ал-Анджаз* с вариантом *ал-Абджар* в известном сочинении Ибн Саида Магриби (XIII в.). По мнению В.В. Бартольда, к которому присоединяется И.К. Коновалова, при иной расстановке графем эти термины допускают прочтение в виде *ал-Абхаз*⁸⁷ с элементом *аз*, который, как мы убедились, является этническим термином *зихско-адыгского* происхождения.

Для лучшего понимания такого рода этнонимического обмена невозможно переоценить значение, которое имеет этнический термин *азега*. Судя по материалам Л.Я. Люлье и Ад. Берже он использовался адыгами для обозначения всех абхазоязычных племен⁸⁸. С другой стороны, этнический термин *аз* лежит в основе абхазского названия адыгов, на что указывал еще П.К. Услар. «Абхазцы, – пишет он, – называют Азухо, то есть азами, племя Адиге, живущее от них к северу, к стороне Кубани»⁸⁹. Трудно сказать, является ли это, как считал Услар, «очевидным доказательством» того, что «страна по Кубани в незапамятные времена называлась Азией»⁹⁰. Но сам факт внутреннего единства абхазо-адыгских народов сомнений не вызывает. «Очевидным доказательством» этого единства является, кроме всего прочего, практика взаимных названий и обозначений с элементом *зы/аз/зг*, восходящая к этническому термину *пеласги*.

9. К вопросу о ранней истории и происхождении гениохов. Каски, пеласги, иганиехи

С учетом большого числа общих форм, значений и смыслов в греческой и кавказской культурной истории Н.Я. Марр указывал на огромное значение *яфетических*, то есть кавказских элементов в греческом языке, настаивал на необходимости рассматривать образование эллинской нации в процессе скрещения с «неариоевропейским ионийским племенем», восходящим к пеласгам. Чтобы не быть голословным, приведу его предположения на этот счет целиком:

«Эти мелкие лингвистические разыскания связаны, как бы старательно этого не избегать, не только с проблемой об отношении пеласгов к эллинам, но и об образовании вообще эллинской нации в процессе скрещения с неариоевропейским ионийским племенем, причем в освещении *яфетидологических* данных сам акт скрещения мог совершиться на кавказской или при-кавказской почве, в том районе Черноморского побережья, который известен впоследствии, в историче-

ские эпохи, развитием колониальной жизни греков, как бы обратно плывших к тем же берегам прародины, а в доисторические эпохи эллинского национального самосознания – богатым набором мифов и сказаний, связывающих Грецию с Кавказом»⁹¹.

В широком контексте взаимодействия древних народов Кавказа и Передней Азии следует рассматривать и место гениохов в истории абхазо-адыгских племен. Есть все основания считать, что гениохи сложились как культурно-языковая общность на рубеже I тыс. до н.э. в результате соединения остатков хатто-каскайских племен с родственными (протоабхазоадыгскими) племенами Западного Кавказа. Есть все основания считать, что благодаря гениохам поддерживалась культурно-языковая связь между южной хатто-каскаско-палайской частью потомков майкопско-анатолийских племен с ее северной частью – киммеро-синдо-меотской.

К такой постановке вопроса предрасполагает, кроме всего прочего, известная надпись ассирийского царя Тиглатпаласара I (1115–1077 гг. до н.э.), где в качестве синонима названия *kaška* используется термин *abešla*, *абешла*⁹².

По мнению Г.А. Меликишвили, И.М. Дьяконова⁹³ и ряда других ученых, этноним *абешла* соотносится с именем одного из гениоховских племен в центре Восточного Причерноморья. А именно: с апсилами античных источников, имя которых созвучно самоназванию современных абхазов – *апсуа*. Г.А. Меликишвили пишет в данной связи и о возможности сопоставления страны Похува в летописи хеттского царя Мурсили II (вторая половина XIV века до н.э.) с самоназванием убухов – *пехи/пекхи*⁹⁴.

Это означает фактически, что не только апсилы и брухи (убыхи), но также все другие связанные с ними гениоховские племена (зиги, ахейцы, керкеты, саниги, абаски и др.) были частью хаттско-каскайского населения Малой Азии и Кавказа.

Кажется, в первую очередь это касается ахейцев, которые восходят, возможно, к жителям страны Ахия, Ахиява в Малой Азии, располагавшейся в XII веке до н.э. где-то в горной Киликии. Так, П.Н. Ушаков допускает, что часть малоазийских ахейцев, подчинив Эгейскую Грецию, образовала там греческое ахейское царство. А другая часть этого народа распространилась в Восточном Причерноморье и положила начало формированию кавказских ахейцев⁹⁵, имя которых в форме *гьуаиэ* сохранялось до XIX в., как название одного из кланов (братств) в составе шапсуго-натухайцев⁹⁶.

Аналогичным образом можно трактовать участие пеласгов в формировании народов Западного Кавказа и Греции. Сейчас уже очень трудно сказать, где располагалась земля пеласгов. Точных данных на это счет нет, как нет точных данных и о народе под таким названием. Однако можно предположить, что «пеласгийская земля» это обширное пространство вдоль южного побережья Черного моря, где издревле жили каски. В середине второго тысячелетия до н.э. рядом с ними жили *урумы* или *урумейцы*, а также *палы/палайцы* – родственный хеттам индоевропейский народ*. Обычно урумейские и палайские воины сопровождали касков в их походах на хеттов и на других южных соседей, и есть все основания думать, что со временем урумы и палы вошли в состав каскайского племенного объединения.

* Урумы, также как и палы были, по всей вероятности, индоевропейским народом. Западные черкесы (адыгейцы) так называют в настоящее время греков.

Особенно прочным был союз касков с палайцами. По всей вероятности, в ходе длительных контактов и скрещения этих двух народов и образовался в итоге народ пеласгов. Этноним *пеласги*, насколько я понимаю, соединяет в себе два термина: *палы* и *каска*. Симбиоз двух этнических имен является в данном случае зеркальным отражением симбиоза двух разных по языку племен каскейцев и палайцев. Одним словом, объединившись с палайцами, каски стали известны под названием пеласгов.

Что же касается версии, согласно которой этноним *пеласги* восходит к греческому *πέλας* – «вблизи», «поблизости» и, таким образом позиционирует пеласгов как соседей Греции и греков⁹⁷, то она является, скорее всего, лишь продуктом народной этимологии. С другой стороны, это свидетельствует об особой роли пеласгов в греческой картине мира. Согласно античной литературной традиции, пеласги под предводительством Инаха были древнейшими жителями кавказско-анатолийского материка и в этом качестве приняли прямое участие, как в этногенезе греков, так и в формировании гениохских (протоабхазо-адыгских) племен.

Возвращаясь в этой связи к персоне Инаха, следует отметить также, что его жизнь связывают часто с ветхозаветными временами, считая, что после всемирного потопа он вывел людей с гор на равнину и основал город Аргос в Пелопоннесе. Это сближает Инаха с библейским Енохом (Хенохом). Его, как известно, считают пророком и хранителем знаний, которого Бог, избавив от смерти, вознес на небеса. Отсюда версия И.А. Джавахишвили, согласно которой в основе этнонима гениох лежит имя *Енох*⁹⁸. В этом случае формирование племен под названием гениохи отодвигается еще дальше вглубь истории. В Книге бытия его представляют в одних случаях старшим сыном Каина, а в других – сыном Иаред⁹⁹. Имя Еноха/Хеноха упоминается и в родословной Христа¹⁰⁰.

Не исключено, стало быть, что *Инах* – это персонаж, от имени которого произведено самоназвание и название гениохов, как той части пеласгов, которая соединившись с западно-кавказскими (и как видно родственными им) племенами стала известна под названием *гениохи*. Если принять эту гипотезу за основу, становится более понятным механизм возникновения греческого *ἠγίοχοί* – «колесничие, возничьи». Но при этом едва ли этноним *гениохи* для обозначения родственных (абхазо-адыгских) племен восходит только к греческому слову «возничие» и не имеет корней в языке местных племен. Еще П.К. Услар подчеркивал в этой связи, что «гораздо естественнее предположить, что греки все выводы свои основали на случайном сходстве названия какого-либо туземного племени со словом *гениохи*, возничие, и что это племя, в виде исправления испорченного будто бы первоначального названия, наименовали они гениохами»¹⁰¹.

Пишет Услар и о том, что его попытки отыскать исходное, «туземное» этническое имя, близкое к имени «гениохи» не увенчались успехом. Несмотря на это он упорно повторяет, что термин «гениохи» едва ли может быть «простым выводом из поверий о Диоскурах-Тиндариях, не основанным на каких-либо местных данных»¹⁰². Пытаясь в очередной раз привлечь эти данные, он обращается к адыгскому (черкесскому) языку. Указывает, в частности, на «весьма близкое к гениохам этническое название *ганноаче*», которое используют адыги (черкесы) по отношению к лезгинам. Считая, что, может быть, здесь лежит путь к разгадке этнонима *гениох*¹⁰³. Такой

термин действительно присутствует в лексиконе адыгов. До наших дней сохраняются и кабардинские родовые фамилии *ГуэныкIэ*, *ХъаныкIэ*, совпадающие с названием лезгин. Однако уверенности в том, что лезгины, никогда не жившие на Западном Кавказе, это предки гениохов нет. И Услар сам говорит о своих сомнениях на этот счет.

Попытки объяснить этноним «гениох» на почве местных названий, языков, культур предпринимались неоднократно и позже, но не всегда были достаточно убедительны. К примеру, трудно согласиться с тем, термин гениохи сформировался на основе грузинского языка, в котором слово *цхени/гени* означает «конь»¹⁰⁴. Ш.Д. Инал-Ипа видел прямую связь данного имени с названием абхазского морского божества *Агных*¹⁰⁵. И эту версию можно было бы рассматривать как наиболее предпочтительную; она строится, как мы видим, на ассоциациях, которые вызывает «приморский», «пиратский» народ гениохов с покровителем мореходов – с божеством моря и морской стихии. Однако в литературе утвердилось выдвинутая И.А. Орбели¹⁰⁶ и поддержанная другими учеными¹⁰⁷ гипотеза полного совпадения этнонимов *гениохи* и *саниги*. Ничего по существу не объясняя, такая постановка вопроса противоречит осмыслению и использованию каждого из двух названных имен. И не только в сочинениях античных писателей, но и в трудах большей части современных историков и этнографов, что, впрочем, не исключает возможность внутренней связи этих названий.

Чтобы преодолеть противоречия и трудности, возникавшие в процессе поиска исходного значения этнонима *гениохи*, высказывалась сверх всего точка зрения, согласно которой это слово не является обозначением вообще какого-либо племени или группы племен. Термин *гениохи*, как утверждал Н. Кверелидзе-Копадзе, служил наименованием профессиональных проводников, носильщиков, промышлявших на восточном побережье Черного моря до установления здесь господства римлян¹⁰⁸. Фактически этим самым вопрос о «туземном» происхождении термина снимался вообще, вместе с романтической историей о происхождении местных племен от возникших Диоскуров. Оставался лишь тезис о греческом происхождении самого слова «гениох» как возникших в обычном, приземленном смысле слова, как о людях, оказывающих услуги по транспортировке грузов и ориентации на местности. Но, вычеркивая термин *гениохи* из номенклатуры древних этнических имен, такое объяснение ставит в тупик всю проблему этнической ситуации на Западном Кавказе времен античности.

Это не означает, однако, что нужно вовсе отказаться от поисков в направлении, которое обозначил Услар. Мне кажется, что несколько изменив вектор и содержание этих поисков, используя открывшиеся новые материалы, необходимо вернуться к той идее, которую высказывал на этот счет И.А. Джавахишвили, с акцентом на сведениях об Инахе, как эпониме гениохов и других родственных племен Восточного Причерноморья.

Возникает, как мы видим, необходимость несколько иначе представить место гениохов в истории Кавказа. Особенно важно отметить в данной связи, что само имя этого народа было известно задолго до сообщений античных историков и писателей. Первое его упоминание в форме *иганиехи* содержится в урартских клинописных надписях, датируемых VIII веком до н.э. в надписях царя Аргишти I и в хронике его сына Сардура II о войне, которую вели урартийцы с царями Колхиды. Наряду со странами колхов (Кулха), диаухов/таохов (Диауха) и др. упоминается в указанных надписях

большая, богатая и густонаселенная страна иганиехов – *Игани*, в которой 35 дворцов (укреплений) и 200 поселений. Отмечается, что Сардур одолел царя иганиехов *Капури*, разорил их страну, а жителей угнал в страну урартийцев вблизи озера Ван.

В 1946 г. П.Н. Ушаков, исследуя хронику этих войн, связал этническое имя *иганиехи* с греческим этнонимом *гениохи*, $\gamma\epsilon\nu\acute{\iota}\omicron\chi\omicron\iota$ ¹⁰⁹. По его словам, название страны Игани и ее жителей было воспринято в последующем греками, которые под влиянием народной этимологии превратили иганиехов в гениохов. С этим можно согласиться. Судя по всему, иганиехи сформировались как общность протоабхазо-адыгских племен на рубеже первого тысячелетия до н.э. на территории, прилегающей к Урарту, к его северо-западной части. Отсюда, как видно, и хуррито-урартийские окончания *-хи-*, *-ини-* в наименовании этих племен и в названии их страны.

С учетом большого числа поселений в стране Игани высказывается предположение о сравнительно больших размерах страны иганиехов: «от Чалдырского озера к северу на большое пространство ... достигая территории нынешней Абхазии»¹¹⁰. Но при этом основной массив населения Игани располагался, судя по материалам урартской эпиграфики, на северо-востоке Малой Азии и на юге Восточного Причерноморья. Поэтому распространение иганиехов в юго-восточном направлении до границ с Урарту связано, безусловно, с усилением их царства. Известно, что к этому времени правитель Игани распространил свою власть на некоторые соседние области. В состав царства Игани, по мнению Н. Аругюняна, вошли страны Тариуани и Забаха¹¹¹. Отмечается также, что в Игани (или Гениохии) на ее границе с Урарту было три крупных города: Макалтуни у Чалдырского озера, Эрители и «Эрители другой»¹¹². О могуществе иганиехов свидетельствует и тот факт, что царем страны диаухов/таохов, покоренной Сардуром, был иганиех (иганиец) Диуцин. По мнению П.Н. Ушакова, «это можно толковать в том смысле, что в эпоху царя Сардура иганийцы подчинили себе всю страну ослабевших диаухов-таохов или часть ее», лежащую к западу от Севанского озера¹¹³. Нельзя исключать также, что восхождению иганийца на престол Диаухии способствовали и другие причины. Например, родство двух народов – иганиехов и диаухов, хотя диаухов (таохов) включают традиционно в число древнегрузинских народов¹¹⁴.

Усиление гениохов и расширение границ Гениохии до озера Чалдыр, стало, видимо, одной из причин урартийских войн и походов VIII в. до н.э. Но, несмотря на громкие победы, одержанные в этих войнах, урартийским царям не удалось подчинить и присоединить Гениохию и Колхиду. Трудно, впрочем, сказать ставились ли на самом деле такие задачи. Похоже, что эти войны велись только с целью устрашения колхов и гениохов и удаления их от северных границ урартского царства Биайна по направлению к Черному морю, где находились основные центры Гениохии и Колхиды. Как видно, урартийцам это удалось: гениохи и колхи отступили от границ Биайна.

Страна Игани, как мы убеждаемся, предстает в источниках как крупное, многоэтническое политическое образование, способное противостоять урартийским правителям, действовать независимо от страны колхов, но в союзе с ней. Никакому сомнению не подлежит и то, что Игани урартийских надписей это Гениохия античных авторов, а иганиехи те же самые гениохи.

Все это позволяет считать вслед за П.Н. Ушаковым, что гениохи (иганиехи) Кавказа связаны с более древними народностями Малой Азии. На наш взгляд, в первую очередь такими народностями могли быть в предшествующий период в данном конкретно районе каски или каскейцы, а также палайцы, которые, будучи индоевропейским народом, были интегрированы в состав более многочисленных каскейских племен. По данным надписей хеттского царя Мурсили II (XV век до н.э.) каскам были подвластны все области на запад от верховьев Евфрата, в том числе и страна Пала, жителей которых каски, по словам Г.А. Капанцян «притесняли, а то и подчиняли»¹¹⁵. Поэтому и страна Игани, фигурирующая в этом пространстве, спустя несколько столетий вполне могла быть преемницей страны касков – Каску.

К этому склонялся, отчасти, П.Н. Ушаков. Не случайно в самом начале своей статьи об урартийских походах IX–VIII вв. до н.э. он говорит, что отрывистые сообщения древнегреческих авторов о народах Кавказа в равной степени удачно дополняют как урартские, так и хеттские эпиграфические материалы. И ссылается в данной связи на сведения Богазкейского архива «о стране Хайяса в верхней Армении и о народе *кашках* (гасгейцах) на черноморском побережье средней части Малой Азии, которые имеют отношение к далекому прошлому Кавказа»¹¹⁶.

Нельзя исключать, кроме того, что этническое имя *иганиехи* восходит к этнониму каска. В хеттских и ассирийских источниках он имеет вариант *gašga* с корнем *g/gašg*. И этот корень, как мы знаем, лежит в основе этнического имени «гениохи» и всех его хуррито-урартских и абхазо-адыгских аналогов – *игани/иганиехи; зиги/абасги/абаски/азги/адзыгъ; шэргэс/шэркэс*. Даже в самоназвании современных черкесов – *адыгэ* этот корень является одной из производящих основ.

Из всего вышеизложенного следует, что гениохи сформировались в начале первого тысячелетия до нашей эры в период вытеснения пеласгов (остатков хаттско-каскайских племен) из Малой Азии ассирийцами и мидийцами. На протяжении всего первого тысячелетия до нашей эры они оставались составной частью майкопско-анатолийской – абхазо-адыгской культурной и культурно-языковой общности, занимая стратегически важный для поддержания этой общности Кавказский перешеек.

10. Гениохи в культурной истории майкопско-анатолийских племен

Совокупность всех сведений о гениохах позволяет считать, что в доантический период гениохи и тесно связанные с ними родственные народы занимали сплошной полосой не только Восточное Причерноморье, но и приморские области на северо-востоке Малой Азии, особенно в бассейнах рек Пританис, Архабия, Апсара, Акампис, Фасис. Об этом свидетельствуют не только уже упоминавшиеся нами достоверные сведения о гениохах, керкетах, зигах в пространстве между Трапезундом и Фасисом, Важное значение имеют и другие, частично уже упоминавшиеся данные о гидронимике и топонимике этой области: реки Апсара и Акампис, г. Зигополь, местечко Гония (Гуния) у впадения реки Апсар (правый рукав реки Чорох) в Черное море¹¹⁷. Никакого сомнения не вызывает связь с гениохами впер-

вые упомянутое Псевдо-Скилаком¹¹⁸ городского поселения Гиенос (близ современного Очамчири). По-видимому, Гиенос был одним из центров страны иганиехов Игани. Достаточно в этом случае обратить внимание на близость названий страны (*Игани*), народа (*иганиехи*) и поселения (*Гиенос*). Будучи уже давно заброшенным, упомянутое поселение сохраняло (вплоть до XIX века) название *Игуанос*, *Гуанэ* и др.¹¹⁹ и такое, почти полное совпадение его с названием страны иганиехов – Игани нельзя отнести к простой случайности.

В любом случае нужно признать вслед за Ю.Н. Вороновым, что Гиенос был основан «в земле гениохов с языком, а возможно, и с самим этнонимом которых должно быть связано его название»¹²⁰.

Согласно недавно открывшимся данным, культура жителей Гиеноса и его окрестностей имела много общего с культурой родственных меотов. Обнаружилось меотское святилище с конскими захоронениями и уздечными наборами (выполненными в зверином стиле), которые идентичны тем, что были распространены в большом количестве в захоронениях на Северном Кавказе в среде меотских и протомеотских племен¹²¹. Аналогичные захоронения, с конскими черепами и уздой прикубанского типа были найдены также близ Сухуми Ю.Н. Вороновым¹²².

Иными словами, на территории, которая в середине первого тысячелетия до н.э. была важной частью Гениохии, были зафиксированы жертвоприношения, совершавшиеся по меотскому погребальному обряду. Объяснить эти факты какими-либо единовременными военными походами меотов в Северную Колхиду едва ли достаточно. Скорее всего, они говорят нам о том, что связи жителей южных и северных склонов Кавказского хребта, проследивающиеся в эпоху средней бронзы (культура дольменостроителей) и в период перехода от эпохи бронзы к раннему железному веку (кобанская культура), поддерживались и в период античности. То есть в эпоху, когда территория современной Абхазии была центром культурной и экономической жизни гениохских племен.

В качестве реликтов гениохского периода истории народов Кавказа следует рассматривать и некоторые весьма любопытные факты абхазо-адыгской этнонимии и антропонимии. Отметим по этому случаю этнический термин *Генах* в списке семи «племен тюрков» в Хазарии¹²³, имя покровителя шапсугов Гену, прах которого покоится в лесистом кургане близ аула Тхамаха¹²⁴, родовую фамилию Генардуко/Герандуко, с которой связывают происхождение самых знатных черкесских дворян¹²⁵.

Кроме того, имеется большое число аналогичных абхазских абазинских¹²⁶, адыгских¹²⁷ и других кавказских имен и фамилий, в которых воспроизводится формант, лежащий в основе этнонима «гениохии»: *Генаба*, *Гунба*, *Гуана*, *Гунай*, *ГунэтІэкъу*, *ГуэныкІэ*, *ХъаныкІэ*, *Къунахъ* и др. Число подобных примеров, в том числе из ономастики других языков и народов Кавказа, можно продолжить.

Гениохии предстают в свете этих и многих других аналогичных сведений, фактов, гипотез в качестве связующего звена определенной части переднеазиатских, малоазийских, балканских племен и народов с племенами майкопско-новосвободненской культурной общности и их потомками, включая сюда дольменостроителей бронзового века, кобанцев эпохи раннего железа, синдгов и меотов античности.

Примечания

1. Гай Плиний Секунд. Естественная история. VI. 14.
2. Псевдо-Арриан. Объезд Эвксинского Понта. 50
3. Инал-Ина Ш.-Д. Абхазы (Историко-этнографические очерки). Сухуми, 1965. С. 88.
4. Скилак Кариандский. Описание моря, прилегающего к населенной Европе, Азии и Ливии. Европа. 76
5. Гелланик Митиленский. Основания городов. 109.
6. Гай Плиний Секунд Г. Естественная история. VI. 13.
7. Гераклд. О государствах. VIII. 218 М.
8. Палефат. О Троянской войне. VII. Фр. 1.
9. Ельницкий Л.А. Из исторической географии древней Колхиды // Вестник древней истории. М., 1938. № 2. С. 309–310.
10. Флавий Арриан. Объезд Эвксинского Понта. 9.
11. Ельницкий Л.А. Указ. соч. С. 309.
12. Флавий Арриан. Объезд Эвксинского Понта. 8.
13. Геродот. История. III. 94, 97.
14. Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002. С. 268.
15. Иосиф Флавий. О войне иудейской. II. 16. 4.
16. Страбон. География. XVII. 3. 24.
17. Там же.
18. Гай Плиний Секунд Г. Естественная история. VI. 12–13; Арриан. Объезд Эвксинского Понта. 15.
19. Флавий Арриан. Объезд Эвксинского Понта. 8.
20. Флавий Арриан. Объезд Эвксинского Понта. 15; Дион Кассий. Римская история. XVIII. 19. 12.
21. Страбон. География. XII. 3. 18.
22. Подосинов А.В. Восточная Европа в Римской картографической традиции. М., 2002. С. 310, 355.
23. См.: Бгажноков Б.Х. Зихи и абазги в древней истории абхазо-адыгских племен // Археология и этнология Северного Кавказа. Вып. 6. Нальчик, 2016.
24. Эти имена в разных вариантах содержатся в трудах: Страбона. География. XII. 2. 12; Аммиана Марцеллина. История. XXII. 8. 24 и др.
25. Фтиотия – одна из областей Фессалии, названная в честь пеласгийского вождя Фтия.
26. Страбон. География. XII. 2. 12.
27. Аристотель. Политика. VIII. 3. 4.
28. Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 89.
29. Евстафий. Комментарии к «Землеописанию» Дионисия. 687.
30. Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. XX. 25.
31. Аппиан. Митридатовы войны. 102.
32. Геродот. История. I. 57.
33. Геродот. История. I. 58, 94–95; II. 56; VII. 94.
34. Софокл. Инах, фр. 270.
35. Гиллис Дж. История Древней Греции, поселений и завоеваний оной, от первобытного состояния сей страны... СПб., 1830.
36. Дионисий Периегет. Описание населенной земли. 652–710.
37. Евстафий. Комментарии к «Землеописанию» Дионисия. 687.
38. Страбон. География. XII. 3. 17; Птолемей. V. 9. 6.
39. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Часть 1. Греческие писатели // Вестник древней истории. 1948. № 1 (23). С. 270.
40. Псевдо-Арриан. Объезд Эвксинского Понта. 56.
41. Там же. 60.

42. Там же. 63.
43. *Гесихий Александрийский*. Лексикон // *Латышев В.В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ. 1948. № 4. С. 700.
44. *Новичихин А.М.* Керкеты и тореты – древнее население Черноморского побережья Западного Кавказа // *Археология и этнология Северного Кавказа*. Нальчик, 2016. Вып. 6. С. 35.
45. *Прокопий из Кесарии*. Война с готами. М., 1950. С. 383.
46. Там же. С. 484.
47. *Бгажноков Б.Х.* Зихи и абазги в древней истории абхазо-адыгских племен // *Археология и этнология Северного Кавказа*. Нальчик, 2016. Вып. 6.
48. *Дионисий Перизет*. Описание населенной земли. 652–710.
49. *Страбон*. География. XI. 2. 16.
50. *Флавий Арриан*. Объезд Эвксинского Понта. 15; *Дион Кассий*. Римская история. XVIII. 19. 12.
51. *Страбон*. География. XII. 3. 17.
52. *Джанашиа С.* Труды. Т. 2. Тбилиси, 1952. С. 19.
53. См. об этом: *Дьяконов И.М.* Предыстория армянского народа. Ереван, 1968; *Гордезиани Р.В.* Кавказ и проблемы средиземноморских языковых и культурных взаимоотношений. Тбилиси, 1975; *Инал-Ипа Ш.Д.* Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми, 1976; *Бетровов Р.Ж.* Адыги: возникновение и развитие этноса. Нальчик, 1998.
54. *Флавий Арриан*. Объезд Эвксинского Понта. 15, 27.
55. Там же. 27.
56. *Псевдо-Арриан*. Объезд Эвксинского Понта. 56.
57. *Подосинов А.В.* Восточная Европа в Римской картографической традиции. С. 310, 358.
58. *Прокопий из Кесарии*. Война с готами. М., 1950. С. 383.
59. Там же. С. 382–383, 400.
60. Там же.
61. Там же. С. 484.
62. *Берже Ад.* Краткий обзор горских племен на Кавказе. Тифлис, 1858. С. 16; *Лавров Л.И.* К истории бжедугов и жанеевцев. Уч. зап. Адыгейского научно-исследовательского института. Т. 14. Краснодар, 1965. С. 252; *Волкова Н.Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 18.
63. См.: *Фоменко И.К.* Номенклатура географических названий Причерноморья по морским картам XIII–XVII вв. // *Причерноморье в средние века*. Вып. V. СПб., 2001. С. 74.
64. *Эвлия Челеби*. Книга путешествий. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979. С. 63–64.
65. *Страбон*. География. XI. 2. 12.
66. *Латышев В.В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // *Вестник древней истории*. 1948. № 1. С. 240.
67. *Taitbout de Marigny J.-V.-E.* Three Voyages in the Black See to the Coast of Circassia. London, 1837.
68. *Dubois de Montpereux F.* Voeage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Georgie, en Armenie et en Crimée, vol. 1, Paris, 1839, p. 169.
69. *Псевдо-Орфей*. Поход аргонавтов. 744–756.
70. Хрестоматия из «Географии» Страбона. Из книги XI // *Латышев В.В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Часть 1 // *Вестник древней истории*. 1947. № 4 (22). С. 247.
71. *Дионисий Перизет*. Описание населенной земли. 652–710.
72. *Флавий Арриан*. Объезд Эвксинского моря. 15, 27.
73. *Страбон*. География. XI. 2. 13.
74. *Potocki J.* Voyage dans les steps d Astrakhan et du. Paris, 1829. P. 153.

75. *Asheri D.* The Achaeans and the Heniochi. Refleitions on the Origins and History of a Greek Rhetorical Topos // The Greek Colonisation of the Black Sea Area. Historical Interhretation of Archaeology. Stuttgart, 1998.
76. *Никифор Блеммид.* Сокращенная география. 650–705.
77. *Латышев В.В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Часть 1. Греческие писатели // Вестник древней истории. 1948. № 4. С. 241.
78. *Март Н.Я.* К вопросу о происхождении племенных названий «этруски» и «пеласги» // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т. 25. 1917–1920. СПб., 1921. С. 304.
79. *Иванов Вяч.Вс.* К проблеме соотношения древнегреческой и хаттской традиций // Славянское и балканское языкознание. Проблемы языковых контактов. М., 1983. С. 60.
80. Там же.
81. *Меретуков К.Х.* Адыгейский топонимический словарь. Майкоп, 1981. С. 11.
82. *Бажба Х.С.* Некоторые вопросы этнонимии и топонимии Абхазии. Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа. Т. XXVII. Сухуми, 1956. С. 289.
83. *Белл Дж.* Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов в двух томах. Т. 2. Нальчик, 2007. С. 239.
84. Там же. С. 237.
85. Там же. С. 236.
86. Там же. С. 255.
87. *Бартольд В.В.* Абхазы // Бартольд В.В. Сочинения. Т. VII. М., 1971. С. 475–476; *Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. М., 2009. С. 44.
88. См.: *Люлье Л.Я.* Черкесия. Историко-этнографические очерки. С. 9; *Берже Ад.* Краткий обзор горских племен на Кавказе С. 8–12.
89. *Услар П.К.* Древнейшие сказания о Кавказе // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1881. Вып. X. С. 327.
90. Там же.
91. *Март Н.Я.* Указ. соч. С. 303.
92. *Vidge E.A., King L.W.* Annals of the Kings of Assiria. I. 1902. P. 117.
93. *Меликишвили Г.А.* Население северных областей Наири-Урарту и его роль в древневосточной истории // Доклад на Международном конгрессе востоковедов. М., 1960. С. 7–8; *Дьяконов И.М.* Предыстория армянского народа. История Армянского нагорья с 1500 по 500 г. до н.э. Хетты, лувийцы, протоармяне. Ереван, 1962. С. 12.
94. *Меликишвили Г.А.* К изучению древней восточномалоазийской этнонимии // Вестник древней истории. М., 1962. № 1. С. 62–64.
95. *Ушаков П.Н.* Указ. соч. С. 39.
96. *Бгажноков Б.Х.* Социальная сущность черкесских соприсяжных братств // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2015. № 2 (29). С. 15.
97. *Murray Gilbert.* The Rise of the Greek Epic. New York, 1960. P. 43.
98. *Джавахишвили И.А.* История грузинского народа. Т. I. Тбилиси, 1981. С. 401.
99. Библиейская энциклопедия Архимандрита Никифора. М., 1891. С. 239.
100. *Риннер Ф., Майер Г.* Библиейская энциклопедия Брокгауза. М., 1999. С. 1022.
101. *Услар П.К.* Древнейшие сказания о Кавказе. Тифлис, 1881. С. 455.
102. *Услар П.К.* Указ. соч. С. 391.
103. Там же.
104. *Ингорква П.* Георгий Мерчуле – грузинский писатель X века. Тбилиси, 1954. С. 178.
105. *Инал-Ипа Ш.Д.* Об этногенезе древнеабхазских племен. М., 1964. С. 7.
106. *Орбели И.А.* Город близнецов и племя возниц // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 4. III. СПб., 1911.

107. *Kissling E.* Ηήνιοχοί // Pauly. Wissowa. Kroll. Real Encyclopadie der klassisch-
en Alterthumswissenschaft. 8.1. Col. 259–280; *Меликишвили Г.А.* К истории древней
Грузии. Тбилиси, 1959. С. 91; *Анчабадзе З.В.* История и культура древней Абхазии//
Избранные труды. Т. I. С. 130.
108. *Кверелиде-Копадзе Н.* Дорожные сооружения древней Абхазии. Сухуми,
1955. С. 30–55.
109. *Ушаков П.К.* К походам урартийцев в Закавказье в IX–VIII вв. до н.э. //Вест-
ник древней истории. 1946. С. 31–44.
110. Там же. С. 38.
111. *Арутюнян Н.* Заметки по урартской эпиграфике // Известия АН Арм.
ССР. Ереван, 1957. № 12. С. 65–76.
112. Там же. С. 76.
113. *Ушаков П.К.* К походам урартийцев в Закавказье в IX–VIII вв. до н.э. С. 34.
114. *Меликишвили Г.А.* Дриаухи (Из истории Южного Закавказья в древнево-
сточную эпоху) // Вестник древней истории. М., 1950. № 4.
115. *Капанцян Гр.* Хайаса – колыбель армян. Этногенез армян и их начальная
история. Ереван, 1947. С. 132.
116. *Ушаков П.К.* К походам урартийцев в Закавказье в IX–VIII вв. до н.э. С. 31.
117. *Арриан.* Объезд Эвксинского Понта. 9.
118. *Псевдо-Скилак.* Перипл обитаемого моря. 81.
119. *Воронов Ю.Н.* Гиенос // Советская археология. 1976. № 4. С. 48.
120. Там же. С. 53.
121. *Эрлих В.Р.* Меотское святилище в Абхазии // Вестник древней истории. М.,
2004. № 1.
122. *Воронов Ю.Н.* Вооружение древнеабхазских племен в VI–I вв. до н.э. Скиф-
ский мир. Киев, 1975. С. 228.
123. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1989. С. 159–163.
124. *Каменев Н.* Урочище Адыгеко // Кубанские войсковые ведомости. 1866.
№ 43, 44. С. 170–171.
125. *Бгажноков Б.Х.* Историческая этнография и география Черкесии // Вест-
ник КБИГИ. Вып. 12. Нальчик, 2005. С. 10.
126. *Кварчия В.Е.* Из этнической истории абхазского (апсуа/абаза) народа или о
языке и истории абхазов и абазин. Сухум, 2015. С. 227–228.
127. *Коков Дж.Н.* Из адыгской (черкесской) ономастики. Нальчик, 1983; *Бля-
гоз З.У., Тхаркахо Ю.А.* Адыгейские фамилии и имена. Майкоп, 2002.

В.Н. BGAZHNOKOV

**ABOUT CULTURAL HISTORY
OF MAIKOP-ANATOLIANS TRIBES
(heniochis and Heniochia)**

Due to the internal form and the cultural maintenance of an ethnonym Heniochis of ηήνιοχοί in article it is asked about the special place of these people in the culture of Ancient Greece, in ethnic history of ancient tribes of Western Caucasus. From this point of view are considered ideas about relationship of Heniochis and other closely related tribes with achaeans, spartans and also with pelasga – the ancient people inhabiting Hellas before greeks. It is emphasized that messages about the geniokh tribes (in particular about the zig/zikh) as about lineal descendants of pelasga have key value at the same time, that in this plane lies the possibility of establishment of a reference value of an ethnonym «Heniochi» .

Keywords: maikop-anatolians tribes, East Black Sea Coast, Hellas, Geniokhiya, dioscuri, pelasg, heniochis, achaeans, kerketa, zikh, apsil, abazg, sanig, Igan, Inakh.

А.М. Новичихин
(г. Анапа)

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ О СИНДАХ И СИНДИКЕ

Статья представляет собой сводку сообщений античных авторов и данных боспорской эпиграфики о синдах и Синдике.

Ключевые слова: синды, Синдика, античная литературная традиция, боспорская эпиграфика.

Сообщения античных авторов и данные боспорской эпиграфики являются ценнейшими источниками для изучения истории синдов и Синдики. Исследователи, в той или иной мере занимавшиеся изучением истории и культуры древних синдов, а также расположенных в Синдике греческих полисов, традиционно начинали свои исследования с обзора соответствующих письменных источников и, нередко, их критического анализа. Наиболее полными являются, пожалуй, соответствующий раздел в работе Ю.С. Крушкол¹ и сводка, приведенная в исследовании С.Р. Тохтасьева². Тем не менее, открытие новых документов, прежде всего в области боспорской эпиграфики, и новые исследования уже известных нарративов, принимаемые филологами, историками, а также археологами, дают основания вновь обратиться к составлению сводки соответствующих данных.

Античная литературная традиция

Анализ античной литературной традиции о Синдике и синдах во многом облегчен тем, что в конце XIX – начале XX в. известным российским историком античности и эпиграфистом В.В. Латышевым был составлен свод сообщений греческих и римских писателей о Скифии и Кавказе. Приведенные ниже переводы произведений античных авторов большей частью цитируются по этому изданию, точнее по переизданию 1947–1949 гг.³ Кроме того, использованы хрестоматии, содержащие переводы фрагментов произведений античных писателей, содержащих информацию о народах Северного Причерноморья и Кавказа⁴, а также отдельные переводы произведений или их частей.

Древнейшим свидетельством о Синдике является упоминание греческим поэтом середины VI в. до н.э. *Гиппонактом из Эфеса* «Синдской расселины», известное по схолии к «Аргонавтике» Аполлония Родосского (Schol. Apoll. Rhod., IV, 321 – не ранее втор. пол. III в. до н.э.). Сохранившийся фрагмент ничего не дает для понимания того контекста, в котором Гиппонакт упоминает «синдскую расселину», тем более что сам термин *διάσφαγμα* далеко не однозначен. В интерпретации сообщения Гиппонакта сложилось две традиции, одна из которых рассматривает «рассели-

ну» как географический объект на территории Синдики, другая же ищет объяснение значения этого термина в женской анатомии. Сторонником и защитником первой из них был отечественный историк и археолог В.Д. Блаватский, одним из первых привлекая внимание к данному сообщению⁵. В настоящее время ее поддерживает И.Е. Суриков⁶. Вторую точку зрения на «синдскую расселину» отстаивает британский исследователь Д. Браунд⁷.

К концу VI в. до н.э.⁸ относятся несколько фрагментов утраченного «Землеописания» *Гекатея Милетского*, сохранившихся в виде цитат в сочинении Стефана Византийского. В них содержится информация об областях Азиатского Боспора и населяющих ее племенах (Hecat., fr. 164, 165, 166, 197, 198). В их числе имеется и упоминание о Синдике (fr. 166): «Иксибаты, народ у Понта, соседний с Синдикою».

Во фрагментах также сохранилось относящееся к V в. до н.э. сочинение *Гелланика Митиленского* «О народах». Один из них (Hell. fr. 92), известный по схолиям к «Аргонавтике» Аполлония Родосского (Shol. Apoll. Rhod., IV, 322) сообщает о синдах: «Когда проплывешь Боспор, будут синды, выше же их – меоты-скифы».

Синды и Синдика упомянуты также *Геродотом*. Повествуя о холодных зимах, свирепствующих в Скифии (IV, 28) «отец истории» пишет: «Замерзает море и весь Боспор Киммерийский. И скифы, живущие по сию сторону рва, совершают по льду военные походы и перегоняют крытые повозки на противоположный берег в землю синдов»⁹.

Следует указать, что в большинстве сохранившихся текстов вместо Σίνδοι написано Ἰνδοί¹⁰, что является одним из аргументов в доказательствах сторонников теории индоарийского происхождения синдов¹¹.

Синдику, скорее город, чем населенную синдами область, Геродот упоминает (IV, 86) при описании размеров Черного моря (Понта): «Плавание из Синдики в Фермискиру на реке Фермодонт (в этом месте Понт шире всего) занимает три дня и две ночи»¹². День плавания Геродот определяет в 70 000 оргий, ночь – в 60 000 оргий, отмечая при этом, что Понт, Боспор и Геллеспонт были им измерены таким способом. Все это дало исследователям, прежде всего Б.А. Рыбакову, основания для вывода о личном посещении «отцом истории» Синдики на пути из Приазовья в Малую Азию¹³.

По мнению Б.А. Рыбакова, «отец истории» вряд ли отправился из Синдики напрямую через Черное море в Фермискиру¹⁴. Исследователь предполагает, что, с целью измерения Черного моря, Геродот мог совершить плавание из Синдики в столицу Колхиды Фасис. Это предположение основывается на том, что при описании Понта «Отец» истории дважды указывает расстояние до этого пункта. Рассказывая о размерах Черного моря Геродот (IV, 86) отмечает, что «от устья Понта до Фасиса (что составляет длиннейшую часть Понта) плавание длится 9 дней и восемь ночей, а это дает 1 110 000 оргий, или 11 100 стадий».

Сообщение о синдах содержится, также в «Перипле обитаемого моря» *Псевдо-Скилака*, составленном неизвестным автором во второй половине IV в. до н. э., но по традиции приписываемом жившему в VI в. до н.э. древнегреческому географу Скилаку Кариандскому¹⁵. В описании Азии сообщается (Ps.-Skil., 72): «Синды. После же меотов живут синды; но достигают они и областей вонне залива; и у них существуют такие греческие полисы:

полис Фанагора, Кепы, Синдская Гавань, Патунт» (перевод Ф.В. Шелова-Коведяева)¹⁶. По мнению Ф.В. Шелова-Коведяева, упоминание Синдской гавани свидетельствует в пользу того, что содержащиеся в перипле сведения о Синдике предшествуют событиям второй четверти IV в. до н.э. – включению этого города в состав Боспорского государства и последовавшему за этим изменению его названия¹⁷.

«Синд болотный с головой в кудрях длинных» упоминается в фрагменте сочинения *Феникса Колофонского*, поэта конца IV в. до н.э., сохранившемся благодаря пространной цитате в «Пире мудрецов» Афиней – греческого ритора конца II – начала III в. н.э. (Athen., XII, 40, 530f).

В «Аргонавтике» *Аполлония Родосского* (вторая половина III в. до н.э.) при описании плавания преследующих аргонавтов колхов по Истру в числе племен, обитающих по берегам этой реки, упоминаются «синды, живущие уже на обширной и пустынной Лаврийской равнине» (Apoll. Rhod., IV, 309–328). Схолий к этому месту текста Аполлония утверждает, что «Лаврийская равнина – в Скифии», отмечает, что равнина синдов находится у устья Истра, а также содержит известные выдержки из сочинений Гиппонакта и Гелланика, упоминающие синдский этнос. Упомянутое сообщение и схолий выглядят несколько неожиданным, поскольку противоречат другим свидетельствам античных авторов об Азиатской части Боспора как традиционном месте обитания синдов.

Важным источником по истории древнегреческого Боспорского царства и сопредельных территорий являются несколько глав «Исторической библиотеки» *Диодора Сицилийского*, автора I в. до н.э. Несмотря на то, что Синдика упомянута в тексте Диодора лишь однажды, другие приведенные им сведения также весьма важны, для изучения событий, происходивших в этом регионе в IV в. до н.э. Так, Диодор перечисляет правивших в Боспорском государстве царей, сопоставляя даты их прихода на престол с событиями афинской истории, что позволило установить достаточно точную хронологию династической истории Боспора. В числе перечисленных Диодором боспорских тиранов «Сатир, сын Спартака» (Diod., XIV, 36), боспорский царь Сатир I, начавший, как следует из другого источника, «Стратегем» Полиена (см. ниже), борьбу за присоединение Синдики к Боспорскому государству. В этом же перечне содержится и имя его сына Левкона, сорок лет правившего Боспором (Diod., XIV, 93; XVI, 31). Левкон I хорошо известен по боспорским надписям, в которых он носит, в числе прочих, титул «царя синдов». Примечательно, что сведения, сообщаемые Диодором, противоречат сообщению Полиена: у последнего, после смерти Сатира власть наследует его сын Горгипп, а Левкон вовсе не упоминается (Polyaen, VIII, 55). Диодор сообщает и о правлении сына Левкона Перисада (Diod., XVI, 52), также носящего в боспорских надписях титул «царь синдов». Надо полагать, что территорию Синдики затронули и события развернувшейся после смерти Перисада гражданской войны, точнее междоусобной борьбы за боспорский престол между двумя его сыновьями, Сатиром II и Евмелом, завершившейся победой последнего (Diod., XX, 22–26). Именно в связи с гибелью Евмела в тексте Диодора упоминается Синдика (XX, 26): «Пробыв на престоле пять лет и столько же месяцев, он скончался от несчастного случая: возвращаясь из Синдики в свою землю и спеша к какому-то жертвоприношению...».

Хорошая информированность Диодора о событиях боспорской истории убеждает в том, что его источником могло быть сочинение неизвестного автора, вероятнее всего жителя Боспора конца IV – начала III в. до н.э., дошедшее до сицилийского историка в переложении, предположительно, Дуриса Самосского¹⁸.

Концом II – началом I в. до н.э. датируется стихотворное «Землеописание» *Псевдо-Скимна*, авторство которого приписывалось Скимну Хиосскому¹⁹. Как сообщает сам составитель этого перипла, в его основе лежат труды двух известных географов эпохи эллинизма – Деметрия Каллатийского и Эфора, до наших дней не сохранившиеся. В описании Азии, после упоминания живущих «на Танаисе» сарматов, Псевдо-Скимн сообщает (874–895): «За ними, по словам Деметрия, следует меотийское племя, называемое язаматами, а по Эфору оно называется племенем савроматов... Затем следует Гермонасса, Фанагория, которую, как говорят, основали некогда теосцы, и гавань Синдская, населенная эллинами, пришедшими из ближних местностей. Эти города расположены на острове, занимающем большое пространство ровной земли по Меотиде вплоть до Боспора».

Сведения о синдах и их соседях керкетах содержатся и в «Своде странных обычаев» философа и собирателя анекдотов *Николая Дамасского* (род. в 64 г. до н.э.): «Синды бросают на могилы столько рыб, сколько врагов убил погребаемый. Керкеты совершивших какое-либо преступление устраняют от священнодействий; если кто, управляя лодкою, ошибется, то все подходят один за другим и плюют на него».

О синдах и Синдике несколько раз упоминает *Страбон* в своей фундаментальной «Географии», завершенной, или, скорее, прерванной в связи с кончиной автора, около 19 г. н.э.²⁰ Принято считать, что при написании тех частей своего труда, в которых идет речь о черноморском побережье Кавказа, Страбон использовал произведения «историков Митридата», как римской, так и понтийской традиции²¹. Сообщения о Синдике и синдах содержатся в XI главе «Географии»:

XI, 2, 1. «У моря лежит азиатская часть Боспора и Синдика, а за ней живут ахеи, зиги, гениохи, керкеты и макропогоны».

XI, 2, 10. «Вступившему в Корокондамское озеро представляется значительный город Фанагория, затем Кепы (Сады), Гермонасса и Апатур, святилище Афродиты. Из них Фанагория и Кепы лежат на названном острове по левую руку для вплывающего в озеро, а прочие города – по правую, за Гипанисом в Синдике. В Синдике же, недалеко от моря, лежит и Горгиппия, столица синдов, и Аборака».

XI, 2, 11. «К числу меотов принадлежат сами синды, затем дандарии, тореаты, агры и аррехи, а также тарпеты, обидиакены, ситтакены, доски и многие другие. К ним же относятся и аспургианы, живущие между Фанагорией и Горгиппией на пространстве пятисот стадиев».

XI, 2, 12. «За Синдикой и Горгиппией идет вдоль моря побережье ахеев, зигов и гениохов, по большей части не имеющее гаваней и гористое, так как оно составляет уже часть Кавказа».

XI, 2, 14. «Сейчас за Корокондамой морской путь идет на восток. В ста восьмидесяти стадиях от нее находится Синдский порт и город, затем в четырехстах – так называемые Баты, селение с гаванью...».

Следует отметить, что некоторые фрагменты текста Страбона при разных переводах вызывают разночтения, подчас принципиальные. Так часть

Strabo., XI, 2, 10 в переводе Г.А. Стратановского выглядит следующим образом: «В Синдской области есть место Горгиппия – царская столица синдов, недалеко от моря, а также Аборака (курсив наш. – А.Н.)»²². Существует мнение, основанное на одном из сохранившихся средневековых вариантов текстов «Географии» Страбона (т.н. Кодекс V), что упоминание здесь Горгиппии является более поздней вставкой²³. Косвенным свидетельством этому может служить и составленная в средние века *хрестоматия из «Географии» Страбона*, содержащая только одно упоминание о Синдике (XI, 1): «На азиатской стороне Боспора находятся значительные города Фанагория и Гермонасса, есть там и приморский город Синдика, столица синдов».

Сведения о народах Кавказа содержатся и в «Землеописании» римского географа I в. н.э. *Помпония Мелы* (I, 110, 111): «Остальную часть [берегового] изгиба занимают дикие и необразованные племена, живущие у обширного моря, именно Меланхлена, Торетика, шесть Колик, кораксики, фтирофаги, гениохи, ахеи, керкеттики и уже у пределов Меотиды – синдоны. В земле гениохов основана Диоскуриада Кастором и Поллуксом, прибывшими в Понт с Язоном, а в земле синдонов самими жителями основан город Синд». По мнению С.А. Жебелева и М.В. Агбунова, этногеографическая характеристика Северного Причерноморья, данная Мелой, указывает на использование автором данных ионийской географической традиции VI–V вв. до н.э., дополненных современными ему сведениями²⁴. А.В. Подосинов и М.В. Скржинская допускают, что сведения о Северном и Восточном Причерноморье римский географ получил из источников, восходящих к сочинениям Геродота и, возможно, Гекатея Милетского, труд которого, как указывалось выше, до наших дней не сохранился. Кроме них Мела широко использовал труды эллинистических и раннеримских географов²⁵.

О государстве синдов или городе Синдика сообщает живший в I в. н.э. римский ученый-энциклопедист *Плиний Старший* (NH, VI, 17): «А на берегу близ керкетов река Икар, аки с городом Гиер и рекой в 136 милях от Гераклея, затем мыс Круны, дальше которого крутую возвышенность занимают тореты, Синдское государство на расстоянии 67,5 мили от Гиера и река Сехерий. Отсюда до входа в Киммерийский Боспор 88,5 мили» (перевод М.В. Скржинской)²⁶. Слово *civitas*, переведенное М.В. Скржинской как «государство»²⁷, имеет и другое значение – «местечко, город»²⁸. Именно так воспринимает его Н.М. Подземская, еще один переводчик данного фрагмента сочинения Плиния: «А на побережье рядом с керкетами река Икаруза, в 136 000 шагах от Гераклеи город и река Гиер. Далее мыс Крунос, на крутом выступе которого живут торетийцы; в 67 500 шагах от Гиера местечко Синдика, река Сетерия. Расстояние отсюда до начала Киммерийского Боспора 88 500 шагов»²⁹. Источниками римского энциклопедиста о северопричерноморском регионе были географические сочинения эпохи эллинизма, а также данные более ранней ионийской традиции, дополненные современными ему сведениями³⁰. Сам Плиний отмечает, что сведения об азиатской части Боспора и прилегающей к ней областях получены им от находившегося в римском плену боспорского царя Митридата VIII (NH, VI, 17).

В «Естественной Истории» Плиния содержится еще одно, не вполне ясное сообщение о Синдике. При описании северного побережья Черно-

го моря к западу от Крыма в низовьях Гипаниса-Южного Буга, Плиний помещает область, названную им «Скифская Синдика» (NH, IV, 84). Считается, что римский автор спутал две реки с одинаковым названием – Гипанис-Южный Буг и Гипанис-Кубань, и перенес топоним Синдика с Азиатского Боспора в Нижнее Побужье, «уточнив» при этом его скифскую локализацию³¹.

В насыщенном разнообразными «цветами красноречия» сочинении римского поэта второй половины I в. н.э. **Валерия Флакка** «Аргонавтика» (VI, 86) упоминаются «выродившиеся синды ..., еще ныне боящиеся ударов бичей вследствие преступления предков».

Интерес представляет традиция повторения упоминания синдов рядом авторов римского и византийского времени. Начало традиции положило стихотворное «Описание ойкумены» автора конца I – начала II в. н.э. **Дионисия Перизгета**. В его сочинении (ст. 680–682) фрагмент, упоминающий синдов и соседние народы, выглядит следующим образом (перевод Е.В. Илющечкиной): «По соседству с савроматами, одни за другими, живут синды, киммерийцы и [располагающиеся] вблизи Евксина керкеты, тореты и могучие ахейцы...»³². Весьма примечателен относящийся к XII в. схолий Евстафия Солунского к этой части текста Дионисия: «К савроматам примыкают синды, [называемые] некоторыми [авторами] еще и зигами» (Eust. ad Dion. Per. 680)³³. Не исключено, что на представление средневекового схолиаста о тождестве синдов и зихов повлияло сочинение Константина Багрянородного (De adm. imp. 42), в тексте которого нет упоминания о синдах (да и откуда им взяться в X в.), а все черноморское побережье «от Укруха до реки Никопсис» (т.е. от устья Кубани до границ с Абхазией) занимают зихи. Дионисий помещает племя зихов вместе с гениохами на черноморском побережье восточнее ахейцев (ст. 685–690)³⁴.

Позднее труд Дионисия был переведен на латынь двумя позднеримскими авторами – **Руфием Фестом Авиеном** (вторая половина IV в. н.э.) и **Присцианом** (вторая половина V в. н.э.), причем текст местами был дополнен новыми, не содержащимися в оригинале, данными. В «Описании земного круга» Авиена данный фрагмент (852–891) выглядит так (перевод В.В. Латышева): «Оба берега его (Танаиса. – А.Н.) зима поражает жестокими бурями, и холода держат его замерзшим. Ближайшие местности населяют киммерийцы и синды. Вблизи живет племя керкетское и род торетов». У Присциана в «Землеописании» (644–721) текст несколько иной, более близкий к оригиналу: «... они (савроматы. – А.Н.) живут вблизи савроматской реки Танаис; с ними соседствуют также синды и киммерийцы; за ними керкеты, возле которых волнуются глубокие реки Аксена; также дикие ореты и ахейцы...».

Самое позднее по времени переложение труда Дионисия принадлежит византийскому автору XIII в. **Никифору Блемиду**. Интересующий нас фрагмент звучит в его сочинении «О всех народах, населяющих землю» следующим образом (650–705): «За савроматами живут синды, киммерийцы и племена, близкие к Эвксинскому Понту, керкетийцы, ореты и могущественнейшие эллины, довольно многочисленные». Перечень варварских племен византийский географ дополнил эллинами, вероятнее всего в силу своей осведомленности о наличии в этом регионе в древности греческих колоний.

Примечательно, что все четыре автора ближайшими соседями синдов назвали киммерийцев, народ ко времени написания сочинения Дионисия уже легендарный. Можно предположить, что подобная локализация уже не существующего этноса вызвана тем, что рядом с Синдикой, на Таманском полуострове до конца античной эпохи сохранялись связанные с киммерийцами топонимы³⁵.

Ценные сведения об Азиатском Боспоре и прилегающих к нему областях содержатся в «Географическом руководстве» астронома и географа II в. н.э. *Клавдия Птолемея*. Сведения об этом регионе Птолемей черпал не только из трудов предшественников, но и из современной ему географической литературы, основанной на донесениях римских военачальников и боспорских чиновников³⁶. При описании Азии автор сообщает (V, 8, 8):

«За Корокондамой в Понте опять

Гермонасса 65° – 47°30′

Синдская гавань 65°30′ – 47°50′

деревня Синда 66° – 48°

гавань Бата 66°30′ – 47°40′

деревня Бата 66°20′ – 47°30′»

В труде Птолемея содержатся также сведения о некоторых, соседних с Синдикой областях и народах (V, 8, 17–25): «... под яксаматами – сиракены, а за сиракенами между Меотийским озером и Гиппийскими горами – псесии, затем темеоты, ниже их тирамбы, потом астуркианы, далее до горы Корака арихи и зинхи... между рекой Ра и Гиппейскими горами – страна Митридата...».

Примером отчета римского чиновника и военачальника, возможно подобного тем, которые использовал Птолемей, может служить «Объезд Эвксинского Понта» *Флавия Арриана*, представляющий собой письмо – сообщение наместника Каппадокии о плавании в восточной части Черного моря римскому императору Адриану. Арриан пишет (28, 29): «От гавани Пагр сто восемьдесят стадиев до Святого порта, а отсюда до Синдики триста. От Синдики до так называемого Боспора Киммерийского и боспорского города Пантикапея пятьсот сорок стадиев».

Ценнейшим источником по истории Синдики и Боспора первой половины IV в до н. э. служат несколько глав из «Военных хитростей» («Стратегем») *Полиена*, военного историка II в. н.э. Как и Диодор, автор «Стратегем» использовал какой-то несохранившийся труд по боспорской истории, пересказанный Дурисом Самосским³⁷.

Событиям в Синдике посвящена новелла «Тиргатао» (VIII, 55): «Меотиянка Тиргатао вышла замуж за Гекатея, царя синдов, которые живут немного выше Боспора. Этого Гекатея, низложенного с престола, снова посадил на царство боспорский тиран Сатир, причем выдал за него свою дочь³⁸. Гекатей, любя меотиянку, не решился погубить ее, а заточил ее в сильной крепости и приказал жить под стражей; но Тиргатао успела бежать, обманув стражу. Приверженцы Гекатея и Сатира с большим рвением принялись искать ее, опасаясь, чтобы она не склонилась к войне меотов; но поиски были напрасны: меотиянка, идя по пустынным и скалистым дорогам и днем скрываясь в лесах, а по ночам продолжая путь, пришла, наконец, к так называемым иксоматам, где были владения ее родственников. Не застав в живых своего отца, она вступила в брак с его

преемником и склонила иксоматов к войне. Приведя с собой многие из воинственных племен, живших вокруг Меотиды, она сильно опустошала набегами принадлежащую Гекатею Синдику, а также причиняла вред и царству Сатира, так что оба они принуждены были искать мира, послав просьбы и дав в заложники сатинова сына Метродора. Тиргатао согласилась примириться, но ее противники, примирившись, не сдержали клятвы. Именно, Сатир уговорил двух своих друзей совершить покушение на жизнь Тиргатао, явившись к ней под видом просителей. Когда те бежали к ней и Сатир стал требовать их выдачи, то Тиргатао, чтя право убежища, часто посылала к Сатиру письма, желая спасти людей, прибегнувших к ее защите. Но эти последние улучили случай напасть на нее: в то время, как один стал говорить с ней о важных будто бы делах, другой обнажил меч и совершил покушение, не удавшееся потому, что пояс Тиргатао отразил удар. Сбежавшиеся телохранители обоих подвергли пыткам; они сознались в замысле пославшего их тирана. Тогда Тиргатао снова начала войну, умертвив заложника, и подвергла страну всем ужасам грабежа и резни, пока сам Сатир не умер с отчаяния; сын его Горгипп, наследовав престол, сам явился к Тиргатао с просьбами и богатыми дарами и тем самым прекратил войну».

Как уже отмечалось, сведения Полиена о Горгиппе, как наследнике Сатира, противоречат данным Диодора, называющего его наследником Левкона. Военным и политическим хитростям последнего, именовавшегося в боспорской эпиграфике «царем синдов», также посвящена одна из новелл «Стратегем» (Polyaen VI, 9).

Краткое упоминание о синдах содержится в диалоге «Токсарис, или о дружбе» жившего во II в. н. э. сатирика и философа *Лукиана Самосатского*. Герой этого произведения, скиф Токсарид, рассказывая о заключении мирного договора между скифами и их недавними противниками говорит (Toks., 55): «Боспорцы обязались выплачивать дань в двойном размере, махлийцы говорили, что дадут заложников, аланы же обещали за этот набег подчинить нам синдов, давно уже отложившихся от нас». Неясное свидетельство Лукиана, таким образом, указывает на некую былую зависимость синдов от скифов.

Современнику Лукиана, римскому грамматик *Элию Геродиану* также известны синды и Синдика. В книге «Об общей просодии» он пишет: 142, 2. «Синдский народ, живущий на юг от Меотийского озера. Некоторые ставят ударение на конце, что неверно»; 152, 8. «Синдик, город смежный со Скифией».

V–VI вв. датируется т.н. «Перипл Понта Эвксинского» *Псевдо-Арриана*, составленный неизвестным ранневизантийским географом на основе текста сочинения Арриана, дополненного сведениями из других периплов и современными автору данными³⁹. В тексте перипла содержатся почти дословные цитаты из географических сочинений Арриана и Псевдо-Скимна. При описании Черноморского побережья Кавказа в Перипле о Синдике и синдах говорится неоднократно:

62. «От гавани Гептала до гавани Святой, ныне называемой гаванью Гиерия или Никаксин, 180 стадиев 59, 24 мили. От Святой гавани, или Никаксин до Синдики или Синдской гавани, ныне называемой Эвдусией, 290 стадиев, 40 миль».

63. «Итак, от Синдской гавани до гавани Пагры прежде жили народы, называвшиеся керкеты или ториты, а ныне живут так называемые эвдусианы, говорящие на готском или таврском языке».

64. «За Синдской гаванью следует селение, называемое Корокондама, лежащее на перешейке или узкой полосе между озером и морем. За ней находится Корокондамское озеро».

65. «Итак, от Гермонассы до Синдской гавани вдоль Меотиды живут некие люди, называемые народом синдов, от которых страна эта называется Синдикой. Эти синды — варвары, но нравами кротки. За синдами же находятся керкеты, называемые также торитами, справедливый и добрый народ и весьма опытный в мореходстве».

72. «Далее за сарматами живет племя меотов, называемое язаматами, по свидетельству Деметрия; по словам же Эфора это племя называется савроматами».

74. «Потом Гермонасса и Фанагория, которую, по преданию, некогда заселили теосцы, и гавань Синдская, населенная эллинами, пришедшими из соседних местностей. Эти города лежат разбросанно на острове, тянущемся вдоль Меотиде вплоть до Боспора и представляющем пространную равнину, которая недоступна частью вследствие болот и рек, а также топей, находящихся по ту сторону, частью же благодаря морю и озеру».

Неясное упоминание синдов содержится и в «Аргонавтике» безымянного автора IV в. н.э., известного как *Псевдо-Орфей*. Рассказывая о бегстве аргонавтов из Колхиды, автор пишет (203–208): «Затем мы по неразумию поспешно бежали по течению посреди равнины; ее населяют смертные гимны, буономы и дикие аркии, а также племя мужей керкетских и гордых синдов, которые жили посреди Харандийских ущелий у Кавказского хребта в узкой Эритии».

Интересное сообщение о синдах содержится в «Римской истории» автора второй половины IV в. н.э. *Аммиана Марцеллина* (XXII, 8, 41). При описании низовий Борисфена (Днепра) и Тираса (Днестра) историк указывает: «Вдалеке оттуда есть полуостров, который населяют синды, известные только тем, что после несчастий, постигших их господ в Азии, они овладели их женами и имуществом. К их земле прилегает узкая береговая полоса, называемая у местных жителей «Ахиллово ристалище» (Ахиллов Бег), так как здесь некогда упражнялся в беге этот фессалийский герой». Помимо локализации синдов в Северо-Западном Причерноморье⁴⁰ свидетельство Марцеллина интересно тем, что является аллюзией к известной из «Истории» Геродота (IV, 2–4) легенде о борьбе скифов с потомками слепых рабов, указывая на синдов как на участников этих событий⁴¹.

В составленном в V в. н.э. «Лексиконе» («Словаре для бедных студентов») александрийского грамматика *Гесихия* содержится этноним синды, а также несколько производных от него слов, в том числе и топоним Синдская гавань. Примечательно указание Гесихия на то что синды – «народ индийский» (Σίνδοι ἔθνος Ἰνδικόν), что также привлекает исследователей, отстаивающих мнение об индоарийском происхождении синдов⁴².

Весьма туманное упоминание о Синдике содержится в «Описании мира» малоизвестного поэта V в. н.э. *Юлия Гонория* (Ф, 32, 15): «Какие города имеет в своих областях Северный Океан... город Синда Таврическая». Складывается впечатление, что данный фрагмент представляет со-

бой неосмысленный набор из услышанных Гонорием причерноморских географических названий: Синдика и племя тавров в Крыму или же горный хребет Тавр в Малой Азии. Впрочем, А.В. Подосинов допускает, что в основе произведения Гонория лежала географическая карта, относящаяся к т.н. Агрипповой традиции, подобная известной Певтингеровой, где не был обозначен Керченский пролив, а потому синдский топоним и оказался связанным с крымской Таврикой⁴³.

Самые поздние сообщения о Синдике содержатся в «Описании народов» («Этнике») *Стефана Византийского*, автора VI в. до н.э., обильно использовавшего предшествующую географическую и историческую традицию⁴⁴. Кроме приведенной выше, цитаты из Гекатея Милетского о иксибатах, синды и Синдика упоминаются в «Этнике» еще несколько раз:

«Астерусия — гора в южной части острова Крита, обращенная к морю; от нее и лежащий у Кавказа синдский город назван Астерусией»⁴⁵.

«Горгиппия — город в Синдике; название жителей Γοργιππιεύς».

«Корокондама — деревня близ Синдики».

«Синды — к югу от Меотийского озера; некоторые говорят, что и синдское племя есть отрасль меотов».

«Синдик — город с гаванью, смежный со Скифией. Некоторые называют его Горгиппией».

«Травхении — народ у Понта Эвксинского, соседний с синдами».

Помимо сочинений античных авторов, краткие сообщения о Синдике содержатся в средневековых географических произведениях. Так, город (или местность) Синдика указан в «Космографии» Равеннского Аннонима (II, 12; V, 12) (конец VII — начало VIII вв.) и обозначен на т.н. «Певтингеровой карте (Tabula Peutingeriana)» конца XII — начала XIII вв.⁴⁶

Следует указать, что для изучения Синдики могут быть привлечены сочинения античных авторов, непосредственно о Синдике не рассказывающие, но сообщающие о событиях, происходивших в сопредельных регионах, в первую очередь в азиатской части Боспора. Некоторые из этих событий в той или иной степени могли касаться и Синдики, хотя и не упоминают ее. Это речи афинских ораторов IV в. до н.э., прежде всего Демосфена и его политических оппонентов, а также Исократ, сочинения Тацита, Аппиана, Диона Кассия, Павла Оросия, Аммиана Марцеллина и др.

Эпиграфические памятники

Существенным дополнением к античной литературной традиции о синдах и Синдике являются боспорские эпиграфические памятники.

Прежде всего, это боспорские надписи, содержащие титулатуру боспорских царей с перечислением подвластных им племен, в числе которых имеются синды. Боспорские цари приобретают эти звучные титулы в начале IV в. до н.э. в связи с расширением своих владений и включением в число своих подданных варварских народов. Принято считать, что обычай принятия пышных титулов был заимствован правителями Боспора из персидской (ахеменидской) традиции⁴⁷.

Ко времени правления Левкона I⁴⁸ (389–349 гг. до н.э.) относятся шесть таких надписей: три из находок в Керчи (Пантикапее) КБН 6, 6а, 8, две из

Гермонассы КБН 1037, 1038, еще одна не столь давно открыта при раскопках Нимфея.

Согласно основанной на типологии формулировок титулатуры периодизации составления надписей, предложенной А.А. Завойкиным⁴⁹ и С.Р. Тохтасьевым⁵⁰, наиболее ранней является надпись на фасадной балке архитрава из Нимфея: «Теопропид, сын Мегакла, посвятил этот вход Дионису, будучи агонотетом, при Левконе, архонте Боспора, Феодосии, всей Синдики, торетов, дандариев и псессов»⁵¹.

Следующую хронологическую позицию занимает пантикапейская надпись КБН 6а на плите из серого мрамора: «[Такая-то] дочь Нимфея (?), посвятила алтарь Артемиде Эфесской, будучи жрицей, при Левконе, архонте Боспора, Феодосии и синдов и царе торетов, дандариев, псессов». Надпись сильно повреждена, этноним «синды» в этой части текста восстановлен В.В. Шкорпилом, по мнению которого выделение синдов из общего списка народов, над которыми царствовал (*βασιλεύοντος*) Левкон, вызвано их особым положением в государстве.

Чуть более поздние надписи свидетельствуют о царствовании Левкона I над четырьмя меотскими племенами, включая синдов, исключенных из списка владений, которыми Левкон правил в качестве архонта.

Из числа пантикапейских находок это надпись на базе статуи КБН 6: «Стратокл за отца своего Динострата, отбывшего срок своего жречества, посвятил Аполлону Врачу при Левконе, архонте Боспора и Феодосии, царе синдов, торетов, дандариев, псессов».

Та же титулатура в обеих гермонасских надписях. На постаменте статуи КБН 1037: «Демофонт, сын Эргина, посвятил за свою жену Акию Аполлону Врачу при Левконе, архонте Боспора и Феодосии и царе синдов, торетов, дандариев и псессов». Упомянутая в тексте Акия обычно отождествляется с Акией, дочерью Перисада, сына Левкона I и будущего боспорского правителя, известной по найденной там же в Гермонассе надписи КБН 1041.

На сильно поврежденной известняковой плите КБН 1038: «Федим, сын Фениппа, посвятил ... Аполлону Дельфинию ... при Левконе, архонте Боспора и Феодосии и царе синдов, торетов, дандариев и псессов». Этноним «синды» в данной надписи также восстановлен на поврежденном участке текста по аналогии с другими надписями, содержащими титулатуру Левкона I.

Наиболее поздний вариант титулатуры представлен в надписи на известняковой плите из Пантикапея КБН 8: «Креуса, дочь Медонта, Деметре посвятила, будучи жрицей при Левконе, архонте Боспора и Феодосии и царе синдов и всех майтов». Окончание надписи повреждено, существует вариант его реконструкции, допускающий вместо «всех меотов» (*Μαίτων πάντων*) перечисление синдов, торетов, дандариев⁵².

Наиболее значимой по своим информативным возможностям надписью эпохи Левкона I является составленное от его имени стихотворное посвящение на базе статуи, случайно найденной в 1985 г. на Семибратнем городище. Это единственный эпиграфический памятник, сообщающий о синдах и синдском государстве, найденный на территории Синдики. Эта уникальная надпись неоднократно становилась объектом пристального изучения, и на сегодняшний день было предложено четыре варианта ее прочтения и перевода. Следует отметить, что помимо неординарности

текста, сложность перевода вызвана еще и тем, что правая сторона поста-мента отбита, и окончания всех семи строк утрачены.

Впервые опубликовала и перевела надпись Т.В. Блаватская. В ее переводе текст посвящения выглядит следующим образом:

«Принесший обет Левкон, сын Сатира, архонт Фебу Аполлону поставил, тому, что в Лабрите. Владыке же города лабритян я, помогающий после сражения и победы над Феодосией, указал Октамасаду: «Уводи к себе от синдов обоих сыновей и уничтожь смертоносную дружбу царя синдов – ведь враждебен доводящий царство до тяжелейшего [поражения]»⁵³.

Вскоре после находки надпись стала объектом пристального изучения безвременно ушедшего Ю.Г. Виноградова. В опубликованной посмертно незавершенной статье, он предложил такой перевод:

«Принесли обет, Левкон, сын Сатира, поставил (эту статую) Аполлону Фебу, владеющему в (Азии?) этим городом лабритов. (Правя) Боспором и Феодосией, он, одолев в битве, изгнал из земли синдов Октамасада, сына синдского царя Гекатея, который лишая отца (родовой) державы (совершил набег?) на сей город»⁵⁴.

В нескольких работах к прочтению, восстановлению и переводу надписи с Семибратнего городища обращался С.Р. Тохтасьев. В окончательном варианте посвящение Левкона I им было прочитано так:

«Исполнив обет, Левкон сын Сатира, поставил [это изваяние] Фебу Аполлону, тому, что в Л[абрисе], – владыке сего города лабритян, – [архонт] Б[оспора] и Феодосии, изг[навши] битвой и (военной) силой из земли синдов Октамасада, сына Гек[атея], царя синдов, который (Октамасад), лишая отца [его собственной] власти, в сей город во[рвался]»⁵⁵.

Наконец еще один, четвертый, перевод надписи с Семибратнего городища был предложен В.П. Яйленко:

«Левкон, сын Сатира, по обету поставил это изображение Фебу Аполлону, что в Лабрисе, владыке города лабритян, ибо двинувшись из Феодосии, с боем и с победой изгнал из синдской земли Октамасада, сына Гекатея, царя синдов, который (Октамасад), лишая отца ... власти, заточил (его) в этом городе»⁵⁶.

Надпись с Семибратнего городища существенно дополняет историю присоединения Синдики к Боспорскому государству, известную по «Стратегемам» Полиена. В тексте надписи восстанавливается и древнее название Семибратнего городища, звучавшее как Лабрит, Лабрис или Лабрий.

К эпохе Перисада I, царствовавшего после смерти Левкона с 349 по 310 гг. до н.э., относятся девять надписей, содержащих в титулатуре список подвластных ему племен: три из Пантикапея, две из Фанагории, две из Гермонассы⁵⁷ и две из ст. Ахтанизовской на Таманском полуострове. Периодизация надписей, основанная на изменениях в титулатуре царя, разработана А.А. Завойкиным⁵⁸.

Наиболее ранней надписью с титулом Перисада I, относящейся к началу его правления, принято считать целиком сохранившийся текст на известняковой плите из ст. Ахтанизовской КБН 1014: «Ксеноклид, сын Посия, посвятил храм Артемиде Агротере при Перисаде, сыне Левкона, архонте Боспора и Феодосии и царе синдов, торетов и дандариев».

Следующий период царствования Перисада I иллюстрируют пять надписей. Список подвластных царю племен содержит указание синдов и со-

бирательное обозначение остальных («всех меотов»). Две из них найдены в столице государства, обе нанесены на мраморные постаменты.

КБН 10: «Сатирион, сын Патека, отбыв срок своего жречества, посвятил Аполлону Врачу при Перисаде, архонте Боспора и Феодосии и царе синдов и всех маитов».

КБН 11: «(Такой-то или такая-то) сын (или дочь) Койрана, посвятил(а) за свою дочь Итию Артемиде Эфесской при Перисаде, архонте Боспора и Феодосии и царе синдов и всех маитов».

Одна надпись, также на мраморном постаменте – КБН 971, найдена на городище Фанагории: «Аполлотор, сын Фанагора, посвятил Афродите Урании, владычице Апатура, при Перисаде, архонте Боспора и Феодосии и царе синдов и всех маитов».

Две надписи происходят из Гермонассы.

Целиком сохранившийся текст на мраморном постаменте КБН 1039: «Местор, сын Гиппосфена, отправив должность агонифета, посвятил за отца Аполлону при Перисаде, архонте Боспора и Феодосии и царе синдов и всех маитов»

На фрагменте ножки мраморного кресла КБН 1040: «(Такая-то), будучи жрицей, посвятила статую Артемиде Эфесской при Перисаде, архонте Боспора и Феодосии и царе синдов и всех маитов».

К последующему периоду относятся две надписи, в которых предыдущий перечень этнонимов дополнен фатейми.

На мраморном постаменте из Пантикапея КБН 9: «Посвятительный дар Фениппа за брата (своего) Артем..., сына (такого-то), при Перисаде, архонте Боспора и Феодосии и царе синдов, маитов и фатеев».

На известняковом постаменте из ст. Ахтанизовской КБН 1015: «Комосария, дочь Горгиппа, жена Перисада, по обету посвятила сильному богу Санергу и Астарте при Перисаде, архонте Боспора и Феодосии и царе синдов, всех маитов и фатеев». Надпись интересна тем, что упомянутая в ней Комосария является дочерью Горгиппа сына Сатира I, бывшего, по сообщению Полиена (VIII, 5), активным участником событий присоединения Синдики к Боспорскому государству. Не так давно стало известным еще одно посвящение от имени Комосарии дочери Горгиппа на обломке базы статуи из раскопок Нимфея⁵⁹.

К концу правления Перисада I принято относить надпись на мраморном постаменте из Фанагории КБН 972: «Кассалия, дочь Пассия, посвятила Афродите Урании при Перисаде, архонте Боспора и Феодосии и царе синдов, маитов, фатеев, досхов».

Две надписи, упоминающие синдов, относятся к III в. до н.э. (его второй четверти) и связаны с титулатурой Перисада II (284–250 гг. до н.э.).

Первая, на мраморном постаменте из Пантикапея КБН 25: «Левкон, сын Перисада, отбыв срок своего жречества, посвятил эту статую Аполлону Врачу, при Перисаде, сыне Спартока, архонте Боспора и Феодосии, царе синдов, всех маитов и фатеев». Поставивший статую Левкон сын Перисада – будущий боспорский царь Левкон II, правивший в третьей четверти III в. до н.э.

Вторая надпись на обломке мраморной плиты, случайно найденной на городище Гермонассы в 1968 г. От текста сохранилось только окончание: «... архонта Боспора и Феодосии, царя синдов и маитов». Исходя из особенностей шрифта, Н.С. Белова относит надпись к периоду правления Перисада II⁶⁰.

Дважды синды упомянуты в титулатуре боспорского царя Аспурга (14–37 гг. н.э.). Обе надписи происходят из Пантикапея. Надпись на мраморном постаменте КБН 40 сохранилась полностью: «Великого царя Аспурга (его статую), друга римлян, происходящего от царя Асандроха, друга цезаря и друга римлян, царствующего над всем Боспором, Феодосией, синдами, маитами, тарпитами, торетами, псессами и танаитами, подчинившего скифов и тавров, Менестрат, сын Менестрата, начальник острова, (поставил) своего спасителя и благодетеля».

Вторая надпись 23 г. н.э. на мраморном архитраве КБН 39 дошла до нас в сильно поврежденном состоянии. Текст ее восстановлен (причем и в той его части, где упоминаются синды) по аналогии с вышеприведенной надписью КБН 40: «Великому царю Аспургу, другу римлян..., царствующему над всем Боспором, Феодосией, синдами, меотами, тарпитами, торетами, псессами и танаитами, подчинившему скифов и тавров..., своему спасителю и благодетелю посвятил..., в 320 году и месяце...».

По мнению С.Р. Тохтасьева, пышные титулы Аспурга с внушительным перечнем подвластных и подчиненных им племен в этих двух надписях представляют собой «политические важные аллюзии на титулатуру Спартокидов»⁶¹.

Определенный интерес представляет известняковое надгробие V в. до н.э., найденное близ мыса Тузла на некрополе Корокондамы КБН 1103⁶². Надпись на нем представляет женское имя Индия (Ἰνδίη). Отсутствие патронимика и имя, образованное от этнонима, привели составителей КБН к убеждению, что «стела была надгробием рабыни или вольноотпущенницы». Данный эпиграфический памятник привлекает особое внимание сторонников теории индоарийского происхождения синдов⁶³.

Страбон, как уже отмечалось выше, столицей синдов назвал Горгиппию. В связи с этим, в качестве эпиграфических источников по истории Синдики в составе Боспорского государства могут быть привлечены и многочисленные надписи, происходящие из Горгиппии, – их число на сегодняшний день достигает двухсот⁶⁴.

Из числа горгиппийских эпиграфических документов наибольший интерес представляет надпись КБН 1137 – список имен участников спортивных соревнований в честь Гермеса, проходивших в городе в конце IV – первой половине III в. до н.э. Горгиппийский агонистический каталог неоднократно привлекался исследователями в качестве источника для изучения разных аспектов истории и культуры Горгиппии и Боспора в целом⁶⁵. Для исследуемой темы надпись КБН 1137 важна тем, что в списке содержатся имена, образованные от этнонима «синды» – Синд и Синдок (Σίνδος, Σίνδοκος), а также наличием в нем имен, которые имеют адыго-абхазское происхождение⁶⁶. Антропонимы с адыго-абхазской фонетической основой⁶⁷ отмечены и в горгиппийских надписях I–II вв. н.э.

Примечания

1. Крушкол Ю.С. Древняя Синдика. М., 1971. С. 5–18.
2. Тохтасьев С.Р. ΣΙΝΔΙΚΑ // Таманская старина. Вып. 4. СПб., 2002. С. 21, 22.

3. Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1947–1949.
4. Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. Составители В.Ф. Патракова, В.В. Черноус. Ростов-на-Дону, 1991; Скифы. Хрестоматия. Составитель Т.М. Кузнецова. М., 1992.
5. Блаватский В.Д. Древнейшее свидетельство о Синдике // Исследования в честь академика Д. Дечев. София, 1958. С. 703–706; Он же. Древнейшее свидетельство о Синдике // Блаватский В.Д. Античная археология и история. М., 1985. С. 55–58.
6. Суриков И.Е. Некоторые соображения об исчезнувшем проливе Боспоре Синдском // Вестник древней истории. 2013. № 1. С. 171, 172.
7. Braund D. Sindians and Greeks // Таманская старина. Вып. 3. Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII–I вв. до н.э.). СПб., 2000. С. 68.
8. Считается, что сочинение Гекатея стало известно грекам-ионийцам в 65 олимпиаду – 520–517 гг. до н.э. См.: Лаптева М.Ю. У истоков древнегреческой цивилизации: Иония IX–VI вв. до н.э. СПб., 2009. С. 396.
9. Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982. С. 111. Приведем, также, этот фрагмент в переводе Г.А. Стратановского: «Море здесь и весь Боспор Киммерийский замерзают, так что скифы, живущие по эту сторону рва, выступают в поход по льду и на своих повозках переезжают на ту сторону до земли синдов» (Геродот. История. Перевод и примечания Г.А. Стратановского. М., 2002. С. 244).
10. Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Указ. соч. С. 260, примеч. 256.
11. Берзин Э. Западные индийцы и загадка амазонок // Знание – сила. 1983. № 2. С. 43; Трубочев О.Н. INDOARICA в Северном Причерноморье. М., 1999. С. 18, 19.
12. Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. С. 133.
13. Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. Историко-географический анализ. М., 1979. С. 83.
14. Там же. С. 84, примеч. 11.
15. Азбунов М.В. Античная география Северного Причерноморья. М., 1992. С. 44.
16. Скилак Кариандский. Перипл обитаемого моря. Перевод и комментарии Ф.В. Шелова-Коведяева // Вестник древней истории. 1988. № 2. С. 260. Ср. этот же фрагмент в переводе В.В. Латышева: «Синды. За меотами – народ синды, их область простирается и за пределы озера, и города в ней эллинские следующие: город Фанагора, Кепы, Синдская гавань, Патус» (Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1947. № 3. С. 155).
17. Шелов-Коведяев Ф.В. Комментарии // Скилак Кариандский. Перипл обитаемого моря // Вестник древней истории. 1988. № 2. С. 266.
18. Жебелев С.А. Античные источники для изучения Северного Кавказа // Жебелев С.А. Северное Причерноморье. М.–Л., 1953. С. 351; Струве В.В. Личность автора древнейшего труда по истории СССР // Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. М., 1967. С. 7–19; Сапрыкин С.Ю. Греческое государство в Причерноморье // Источниковедение древней Греции. М., 1982. С. 189; Блаватский В.Д. Воззрения боспорского анонимного историографа конца IV в до н.э. // Блаватский В.Д. Античная археология и история. М., 1985. С. 203–207; Петрова Э.Б. Историческая традиция в античных городах Северного Причерноморья и ее истоки // Культура народов Причерноморья. 1998. № 4. С. 110–114.
19. Жебелев С.А. Указ. соч. С. 349; Томпсон Дж. История древней географии. М., 1953. С. 300; Сапрыкин С.Ю. Указ. соч. С. 186; Азбунов М.В. Загадки Понта Эвксинского. М., 1985. С. 22; Он же. Античная география Северного Причерноморья. С. 50.
20. Грацианская Л.И. «География» Страбона. Проблема источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1986 г. М., 1988. С. 14, 32.

21. Жебелев С.А. Античные источники для изучения Северного Кавказа. С. 351.
22. Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. С. 179.
23. Грацианский Л.И. Горгиппия – столица синдов? (К Strab. XI, 2, 10) // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В.Т. Пашуто. М., 1999. С. 56–62; Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. М., 1997. С. 37, 38.
24. Жебелев С.А. Указ. соч. С. 350, 351; Агбунов М.В. Античная география Северного Причерноморья. С. 66.
25. Подосинов А.В., Скржинская М.В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты, перевод, комментарий. Древнейшие источники по истории Восточной Европы. М., 2011. С. 27, 28.
26. Скржинская М.В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977. С. 100. В недавнем издании фрагментов «Хорографии» Помпония Мелы и «Естественной истории» Плиния Старшего приведен несколько уточненный перевод этого параграфа. См.: Подосинов А.В., Скржинская М.В. Указ. соч. С. 185.
27. Аналогичное значение термина *civitas* предложено и в переводе В.В. Латышева и И.П. Цветкова: «На побережье близ керкетов река Икар, аки с городом Гиером и рекой на расстоянии 136 000 шагов от Гераклея. Затем мыс Круны, и от него крутая возвышенность, которую занимают тореты. Далее государство синдов в 67 500 шагах от Гиера и река Сехерий» (Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1949. № 2. С. 292).
28. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М., 1958. *Civitas*, 4.
29. Античная география. Составитель М.С. Боднарский. М., 1953. С. 260.
30. Скржинская М.В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. С. 74–83; Подосинов А.В., Скржинская М.В. Римские географические источники. С. 148–151. См. также: Жебелев С.А. Античные источники для изучения Северного Кавказа. С. 350, 351; Сапрыкин С.Ю. Греческие государства в Причерноморье. С. 191; Агбунов М.В. Загадки Понта Эвксинского. С. 26.
31. Скржинская М.В. Указ. соч. С. 25; Подосинов А.В., Скржинская М.В. Указ. соч. С. 267.
32. Илюшечкина Е.В. Народы Северного Причерноморья и Кавказа в античности (По сведениям Дионисия Перизэгета) // Вестник древней истории. 2008. № 2. С. 128. Ср. этот же фрагмент в переводе И.П. Цветкова: «С савроматами же как соседи живут синды, киммерийцы и живущие вблизи Эвксина керкетии, тореты и могучие ахейцы...» (Скифы. Хрестоматия. С. 178).
33. Илюшечкина Е.В. Указ. соч. С. 131.
34. Там же. С. 136.
35. Тохтасьев С.Р. Киммерийская топонимия. I // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984. С. 145; Качарава Д.Д., Квирквелия Г.Т. Города и поселения Причерноморья античной эпохи. Малый энциклопедический справочник. Тбилиси. 1991. С. 135; Завойкин А.А. Проблема локализации Киммериды // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997 гг. М., 1999. С. 220–236.
36. Жебелев С.А. Указ. соч. С. 350; Зубарев В.Г. «Географическое руководство» Клавдия Птолемея как источник по античной географии Северного Причерноморья // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997 гг. М., 1999. С. 317, 326.
37. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 130; Жебелев С.А. Античные источники для изучения Северного Кавказа. 1953. С. 351; Сапрыкин С.Ю. Указ. соч. С. 189; Петрова Э.Б. Историческая традиция в античных городах Северного Причерноморья... С. 113.
38. Во втором издании свода В.В. Латышева ошибочно «свою прежнюю жену».
39. Скржинская М.В. «Перипл Понта Эвксинского» анонимного автора // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980. С. 115–125; Агбунов М.В. Античная лоция Черного моря. М., 1987. С. 9, 10.

40. Новичихин А.М. Синдика за пределами Синдики // TANAIN DE ПΟΤΑΜΟΝ ΔΙΑΒΑΝΤΙ. За рекой Танаисом: Сборник памяти В.Е. Максименко (1939–2014). Ростов-на-Дону, 2015. С. 223–226.

41. Иванчик А.И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М.–Берлин, 2005. С. 225; Новичихин А.М. К предыстории скифо-синдских отношений // Вестник древней истории. 2014. № 2. С. 98–108.

42. Трубачев О.Н. INDOARICA в Северном Причерноморье. С. 18, 19.

43. Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. С. 141, 142; Он же. Гидрография Восточной Европы в античной и средневековой геокартографии // «Русская река». Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М., 2007. С. 63–66. С сочинением Гонория связана т.н. «Космография» Псевдо-Этика, в которой в близком контексте (I, 32) упоминаются Синды и Таврия (Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. С. 152, 157).

44. Бородин О.Р. Развитие географической мысли // Культура Византии. IV – первая половина VII в. М., 1984. С. 457.

45. По мнению комментаторов второго издания свода В.В. Латышева, Стефан ошибочно перенес в Синдику город Астерусию, находившуюся у «Индийского Кавказа» (Гиндукуша). «Астерусия, гора на Крите и город у индийского Кавказа» упоминается также Евстафием Фессалоникийским в схолиях к «Илиаде».

46. Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. С. 189, 201, 359.

47. Тохтасьев С.Р. Происхождение титулатуры Спартокидов // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Материалы II Боспорских чтений. Керчь, 2001. С. 161–164; Виноградов Ю.А. Монархические титулы в истории Древней Греции // Проблемы культурогенеза и культурного наследия. Сборник статей к 80-летию В.М. Масона. СПб., 2009. С. 117–128.

48. Кроме указанных ниже, титул Левкона I без упоминания его власти над синдами и Синдикой («архонт Боспора и Феодосии») содержится в двух надписях с территории Таманского полуострова: с берега Цокурского лимана (КБН 1111) и из раскопок Гермонассы (Белова Н.С. Новая надпись из Гермонассы // Вестник древней истории. 1967. № 1. С. 61–67). Судя по титулу царя, совпадающему с титулом в стихотворной эпиграмме Левкона I с Семибратнего городища (см. ниже), эти надписи относятся к началу его правления. См.: Завойкин А.А. Титулатура ранних Спартокидов: заметки по абсолютной и относительной хронологии // Античность в современном измерении. Тез. докл. Всероссийской научн. конф., посвященной 35-летию научного кружка «Античный понедельник». Казань, 2001. С. 66, 67.

49. Завойкин А.А. Титулатура ранних Спартокидов... С. 66–68.

50. Тохтасьев С.Р. Боспор и Синдика в эпоху Левкона I (Обзор новых эпиграфических публикаций) // Вестник древней истории. 2004. № 3. С. 177, 178. Несколько иная периодизация титулатуры ранних Спартокидов, основанная на фонетических особенностях текстов, предложена В.П. Яйленко. См.: Яйленко В.П. Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. – V в. н.э. М., 2010. С. 52–54.

51. Соколова О.Ю. Новая надпись из Нимфея (Предварительное сообщение) // Древности Боспора. 4. М., 2001. С. 368–376; Соколова О.Ю., Павличенко Н.А. Новая посвятельная надпись из Нимфея // Hiperboreus. 2002. Vol. 8. Fasc. 1. С. 99–121; Тохтасьев С.Р. Боспор и Синдика в эпоху Левкона I. С. 157–175. При раскопках Нимфея на том же участке найден обломок мраморной плиты с окончанием еще одного царского титула, – «[торетов], дандариев и псессов». См.: Власова Е.В. Фрагмент посвятельной надписи из Нимфея // Hiperboreus. 1994/1995. Vol. 1, Fasc. 2. С. 135.

52. Тохтасьев С.Р. Боспор и Синдика в эпоху Левкона I. С. 179.

53. Блаватская Т.В. Посвящение Левкона I // Российская археология. 1993. № 2. С. 34–48.
54. Виноградов Ю.Г. Левкон, Гекатей, Октамасад и Горгипп (Процесс интеграции Синдики в Боспорскую державу по новелле Полиена (VIII,55) и вотивной эпитагме из Лабриса) // Вестник древней истории. 2002. № 3. С. 3–22.
55. Тохтасьев С.Р. К чтению и интерпретации посвячительной надписи Левкона I с Семибратнего городища // *Hierboreus*. 1998. Vol. 4, Fasc. 2. С. 286–301; *Он же*. Еще раз о синдских монетах и синдском царстве // Боспорский феномен. I. Спб., 2001. С. 66–69; *Он же*. Боспор и Синдика в эпоху Левкона I. С. 144–156.
56. Яйленко В.П. Вотив Лекона I из Лабриса // Древности Боспора. 7. М., 2004. С. 425–445; *Он же*. Тысячелетний Боспорский рейх. С. 12–35.
57. Плохой сохранности надпись КБН 1042, в которой восстанавливается титулатура с перечнем меотских племен, лишь предположительно относится ко времени Перисада I.
58. Завойкин А.А. Титулатура ранних Спартокидов... С. 66–68.
59. Виноградов Ю.Г. Вотив Комосарии из Нимфея // Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья. Тез. докл. междунар. научн. конф. СПб., 1999. С. 20.
60. Белова Н.С. Новая надпись из Гермонассы и некоторые замечания о лапидарной эпиграфике Боспора III в. до н.э. // Вестник древней истории. 1984. № 2. С. 78–85.
61. Тохтасьев С.Р. Боспор и Синдика в эпоху Левкона I. С. 172.
62. Сорокина Н.П. Тузлинский некрополь. Труды ГИМ. 1957. Вып. XXVI. С. 16.
63. Надэль Б.И. Ономатология античного Причерноморья // Вестник древней истории. 1956. № 3. С. 72; Берзин Э. Западные индийцы и загадка амазонок. С. 43; Трубачев О.Н. О синдах и их языке // Вопросы языкознания. 1976. № 4. С. 46, примеч. 21; *Он же*. INDOARICA в Северном Причерноморье. С. 21, примеч. 21.
64. КБН 1114–1219, 1230–1232, 1236, Add. 4; Блаватская Т.В. Рескрипты царя Аспурга // Советская археология. 1965. № 2. С. 197–209; Болтунова А.И. Надписи Горгиппии (из случайных находок) // Нумизматика и эпиграфика. 1971. IX. С. 3–15; *Она же*. Из эпиграфических коллекций Новороссийского историко-краеведческого музея // Вестник древней истории. 1979. № 2. С. 80–87; *Она же*. Новые эпиграфические материалы из Горгиппии // Вестник древней истории. 1982. № 3. С. 61–66; *Она же*. Надписи Горгиппии (из находок 1971–1981 гг.) // Вестник древней истории. 1986. № 1. С. 43–61; Власова Е.В. Новый фрагмент надписи КБН 1182 // *Hierboreus*. 1999. Vol. 5, Fasc. 1. С. 160–163; Калашник Ю.П. К надписям КБН 77 и КБН 1136 // Вестник древней истории. 1970. № 4. С. 148–152; Кругликова И.Т. Новые эпиграфические памятники из Горгиппии // Вестник древней истории. 1967. № 2. С. 182–197; Новичихин А.М. Фрагмент надгробия Гликона из Горгиппии // Кондаковские чтения III. Человек и эпоха: античность – Византия – Древняя Русь. Материалы междунар. научн. конф. Белгород, 2010. С. 80–83; *Он же*. Новый фрагмент списка имен горгиппийцев // Вестник древней истории. 2015. № 1. С. 174–177; *Он же*. Новое свидетельство культа «бога высочайшего» из Горгиппии // Древности Боспора. 20. М., 2016. С. 350–354; Сапрыкин С.Ю. Из эпиграфики Горгиппии // Вестник древней истории. 1986. № 1. С. 62–75; *Он же*. Неопубликованная эпитафия из Горгиппии // Вестник древней истории. 2001. № 1. С. 190–194; Смирнова Н.В. Новые надписи из Горгиппии и Патрея // Древности Боспора. 5. М., 2002. С. 224–233; Яйленко В.П. Новые надписи Горгиппии // Эпиграфические памятники древней Малой Азии, античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник. М., 1985. С. 148–153; *Он же*. Тысячелетний Боспорский рейх. С. 606–656; Appel W. Drei incchriften aus Anapa (aus der Sammlung des Archäologischen Museums in Odessa) // Древнее Причерноморье. V-е чтения памяти профессора П.О. Карышковского. Одесса, 2003. С. 11–14.

65. *Латышев В.В.* Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1895-1898 годах // *Материалы по археологии России. Вып. 23.* СПб., 1899. С. 64–75; *Берзин Э.О.* Горгиппийский агонистический каталог // *Советская археология.* 1961. № 1. С. 111–127; *Кубланов М.М.* О местной историографии на Боспоре (Горгиппийский каталог победителей) // *Вестник древней истории.* 1954. № 4. С. 143–146; *Он же.* Из истории культуры Северного Причерноморья // *Древний мир. Сборник статей.* М., 1962. С. 565; *Тохтасьев С.Р.* О дорийском компоненте в составе населения Горгиппии первой половины III в. до н.э. // *Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. Тез. докл. Севастополь, 1988.* С. 113–116; *Петрова Э.Б.* Историческая традиция в античных городах Северного Причерноморья... С. 115; *Скржинская М.В.* Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. СПб., 2010.

66. *Анфимов Н.В.* Вопросы этнической истории синдо-меотов // VIII Крупновские чтения. Тез. докл. Нальчик, 1978. С. 13.

67. Там же. С. 11.

A.M. NOVICHIKHIN

THE WRITTEN SOURCES ABOUT THE SINDIANS AND SINDICA

The article presents a summary of the evidences of ancient authors and data of the Bosporan epigraphy about the Sindians and Sindica.

Keywords: Sindians, Sindica, the ancient literary tradition, the Bosporan epigraphy.

Ю.А. Прокопенко
(г. Ставрополь)

ИССЛЕДОВАНИЕ КУРГАНОВ И ДРУГИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ЮЖНЫХ РАЙОНАХ СТАВРОПОЛЬЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Статья посвящена малоизвестному эпизоду в истории археологического изучения Ставрополя участием в конце XIX – начале XX в. в исследовании памятников древности на территории района Кавминвод (и в прилегающих районах) местных краеведов и непрофессиональных археологов: учителя Ново-Павловского училища С.Ф. Бельского, археолога-любителя В.Н. Глазова, офицеров – поручика В.Р. Апухтина, штабс-капитана Т.Е. Орла и ставропольских крестьян. В результате их раскопок был выявлен целый ряд памятников – курганов и грунтовых захоронений эпохи бронзы, раннего железного века, эпохи средневековья.

Ключевые слова: непрофессиональные археологи, курганы, катакомба, ступенчатый вход в камеру, грунтовая могила, каменное изваяние, могильники.

В конце XIX – начале XX в. значительный вклад в изучение археологических памятников Ставрополя внесли местные краеведы и непрофессиональные археологи. При этом особое внимание уделялось исследованию курганов и других памятников в южных районах Ставрополя.

В 1897 г. Открытый лист на право производить раскопки получил учитель Ново-Павловского училища С.Ф. Бельский. В августе – сентябре им были изучены два кургана в окрестностях с. Ново-Павловского (совр. г. Новопавловск)¹. В группе курганов (3 насыпи), расположенных севернее села (к западу от реки Метлевая), был исследован восточный (№ 1) (рис. 1). Насыпь кургана, вытянутая по направлению с востока на запад, имела высоту 3 сажени (диаметр окружности – 50 саженей). Сверху сохранились следы площадки.

Следует отметить, что С.Ф. Бельский применял различные способы раскопок, что характеризует его как профессионального исследователя. Первоначально курган раскапывался траншейным методом. На глубине 2-х аршин были открыты фрагменты костей мелкого рогатого скота. Затем был найден кремневый наконечник стрелы. Столкнувшись с невозможностью продолжать копать траншею, исследователь заложил в центральной части раскоп (диаметр 7 аршин). Затем он исследовал насыпь методом колодца (были найдены зубы хищника – собаки?).

Еще один колодец (крестообразной формы) был раскопан к западу – в 3-х аршинах от центральной шахты. Здесь в верхних слоях был обнаружен фрагмент керамики из слабо обожженной глины. Других находок в насыпи не было сделано, но при дальнейшем углублении на 1 аршин был выявлен склеп (видимо, катакомба. – Ю.П.). Камера имела форму усеченного конуса (диаметр пола – 7, высота – 5 аршин). Стены катакомбы сохранили

следы тщательной отделки острым инструментом. На полу сохранились остатки костяков, ориентированных на юго-запад. Под скелетами и рядом с ними был выявлен тлен. К западу от погребенного располагался керамический сосуд. В одной из стен был выявлен выход на поверхность – видимо, входная шахта. С.Ф. Бельский тщательно исследовал дромос и выяснил, что он был ступенчатый (имел 9 ступеней) (рис. 2).

В группе курганов (южнее села), состоящих из 4-х насыпей, вытянутых по линии запад – восток, были исследованы два центральных (по его нумерации – №№ 2 и 3).

Второй курган (№ 3) он раскапывал с помощью траншеи. Высота кургана достигала 2,5 аршин, его диаметр – 6 аршин. В начале исследования были выявлены следы небольшой каменной выкладки (не более квадратной сажени). Затем были обнаружены зубы лошади. В центре насыпи (видимо, ниже по уровню. – Ю.П.) располагались захоронения. Один костяк найден в сидячем положении – лицом на восток. К югу лежал второй погребенный. Выше – на одном уровне с головой первого костяка – был обнаружен отдельный череп.

Курган № 2 (по размерам идентичный с курганом № 3) раскапывался посредством колодца. Под почвой был выявлен слой камня. Здесь же находилось каменное изваяние (рис. 3). Туловище конусообразной формы завершается шарообразной головой с проработанными глазами и обозначенным носом (он не сохранился). На туловище с левой стороны выделена фигура трапециевидной формы (видимо, рука?) (рис. 3). Ниже следовал слой глины, перемешанный с золой и известью. Из-за ухудшения погодных условий раскопки не были завершены².

Судя по описанию исследованных памятников, курган № 1 предположительно следует датировать эпохой средней бронзы, а курган № 2 (впускное захоронение?) отнести к эпохе средневековья, возможно, к гуннскому или к раннеполовецкому времени. Курган № 3, судя по выявленному костяку в сидячем положении, возможно, является самым ранним, относится к периоду ранней бронзы – майкопской культурно-исторической общности¹.

В следующем 1898 г. был изучен курган у с. Александрия Новогригорьевского уезда. Местные крестьяне Ф. Яхонтов и М. Короткий, добывая камень в кургане, расположенном в окрестностях села, открыли памятник из «двух каменных обработанных плит». Под плитами были обнаружены два человеческих скелета и фрагментированный сосуд. Следует отметить, что крестьяне не воспользовались находкой, а наоборот, постарались, чтобы сведения о кургане поступили в канцелярию Ставропольского губернатора. Плиты были сохранены и впоследствии зарисованы. Одна из них имела прямоугольную форму (длина более аршина, ширина – 13 вершков). Другая была выполнена в форме ступенчатой пирамиды (длина более 1 аршина, ширина 6 вершков) (рис. 4).

Данные памятники расположены в районе трассы, пролежавшей в период Золотой Орды вдоль р. Кума, связывая г. Маджар (современный г. Буденновск) с районом Кавминвод и далее – с городами Северного Причерноморья. Возможно, отмеченные каменные плиты являются свидетельством передвижения мусульманских купцов по торговым делам³.

¹ Приношу искреннюю признательность А. Калмыкову за консультацию по характеру захоронения в кургане № 3.

В начале XX в. южные районы Ставрополя являлись объектом изучения непрофессиональных археологов, получавших от археологической комиссии разрешение на раскопки. В ряде случаев исследователи опирались на сведения местных краеведов о выявленных памятниках древности.

В этой связи следует отметить исследование археологических объектов в районе Второ-Афонского монастыря, основанного на юго-западном склоне горы Бештау в 1904 г.

Во время строительства церкви и главного монастырского корпуса (где располагались кельи) строители наткнулись на захоронения могильника эпохи средневековья. Впоследствии настоятель монастыря показывал гостям находки из разрушенных погребений: несколько сердоликовых бус с белым узором, кружок из булатного (?) сплава, прорезную литую фигуру коня и всадника, сидячего боком – с прямыми ногами (видимо, амулет).

Данные находки вскоре стали предметом обсуждения среди интересующейся публики в Пятигорске, что в свою очередь повлияло на появление в районе стройки археологов.

В частности, в 1909 г. на площадке напротив построенной церкви начал раскопки поручик В.Р. Апухтин. Им была раскопана грунтовая могила четырехугольной формы. Яма была обложена крупными известняковыми плитами, поставленными на ребро. Здесь был выявлен женский скелет, зеркало, и медный (видимо, бронзовый) браслет. По мнению исследователя, перед церковью расположен могильник XI–XII вв.

Продолжил исследование памятника член-сотрудник Императорского Русского археологического общества, но непрофессиональный археолог В.Н. Глазов. Он получил открытый лист (22 апреля 1911 г.) на право раскопок в пределах Пятигорского отдела Терской области.

В данный период он находился в Пятигорске. Первоначально он пытался найти гробницы, похожие на те, что раскапывал Самоквасов. Используя информацию старшины колонии Каррас К. Швагеруса о 3-х небольших ограбленных курганах на юго-восточном склоне г. Бештау, он их доследовал (были выявлены человеческие кости, фрагменты дерева и керамики) (рис. 5).

Узнав о находках в районе монастыря, он решил исследовать и эту территорию (рядом с церковью). Площадка была окружена с 3-х сторон глубокими оврагами и представляла собой возвышенное плато (рис. 6). С разрешения настоятеля монастыря В.Н. Глазов первоначально произвел обследование площадки и заложил пробный шурф – подвижную траншею поперек исследуемой территории. Длина траншеи достигала до 5 сажень; ширина около 3-х сажень; общая глубина – 1 – 1,5 аршина (до материка). Траншея начиналась сразу за могилой вскрытой В.Р. Апухтиным, тянулась в направлении с севера на юг. На вскрытой площади были выявлены три грунтовые могилы глубиной не более 2-х аршин. Заполнение захоронений было перемешано, только в одной могиле выявлены фрагменты черепа и человеческих костей. В суглинистом грунте траншеи и отмеченной могиле встречались фрагменты хорошо обожженной серо-глиняной керамики (с примесью кварцевого песка) без орнамента.

Место раскопок посетил слушатель 2 курса Императорского археологического института штабс-капитан Т.Е. Орел. С разрешения В.Н. Глазова он расчистил стенку ямы, в которой были найдены череп и фрагменты

глиняного сосуда. В результате были выявлены человеческие кости, три глиняных сосуда (1 экз. из красноватой глины; 2 – сероглиняные) и массивный жернов ручной мельницы. В дальнейшем Т.Е. Орел взял обнаруженные сосуды с собой и предъявил их директору Археологического института Н.В. Покровскому. В.Н. Глазов их зарисовал³.

Сосуд № 1 – плоскодонный кубок из красноватой глины. Верхняя часть сосуда ornamentирована прочерченными короткими вертикальными линиями (одной или двумя). Размеры: В – 2 вершка; Д – 2,5 вершка (рис. 7).

Сосуд № 2 – сероглиняный, кубковидной формы с усечено-биконическим туловом и выделенной шейкой. Декорирован в верхней части группами (по три) вертикально прочерченных двойных линий и по плечикам геометрическим орнаментом – поясом из прочерченных тройных треугольников, заключенных в пространство между двумя горизонтальными линиями. Размеры: В – 3; Д – 3,5 вершка (рис. 8).

Сосуд № 3 – плоскодонный сероглиняный кубок с усечено-биконическим туловом и выделенной шейкой. Орнаментирован по плечикам поясом из крестообразных значков. Размеры: В – 3,5; Д – 4 вершка (рис. 9).

Судя по форме и декору сосудов они относятся к кобанской культуре. Аналогичные плоскодонные кубки В.И. Козенкова отнесла к разновидности «е» – кубки в форме плоскодонного горшочка. Наиболее ранние из них датируются концом II – началом I тыс. до н.э. (Эшкаконская гробница, гробница № 2 могильника Терезе). Наиболее поздние находились в комплексах с предметами скифского типа VI–V вв. до н.э. (Исправненский мог., Султангорский 3 мог.)⁴.

Варианты декора, украшающие отмеченные сосуды, также, характерны для керамики кобанской культуры. В частности, сочетание пояса из треугольников и прочерченных вертикальных линий является обычным для кобанских мисок и кубков⁵. Пояса из крестообразных значков также встречаются на сосудах кобанской культуры⁶.

Данные находки свидетельствуют о территориально близком расположении в районе церкви монастыря двух одновременных могильников: эпохи раннего железного века и периода средневековья.

Несмотря на непрофессионализм, отсутствие исследовательской практики, местные краеведы и непрофессиональные археологи внесли значительный вклад в изучение памятников археологии Ставрополя и Терской области. В результате их раскопок был выявлен целый ряд памятников – курганов и грунтовых захоронений эпохи бронзы, раннего железного века, эпохи средневековья. Благодаря сохранившимся отчетам давно исчезнувшие памятники, хотя бы частично, можно ввести в научный оборот.

* В – высота сосуда; Д – диаметр сосуда.

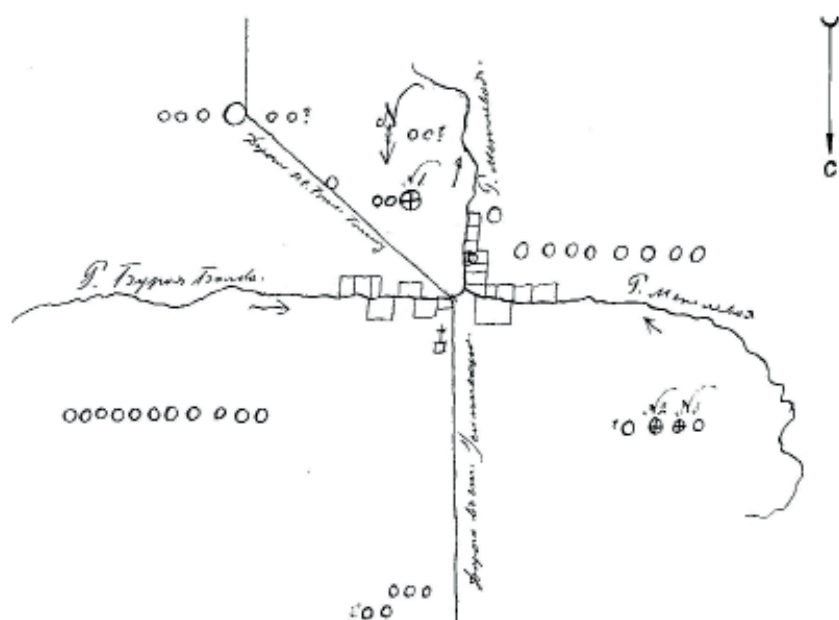

Рис.1. План расположения курганов у с. Ново-Павловское (по С.Ф. Бельскому); O – не раскопанные курганы; ⊕ – раскопанные курганы.

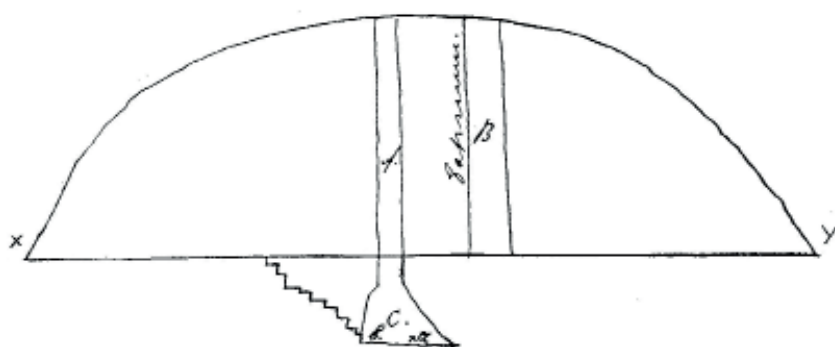
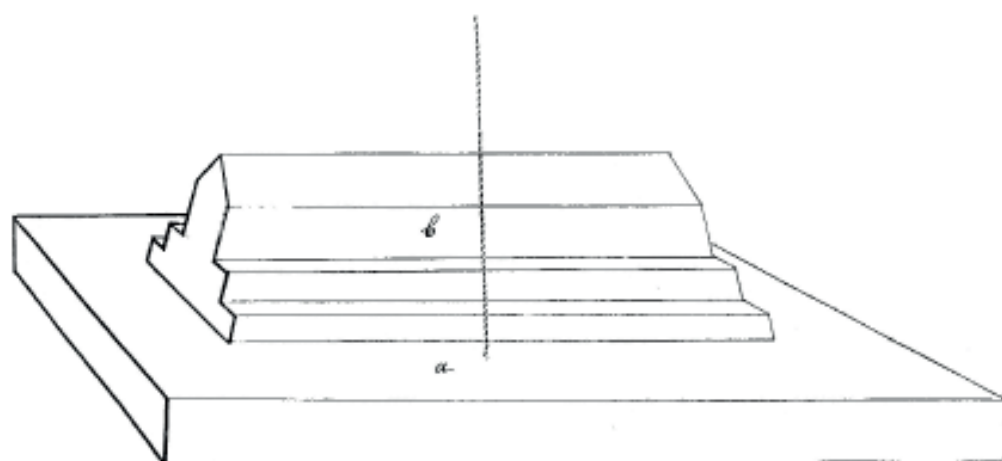

Рис. 2. Курган № 1, исследованный С.Ф. Бельским в южных окрестностях с. Ново-Павловское.

Рис. 3. Каменное изваяние из кургана № 2 - северные окрестности с. Ново-Павловское (по С.Ф. Бельскому)

Индостанская Велесина:
а. длина - 1 ар. 7 верги. в. длина - 1 ар. 1 верга
ширина - 13 верги. ширина - 6 верги.
толщина - 2 верги. высота - 4 верги.

Рис. 4. Каменная ступенчатая плита из кургана, раскопанного у с. Александрия

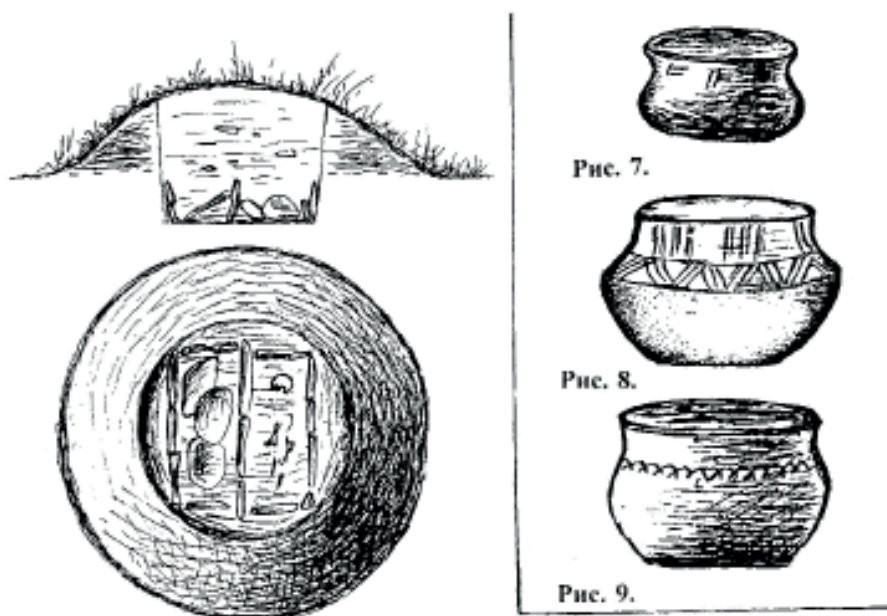

Рис. 5. Курган, исследованный В.Н. Глазовым у колонии Каррас (юго-восточный склон г. Бештау)

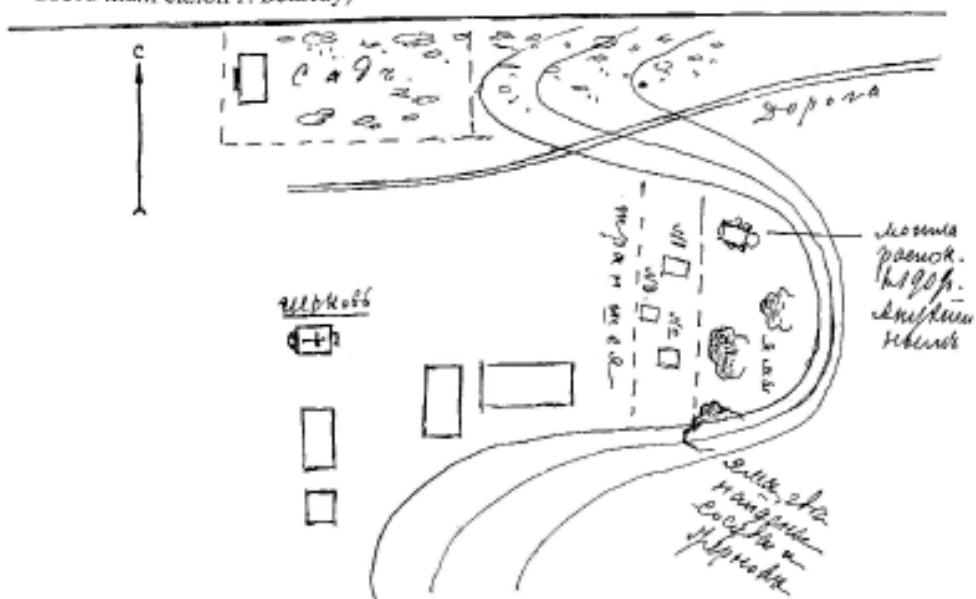

Рис. 6. План могильника, исследованного В.Н. Глазовым у церкви Второ-Афонского монастыря

Примечания

1. Прокопенко Ю.А. О раскопках краеведов в юго-восточных районах Ставропольской губернии в 1897–1898 гг. // Третьи Прозрителевские чтения. Сборник материалов научно-практической конференции 21–22 ноября 2006 г. Ставрополь: «Вестник Кавказа», 2007. С. 27–28.
2. О разрешении производства раскопок учителю Ново-Павловского училища С.Ф. Бельскому // НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 181, 1897. Л. 8–10.
3. О раскопках В.Н. Глазова в Пятигорском отд. Терской области и Устюжском у. Вологодской губ. // НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 79, 1911. Л. 33–34.
4. Козенкова В.И. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. Свод археологических источников. Вып. В2-5. М.: ИА РАН, 1998. С. 100.
5. Там же. С. 191–193, табл. XXXV–XXXVII.
6. Там же. С. 189, табл. XXXIII, 6, 7.

Yu. A. PROKOPENKO

RESEARCH OTHER MOUNDS AND ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS IN THE SOUTHERN DISTRICT OF STAVROPOL IN LATE XIX – EARLY XX CENTURY

The article is devoted to the little-known episode in the history of archaeological research in Stavropol participate in the late XIX – early XX century. In the study of ancient monuments on the territory of the region of Caucasian Mineral Waters (and surrounding areas) local local historians and amateur archaeologists teacher Novo and Paul School, S.F. Belsky, amateur archaeologist V.N. Glazov, officers – Lieutenant W.R. Apukhtin, Captain T.E. Oryel and Stavropol peasants. As a result of excavations it identified a number of monuments - mounds and ground burials of the Bronze Age, Early Iron Age, the Middle Ages.

Keywords: non-professional archaeologists, mounds, catacombs, a step input into the chamber, dirt grave, stone statue, burial grounds.

УДК 902(470.65)

М.А. Бакушев
(г. Ростов-на Дону)

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ У ЭЛЬХОТОВСКИХ ВОРОТ: ЗМЕЙСКИЙ МОГИЛЬНИК

Статья посвящена публикации погребений Змейского могильника кобанской культуры, исследованного в 2013–2014 гг. Приводится описание комплексов и хронологический анализ инвентаря, в результате чего делается вывод о двух одновременных группах погребений, датирующихся соответственно X–VII и VI–V вв. до н.э. В статье приводится краткий сравнительный анализ трансформации погребального обряда и инвентаря двух хронологических групп.

Ключевые слова: кобанская культура, погребальный памятник, могильник, Эльхотовские ворота, корчаги, скорченное погребение.

В 2013–2014 гг. в ходе работ на Змейском катакомбном могильнике помимо грунтовых и катакомбных погребений X–XIII вв. н.э., а также раннесредневековых погребений VI–VII вв. н.э.¹, были исследованы захоронения, хронологически относящиеся к I тыс. до н.э., а культурно – к кобанской археологической культуре. Их количество относительно невелико: из более чем 700 исследованных грунтовых погребений к данному периоду относится 18, из которых три являются парными. Еще одно погребение (№ 157 на Раскопе III) отнесено к этой группе условно, на основании анализа трупоположения, так как являлось безынвентарным и нет никаких данных, позволяющих точно датировать его (рис. 17). Предварительное сообщение и анализ материала погребений кобанского времени было опубликовано в 2014 году², однако ввиду краткости сообщения и новых данных, полученных за последующий период, встала необходимость более развернутой и полной публикации памятника и ведении в научный оборот ранее неизвестных материалов. Из пяти разбитых раскопов в 2013 и 2014 гг., погребения кобанского времени были зафиксированы лишь на двух — Раскопах I и III (рис. 2), что дает основание определить западную, северную и восточную границы могильника и его длину с запада на восток в пределах 350 м. Пока сложно говорить о южной границе, однако, как представляется, она находится под сооружениями старого кирпичного завода, так как к югу от корпусов завода в начале и конце 1950-х гг проводились широкие археологические работы по исследованию средневековых катакомб под руководством С.С. Куссаевой и В.А. Кузнецова и погребений кобанской культуры ими зафиксировано не было. Юго-восточная часть могильника могла быть уничтожена при строительстве нового кирпичного завода, который примыкает с севера к холму — Змейскому поселению кобанской культуры, исследованному Д.В. Деопик³. Всего в пределах Раскопа I было исследовано 2 погребения, относящиеся к кобанской культуре, а на Раскопе III — 17 (с погр. № 157) и две каменные вымостки, возможно являвшиеся ритуальными площадками (рис. 2).

Р. I. Погр. 286⁴. Могильной ямы не зафиксировано (рис. 3, I). Кости мужчины старше 35 лет⁵ лежали не в анатомической последовательности в разных частях погребения, на различной глубине. Все кости найдены не в сочленении и часть из них во фрагментах. У эпифиза берцовой кости было найден фрагмент бронзового серпа (рис. 3, I, 1). Рядом с обломками ребер две дисковидные сердоликовые бусины, и одна гагатовая продолговатой формы (рис. 3, II, 2–4).

Р. I. Погр. 343. Новорожденный. Границы могильной ямы аморфных очертаний и, скорее всего, являются не изначальными, а трансформированными вследствие эрозионных процессов (рис. 4, I–III). Погребение было разрушено. Было обнаружено несколько ребер новорожденного ребенка, несколько позвонков, плечевая и тазовая кости, фаланги пальцев рук, фрагменты нижней челюсти. Все кости лежали не в сочленении и не в анатомическом порядке. На тазовой кости лежала круглая плоская подвеска из белой раковины моллюска со сквозным отверстием (рис. 4, IV, 1). В 35 см к юго-востоку от обломков челюсти ребенка лежала на боку керамическая корчага (рис. 4, IV, 3). В 40 см к востоку от тазовой кости ребенка был обнаружен серо-глиняный керамический сосуд, расположенный вверх дном. Сосуд имеет форму кружки с ручкой и носиком слива. Тулово раздуто снизу и украшено тремя рядами косых прочерченных линий (рис. 4, IV, 2).

Р. III. Погр. 3. Мужчину старше 55 уложили скорченно на левый бок, головой на восток (рис. 5, I). Череп лежал на левом боку. Кости рук были согнуты в локтях и соединены так, чтобы кисти рук находились перед лицевыми костями. Кости ног сильно согнуты в коленях: правая стопа лежала на левой берцовой кости.

В районе шейных позвонков были найдены две половины пастовой бусины (рис. 5, II). Рядом с коленными сочленениями стоял большой сосуд – корчага с узким горлом и раздутым туловом (рис. 5, VI). На горловине сосуда лежал на боку сосуд по форме кувшина с биконическим туловом и овальной в сечении вертикальной ручкой (рис. 5, III).

В 19 см к востоку от крупного сосуда стояла плошка (рис. 5, V), а в 15 см к югу от локтевого сгиба левой руки лежала большая миска со слегка загнутым внутрь венчиком (рис. 5, IV). По краю миски с наружной стороны идет орнамент из чередующихся заштрихованных треугольников вокруг которых расположены большие треугольники. К югу от кистей рук, практически вплотную к ним лежали кости копытного животного (ребра, трубчатые кости).

Р. III. Погр. 4. Мужчина 35–55 лет. *In situ* лежала бедренная кость, голень и часть ступни правой ноги (рис. 6, I). От левой сохранился фрагмент бедренной кости и голень. Судя по расположению сохранившихся костей, погребенный лежал скорченно на правом боку головой на СВ или В.

В 14 см к СЗ от правой бедренной кости стоял коричневоглиняный сосуд типа корчаги (рис. 6, II).

Р. III. Погр. 11. Женщину 35–45 лет уложили скорченно на правый бок, головой на юго-восток (рис. 7). Череп лежал на правом боку. Руки были согнуты в локтях и сложены друг на друга, так что кисти находились перед лицевыми костями. Ноги сильно подогнуты: стопы лежат друг на друге, практически рядом с тазом.

Слева у челюсти обнаружено бронзовое витое в полтора оборота височное кольцо (рис. 8,14,15). Изготовленное из тонкого бронзового листа; второе найдено при снятии черепа. На запястьях обнаружены бронзовые браслеты с волютами на концах и ребром по внешнему краю (рис. 8,12,13). Вдоль костей позвоночника находились большие и малые накосники (4 шт.) с волютами на концах (рис. 8,3). В районе черепа, шейных позвонков находился пастовый бисер голубого и белого цвета а так же 7 раковин каури, которые составляли единую связку бус с чередованием шести бусин голубого цвета и одной белой (рис. 8,5). В нижней части вместо белой бусины для разделения голубого бисера использовались раковины каури. Здесь же найдены 49 сердоликовых бусины, составлявшие связку (рис. 8,11). Между реберными костями и тазовыми был обнаружен бронзовый пояс (рис. 8,9), состоящий из 8 витых спиралей, нашивающихся рядами и бронзовой зооморфной пряжки с пластиной в которой были проделаны четыре сквозных отверстия, а с противоположной стороны располагался крючок снизу, от которого вверх отходит изогнутая, круглая в сечении проволока с «ушками» – зооморфное изображение. Рядом с поясом, а так же вдоль позвоночника, в районе грудной клетки найдены бронзовые круглые бляшки – нашивки на одежду (рис. 8,1, 4). Также в районе груди были найдены крестообразные бляшки с загнутыми в одну сторону лопастями и отверстием в центре – пуговицы (рис. 8,2). Некоторых из них внутри содержали остатки черного вещества, возможно дерева. В 10 см к северо-востоку от локтевых костей лежала изогнутая бронзовая игла с ушком (рис. 8,6). В 15 см к северо-западу от локтевых костей найден клык кабана (рис. 8,7) и зуб (рис. 8,8), также возможно кабаньих, и керамическое коричневое пряслице (рис. 8,10). Оно биконическое с выемкой в нижней части и орнаментацией внизу в виде насечек, расходящихся от центра. В центре – сквозное отверстие.

Рядом с кистями рук (к востоку от них) стоял сосуд-корчага с раздутым туловом в центральной части и плавно отогнутой наружу горловиной (венчик не сохранился) (рис. 8,16).

Р. III. Погр. 12. Подросток. Возможно мужчина. Погребение парное (рис. 9,1). Составляет единовременное захоронение с погребением 13. Покойного уложили скорченно на левый бок, головой на юго-восток. Череп лежал на левом боку, нижней челюстью упираясь в грудные кости. Кости ног сильно подогнуты: стопы лежат друг на друге, практически рядом с тазом. Кости левой руки согнуты в локте, кисть была прижата к груди. Правой – согнуты в локте; лучевые кости и кисть находились внутри сосуда который стоял в 5 см к западу от черепа погребенного (рис. 9,II,5). Сосуд представлял собой светло-коричневоглиняную корчагу с раздутым туловом и отогнутой наружу венчиком. край венчика утоньшен. По тулову проходит орнамент в виде ряда вертикальных врезных линий. На грудной клетке лежал кусок мелового камня неправильной формы (рис. 9,II,3). В 8 см к западу от корчаги и под коленными сочленениями скелета стояла коричневоглиняная кружка с нижним основанием вертикальной, овальной в сечении ручки (рис. 9,II,2). По тулову проходит орнамент в виде вертикальных рядов широких врезных полос. Также как элементы декора следует рассматривать две шишечки в верхней части тулова и с передней (напротив ручки) стороны вертикальный наклепной высокий валик – гре-

бень. На горшочке лежал четырехгранный костяной втульчатый наконечник стрелы длиной 3,7 см (рис. 9,II,4).

Р. III. Погр. 13. Скелет подростка лежал на левом боку с подогнутыми костями рук и ног, шея была вывернута так, что череп оказался развернутым затылочной частью вверх (рис. 9,I). Кости ног были согнуты в коленях. Кости рук были согнуты в локтях, кисти лежали перед лицом. На погребенном в районе грудной и костей правой руки клетки лежал горшочек – коричневоглиняный с пятнами темно-серого цвета (рис. 9,II,1). Тулово орнаментировано рядом вертикальных врезных линий. К венчику и месту наибольшего расширения тулова крепится овальная в сечении с канавкой на спинке вертикальная ручка.

Р. III. Погр. 15. Могильная яма подпрямоугольной в плане формы (рис. 10,I–III). У южной стенки могильной ямы была обнаружена крупная корчага (рис. 10,IV,3). В 15 см к СВ от него лежали еще два сосуда с овальными в сечении ручками, округлым туловом и дном (рис. 10,IV,1,2). Сосуды имеют отогнутый наружу венчик, к которому крепится верхняя часть ручки. Один из сосудов имеет орнаментацию в виде сдвоенных шишечек на тулове. В 20–40 см к северу от крупного сосуда на разной глубине были найдены фрагменты костей рук ребенка. В северо-западной части могилы найден бронзовый наконечник стрелы типа плошка (рис. 10,IV,4).

Р. III. Погр. 35. Ребенок 7–12 лет был положен на левый бок, головой на юго-восток (рис. 11,I). Череп раздавлен, он лежит на левой сторону глазницами на юго-запад. Часть позвонков, кости рук и таза оказались перемещенными в результате деятельности грызунов. Кости левой руки, по всей видимости, были вытянуты вдоль костей туловища. Ноги были согнуты в коленных сочленениях и соединены в районе берцовых костей. В 10 см к ЮЗ от черепа стоял сероглиняный сосуд с шишечками на тулове (рис. 11,II,3). В 10 см к северу от сосуда стояла сероглиняная с коричневыми пятнами кружка (рис. 11,II,2). В 20 см к СВ от кружки стоял еще один коричневоглиняный маленький сосудик, горшочек (рис. 11,II,1). На тулове орнаментация в виде врезной линии на плечиках от которой отходят врезные косые линии разной длины.

Р. III. Погр. 36. Скелет отсутствовал, сохранился только фрагмент челюсти и бедренная кость подростка 13–15 лет (рис. 12,I). Рядом с костью стоял серо-коричневоглиняный сосуд-корчага (рис. 12,II,2). К СВ от него найдена лежащая вверх дном темно-коричневоглиняная кружка (рис. 12,II,1).

Р. III. Погр. 50. Взрослого человека уложили скорченно на левом боку, головой на северо-восток (рис. 13,I). Череп вместе с шейными позвонками вытянуты вперед, в южном направлении. Кости рук согнуты, кисти рук были сложены перед лицом. Ноги согнуты в коленных сочленениях и соединены друг с другом в районе стоп. Рядом с кистями рук стоял небольшой темно-коричневоглиняный сосуд с округлым туловом и плоским дном (рис. 13,II,1). Нижняя часть тулова орнаментирована вертикальными врезными линиями. В 10 см от кистей рук скелета находился большой темно-сероглиняный сосуд-корчага (рис. 13,II,3), на котором стоял коричневоглиняный кувшинчик (рис. 13,II,2). На тулове орнаментация в виде врезных вертикальных линий. В месте наибольшего расширения тулова и к венчику крепилась овальная в сечении ручка. Под нижней челюстью погребенного, у шейных позвонков были найдены бронзовые пронизи-спи-

ральки, диаметром около 5 мм. Они имели очень плохую сохранность и не реконструируются.

Р. III. Погр. 59. Мужчина 35–45 лет. От скелета сохранились лишь кости ног, фрагменты таза и фрагменты черепа (рис. 14, I). Кости ног были согнуты в коленных сочленениях и лежали одна на другой. Судя по их положению погребенный был положен на левый бок в слабоскорченном положении черепом на северо-восток. В 30 см к СВ от костей ног в анатомическом порядке располагалась бедренная кость правой ноги, фрагменты таза и черепа. В 10 см к северо-востоку от пяточных костей стояла небольшая коричневоглиняная чашечка на высокой полой глухой ножке с плоским дном (рис. 14, II, 9). В полой ножке – пять камешков (кусочков глины-?), которые при тряске издают шум. В 20 см к югу от фрагмента черепа была найдена коричневоглиняная кружка с биконическим туловом (рис. 14, II, 6). У коленных сочленений, в 10 см к востоку от них было найдено коническое коричневоглиняное пряслице (рис. 14, II, 8).

Р. III. Погр. 60, 61. Погребения располагались в 20 см от погребения 59 на одном с ним уровне (рис. 14, I). Погребения 60, 61 парные, единовременные. Погребение 60 принадлежит взрослому мужчине. Покойный был положен головой на северо-восток на правый бок. Туловище вытянуто, кости ног сильно согнуты в коленных сочленениях. Кости правой руки согнуты в локте, рука поднята и кисть располагалась на уровне лицевых костей скелета погр. 61. Кости левой руки были сильно согнуты в локте и кисть располагалась под черепом погребенного мужчины.

Погребение 61 принадлежит взрослой женщине. Её кости находились под костями скелета погребения 60. Череп лежал лицевыми костями вниз, на затылке находились кости правой руки верхнего скелета. Кости рук согнуты в локтевых сочленениях и разведены в стороны. Кисти не сохранились, однако, судя по положению рук они должны были находиться на верхнем скелете. Кости правой ноги сильно согнуты так, что пяточные кости оказались под костями таза. Кости левой ноги согнуты меньше. Кости стопы левой ноги находятся на костях правой ноги. Примечательно, что левая бедренная кость расположена между берцовыми костями верхнего скелета.

У локтевого сочленения левой руки скелета погребения 61 располагался коричневоглиняный кувшинчик (рис. 14, I, 12). В 20 см к востоку от этого сосуда и левого локтевого сочленения погребения 61 была найдена коричневоглиняная миска (рис. 14, II, 7). В 40 см к востоку от первого сосуда располагалась небольшая светло-коричневоглиняная мисочка (рис. 14, II, 11). Рядом с небольшой мисочкой располагался коричневоглиняный с серыми пятнами кувшинчик с широким биконическим туловом на плоском дне и круглой в сечении ручкой (рис. 14, II, 14). У локтевого сочленения левой руки верхнего мужского скелета был найден оселок, изготовленный из окатанной длинной гальки (рис. 14, II, 4). За черепами двух погребенных, в 10 см к северу, а также у северо-восточного бортика найденной здесь большой миски были обнаружены железные предметы (рис. 14, II, 1–3, 13). Они представляли собой железные пластины, видимо ножи, с сохранившейся длиной 12 и 19 см и шириной около 3 см. Также среди костей был найден небольшой отщеп коричневого кремня (рис. 14, II, 10).

Р. III. Погр. 62. Погребение находилось в южном конце дромоса катакомбы 10 и было прорезано им (рис. 14, I). Это погребение было распо-

ложено несколько ниже погребений 59–61. Погребенный был положен ничком, головой на запад, лицевыми костями вниз. Позвоночник, видимо, был несколько изогнут вправо. Ноги согнуты в коленных сочленениях. Стопы сохранились частично (отсутствуют фаланги пальцев, плюсневые кости). Кости левой руки согнуты в локтевом сочленении и заведены за спину – были зафиксированы над костями ребер.

Р. III. Погр. 69. Мужчину 45–55 лет уложили на спину (рис. 15, I), ноги были согнуты в коленных сочленениях и завалены на правую сторону, скелет лежал головой на юго-запад. Череп отсутствовал. Кости правой руки вытянуты, кисть была уложена на правую бедренную кость. Кости левой руки отсутствуют, за исключением фаланг пальцев, которые были найдены у предплечья правой руки. Кости ног согнуты в коленях, нижняя часть сильно фрагментирована (истлела).

Около кисти правой руки найден кувшинчик светло-коричневого цвета с биконическим туловом (рис. 15, II, 2). В 15 см к северо-западу от таза лежал фрагмент железного ножа с изогнутой спинкой (рис. 15, II, 1).

Р. III. Погр. 118. Мужчину 45–55 лет (?) уложили скорченно на правый бок, головой на северо-восток (рис. 16, I). Погребение потревожено: череп, кости грудной клетки отсутствовали. Остались только кости рук (смещены). Кости ног сильно согнуты в коленях: левая лежала на правой. Стопы соединены.

К югу от не сохранившегося черепа (изначально перед лицом) стояла большая глиняная серолощенная миска с прямым бортиком (рис. 16, II, 1). На ее северном краю лежала кружка с биконическим туловом (рис. 16, II, 2).

Р. III. Погр. 157. Могильная яма подпрямоугольной в плане формы (рис. 17). Стенки слегка сужались к низу. Мужчину 35–45 лет уложили скорченно на левый бок с наклоном ничком, головой на юго-юго-восток. Череп лежал на левом боку глазницами на юго-запад. Кости рук согнуты и кисти были уложены перед грудными костями. Кости ног сильно согнуты и были обе поджаты коленями к костям туловища, а стопами и пяточными костями к тазу. Так как погребение безынвентарное, то нет уверенности, что данное погребение относится к кобанской культуре.

Р. III. Погр. 178. Женщина 20–35 лет. Вероятно, вместе с погребением 179 оно составляет единый комплекс и является парным (рис. 18, I). Погребения значительно повреждены хозяйственной ямой 162. От погребенной остались: череп, часть позвоночника до грудины, левая лопатка. Череп располагался вполборота вправо, глазницами на восток. Судя по положению этих костей женщина была похоронена головой на юго-восток с незначительным поворотом на правый бок.

Череп был прижат к темно-серому сосуду биконической формы с круглой в сечении вертикальной ручкой (рис. 18, II, 1).

Р. III. Погр. 179. У скелета отсутствуют: кости ног, правое крыло таза, нижняя часть ребер правой стороны грудной клетки, лучевые и часть плечевой кости правой руки (рис. 18, I). Мужчина 45–55 лет был положен на спину с незначительным поворотом на правый бок. Череп лежал вполборота вправо, к погребению 178 и глазницами на северо-восток. Кости правой руки были согнуты в локте и по всей видимости лучевые кости располагались в нижней части грудной клетки поперек поясничного отдела позвоночника. Кисть при этом должна была располагаться перед туловищем.

Под грудной клеткой был обнаружен фрагмент гагатовой бусины диаметром 6 мм (рис. 18, II, 2).

Р. III. Погр. 183. Мужчину 35–45 лет уложили на правый бок, головой на юг с незначительным отклонением к востоку (рис. 19, I). Череп лежал на правом боку, прижатый нижней челюстью к ключице, глазами на северо-восток. Правая рука была слегка согнута и кисть располагалась у бедренной кости правой ноги, кости левой руки согнуты; кисть лежала рядом с локтевым сгибом правой руки. Ноги сильно подогнуты: стопы лежат друг на друге, пяточные кости в 15 см к северу от тазовых костей. У лучевых костей правой руки и правой бедренной кости, в 7 см к востоку от них стоял коричневоглиняный сосуд-корчага (рис. 19, II, 7). У кисти левой руки, вдоль лучевых костей у запястья левой руки, вдоль берцовых костей ног были найдены четыре втульчатых трехлопастных наконечника стрел из оловянистой бронзы (рис. 19, II, 2, 4–6). Между лучевыми костями правой руки и тазом была найдена ворворка также из оловянистой бронзы (рис. 19, II, 1). У костей поясничного отдела позвоночника и крестца лежал железный нож с кривой спинкой (рис. 19, II, 3).

Р. III. Объект 1 представляет собой каменный наброс толщиной в один ряд, состоящий из мелких и средних по размеру необработанных камней и речной гальки (рис. 20, I, II). Размеры этого скопления камней 93x88 см (мах). Наброс имел понижение с юга на север порядка 5–7 см, что, по всей видимости, связано с покатостью древнего склона. Вперемешку с камнями были найдены кости животных и фрагменты керамики кобанского времени. Среди фрагментов надо отметить развал придонной части темно-коричневоглиняного лепного сосуда с плавно отходящими от дна стенками (рис. 20, III). Остальные фрагменты представляют собой невыразительные части коричневоглиняных лепных сосудов. Южнее каменного наброса располагается зона подпрямоугольного прокала толщиной 5 см. Она вытянута длинной осью по линии СВВ-ЮЗЗ и имеет размеры 112x35 см. На прокале найдены отдельные керамические невыразительные фрагменты, происходящие из культурного слоя и несколько костей животных.

Р. III. Объект 2 представляет собой каменный наброс, выкладку, толщиной в один камень, состоящую из мелких и средних по размеру речных окатанных камней (рис. 20, IV, V). Размеры – 95x45 см. Выкладка располагалась в слое темно-серого суглинка. Вперемешку с камнями были найдены отдельные кости животных. Между камней в южной части выкладки был найден бронзовый браслет, изготовленный из круглой проволоки с утоньшенными несомкнутыми концами (рис. 20, VI). С севера к выкладке примыкала поставленная на дно коричневоглиняная кружка с биконическим туловом, высокой горловиной и круглой в сечении ручкой (рис. 20, VII).

Хронологически описанные погребения не однородны. Здесь можно выделить группу более ранних погребений и относящихся к относительно позднему времени. К первой группе, датируемой X–VII вв. до н.э. можно отнести погребения №№ 286 и 343 Раскопа I, и погребения №№ 11, 12, 13, 15, 35, 50 Раскопа III. Несомненно, что в этой группе наиболее показательным является богатое погребение № 11, в котором были найдены основные датирующие предметы. Это бронзовые браслеты с волютами, пуговицы и пластинчатая пряжка, имеющие аналогии в территориально ближайшем могильнике кобанской культуры — Эльхотовском, в котором браслеты и крестообразные пуговицы были найдены вместе с фибулой раннекласси-

ческого периода⁶. На раннюю дату указывает фрагмент бронзового серпа из погребения № 286 Раскопа I. В западном варианте кобанской культуры схожие серпы датируются XII–X вв. до н.э.⁷ Так как погребение № 286 разрушено, и от серпа сохранился лишь фрагмент, то невозможно уточнить эту датировку для Змейского могильника. В то же время находка на Змейском кобанском поселении бронзового серпа⁸, сам факт наличия этого вида орудий труда здесь, косвенно позволяет синхронизировать их. К периоду до VII в. до н.э. относится и погребение № 15 Раскопа III, на основании находки здесь бронзового наконечника — плодика. Кружки со сферическим дном и высокой ручкой над венчиком не противоречат этой дате. К концу раннего периода можно отнести погребения №№ 12 и 13 Раскопа III в связи с находкой костяного четырехгранного наконечника стрелы и кружки со сферическим дном, аналогичной кружки из погребения № 15. Раскопа III. Наиболее вероятно, что погребения №№ 12 и 13 относятся к периоду VIII – начала VII в. до н.э.

Погребенные этой группы ориентированы на юго-восток (№№ 11, 12, 13, 35) и северо-восток (№ 50). Труположение скорченное, со слабо подогнутыми ногами на левом боку. Исключение составляет погребение № 11: здесь женщину положили на правый бок с сильно согнутыми ногами (по всей видимости, голень была прижата к бедру) (рис. 7). Кисти рук во всех случаях располагались у лицевых костей. Из особенностей погребального обряда надо отметить парное захоронение 12 и 13, размещение кисти и лучевых костей правой руки в погребении № 12 внутри корчаги, а также находку белого камня (меловая порода) в районе грудных костей того же погребения. По всей видимости, здесь камень играл роль оберега, очистительного символа; вера в магические свойства белых камней известны у многих народов начиная с эпохи ранней бронзы⁹. Как амулет, вероятно, следует рассматривать и небольшой по размеру клык кабана из погребения № 11.

Вторая, более поздняя группа погребений, относится к VI–V вв. до н.э. Это погребения №№ 3, 4, 36, 59–62, 69, 118, 178, 179, 183 Раскопа III. Аналоги сосудов из погребений №№ 69 и 183 имеются на Нижнедзулатском могильнике, который датируется V в. до н.э.¹⁰ Также в погребении № 183 были найдены втульчатые трехлопастные наконечники стрел из оловянистой бронзы, которые имеют дату в памятниках Нижнего Поволжья в пределах второй половины V в. до н.э. – начала IV в. до н.э.¹¹ Орнаментированная заштрихованными треугольниками миска из погр. 3 указывает на дату не ранее первой половины VI в. до н.э. Этим же временем можно датировать и погребение в целом. Обращает на себя внимание и кувшинчик из парного погребения (№№ 60 и 61), находящийся аналогии в погребении № 3 Комаровского могильника, датирующегося началом VI в. до н.э.¹² В погребении № 59 наиболее показательными предметами является курильница-погремушка и коническое пряслице. Такие пряслица появляются в VI–V вв. до н.э. (например, в Калининском могильнике) и полностью отсутствуют в материалах Змейского кобанского поселения; курильницу-погремушку, также, не следует датировать ранее конца VI – начала V в. до н.э. Здесь же была найдена кружка с высокой сужающейся к венчику горловиной, биконическим туловом, с ребром в придонной части и круглой в сечении ручкой (рис. 14, II, б). Аналогичный тип посуды был найден в по-

гребениях №№ 36, 118, 178 и у объекта № 2, которые также могут быть отнесены к этому времени. В этой группе исчезают сосуды с округлым дном и ручками, возвышающимися над венчиком, в то же время массово появляются кружки с биконическим туловом и высоким горлом.

Ориентировка погребенных во второй группе довольно разнообразна. Это восточное направление (погребение № 3), северо-восточное (погребения №№ 4, 59-62, 118), юго-восточное (погребения №№ 178 и 179), южное с незначительным отклонением к востоку - погребение № 157 – возможно кобанского времени, и № 183. Единственное погребение могильника, ориентированное на запад (№ 62) — безынвентарное, расположенное рядом с погребениями VI–V вв. до н.э. и, возможно, этого же времени. Уникальность его состоит и в том, что человека положили ничком с заведенной за спину рукой. Вероятно, перед нами последствия убийства или преднамеренного захоронения неполноценного члена общества. Труположение части погребенных второй группы, по сравнению с первой, претерпевает определенные изменения. Так, в погребениях 69, 179, 183 захороненные лежат в полоборота на правый бок со слабоподогнутыми ногами. Кости правой руки вытянуты вдоль туловища, а левой (погребение № 183) лежат поперек туловища. Ввиду плохой сохранности нельзя точно определить труположение погребений №№ 59 и 118, однако можно утверждать, что здесь они также были положены в скорченном состоянии. Единственное погребение, где соблюдается традиция труположения предшествующего времени является погребение № 3 — погребенный положен скорченно с кистями рук у лицевых костей. Особенностью погребального обряда этой группы захоронений являются парные погребения №№ 60 и 61, а также №№ 178 и 179. В погребениях №№ 60–61 был встречен кремневый скол, возможно являющийся оберегом — символом огня. Особо стоит отметить расположение наконечников стрел в погребении № 183. Два из них были найдены лежащими параллельно берцовым костям, еще два по обе стороны кисти левой руки. Расположение наконечников не позволяет говорить о колчанном наборе. Нет уверенности и в версии их перемещения вследствие деятельности грызунов — кости скелета не потревожены, а также в том, что человек был убит этими стрелами — острия наконечников направлены от тела, или наконечники лежат параллельно конечностям. Наиболее вероятным является предположение о посыпке стрелами погребенного в момент похорон.

Исследованный могильник имеет более широкий хронологический период бытования по отношению к датировке раскопанного участка Змейского поселения кобанской культуры (X–VIII вв. до н.э.)¹³, что может быть связано с тем, что в 1950-х гг. был исследован наиболее ранний участок поселения. Однако, оно существовало здесь и в более позднее время на что, помимо описанных погребений, указывает разрушенный слой кобанского времени и отдельные хозяйственные ямы, обнаруженные во время работ 2014 г. в пределах Раскопа III¹⁴. Несомненно, что дальнейшие исследования этого выдающегося памятника, позволят пополнить наши представления о развитии кобанской культуры в целом, эволюции хозяйственного уклада и погребальных обрядов Змейского комплекса памятников, а также позволит прояснить этно-культурную ситуацию в I тыс. до н.э. у Эльхотовских ворот.

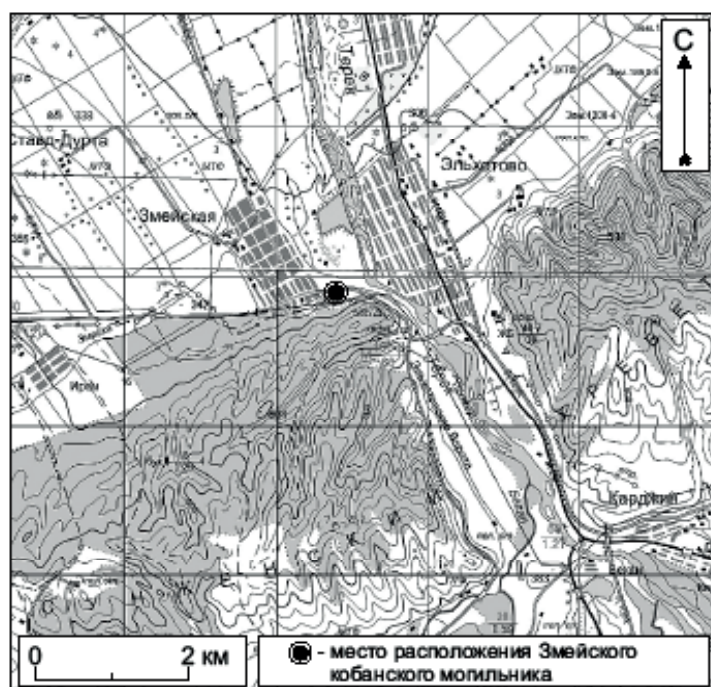

Рис. 1. Карта с обозначением места расположения Змейского кобанского могильника.

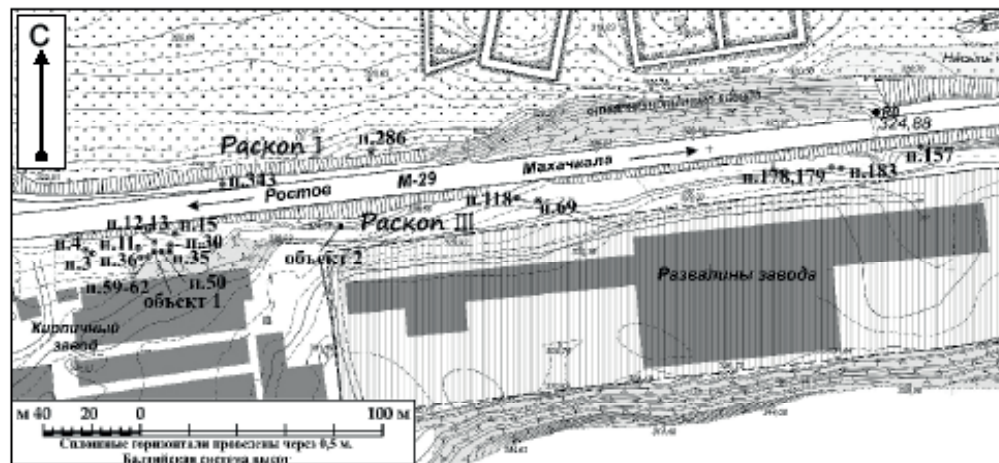

Рис. 2. Топографический план Змейского кобанского могильника с обозначением мест расположения отдельных погребений.

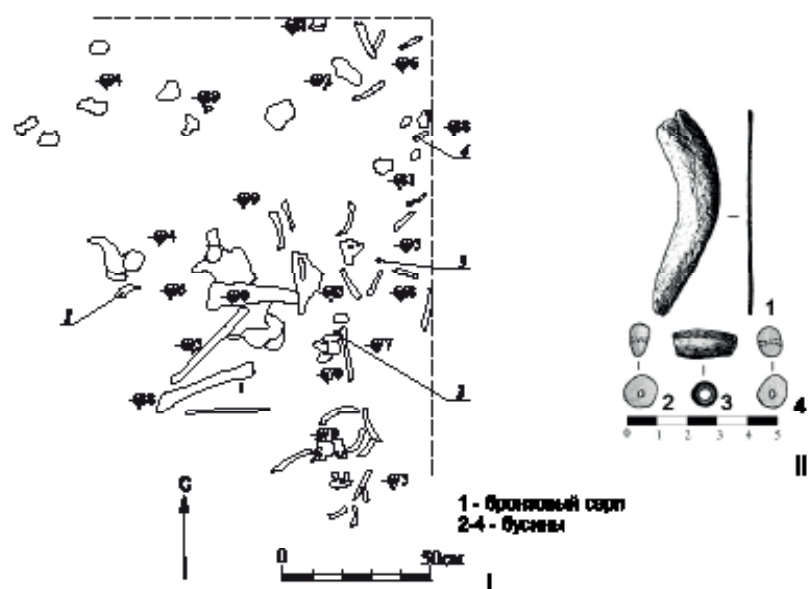

Рис. 3. Раскоп I. Погребение 286. I - план.
II - Находки. 1 - бронзовый серп; 2, 4 - сердолики; 3 - галет.

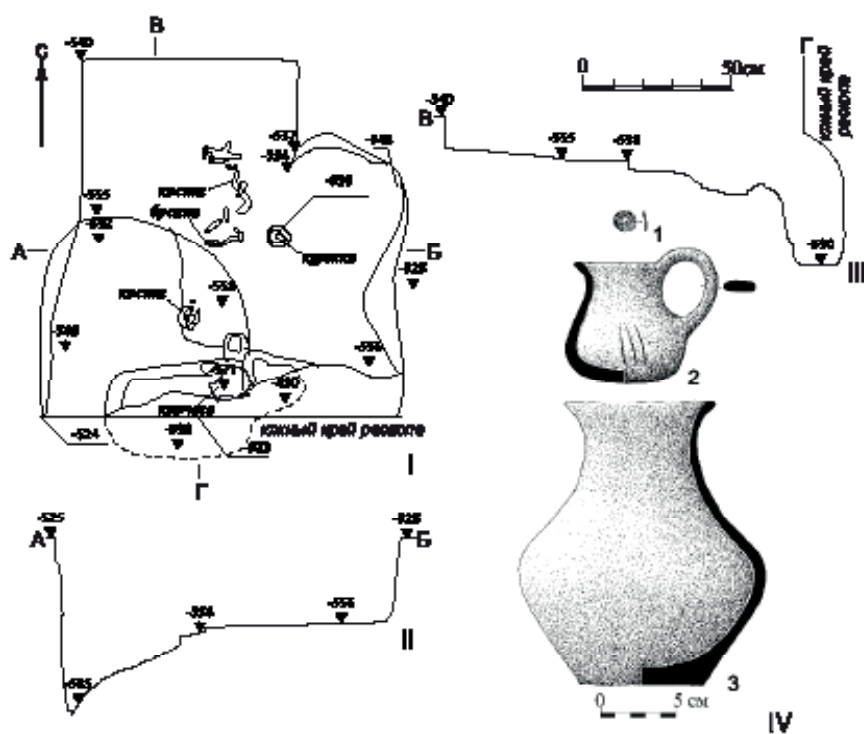

Рис. 4. Раскоп I. Погребение 343. I - план. II - разрез по линии А-Б. III - разрез по линии В-Г.
IV - Находки. 1 - бусина из раковинного моллюска; 2, 3 - керамика.

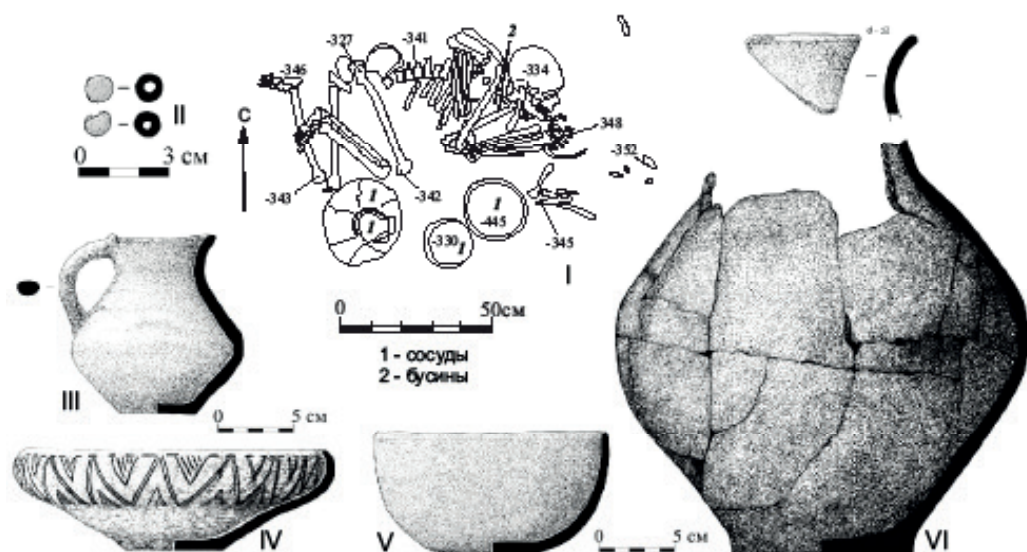

Рис. 5. Разкоп III. Погребение 3. I - план.
II-VI - находки. II - отжженная раковина. III, IV, V, VI - керамика.

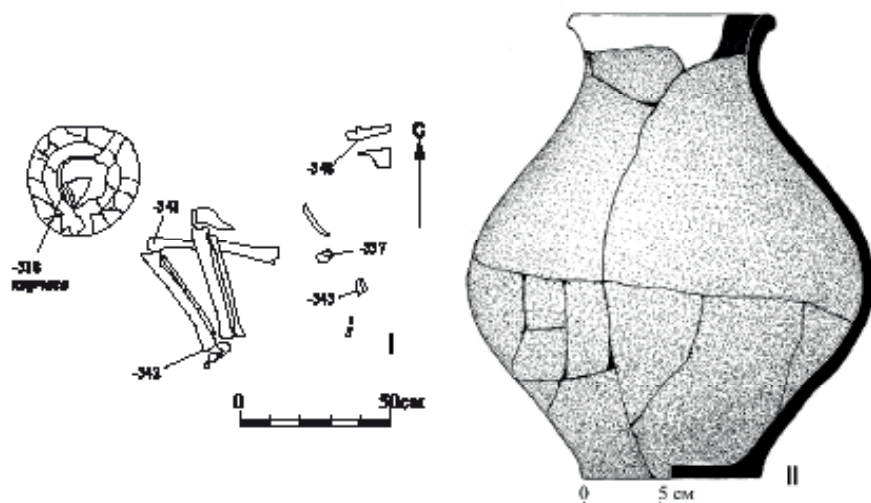

Рис. 6. Разкоп III. I - погребение 4. План. II - находка. Керамика.

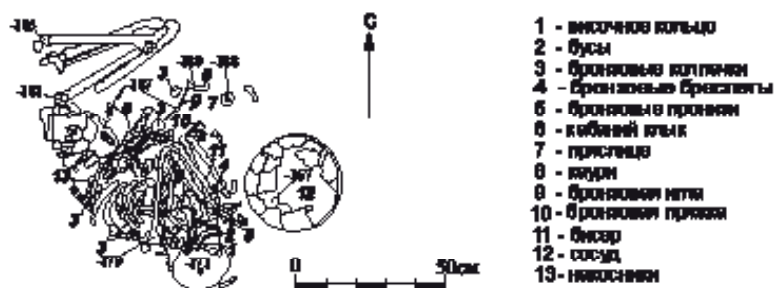

Рис. 7. Разкоп III. Погребение 11. План.

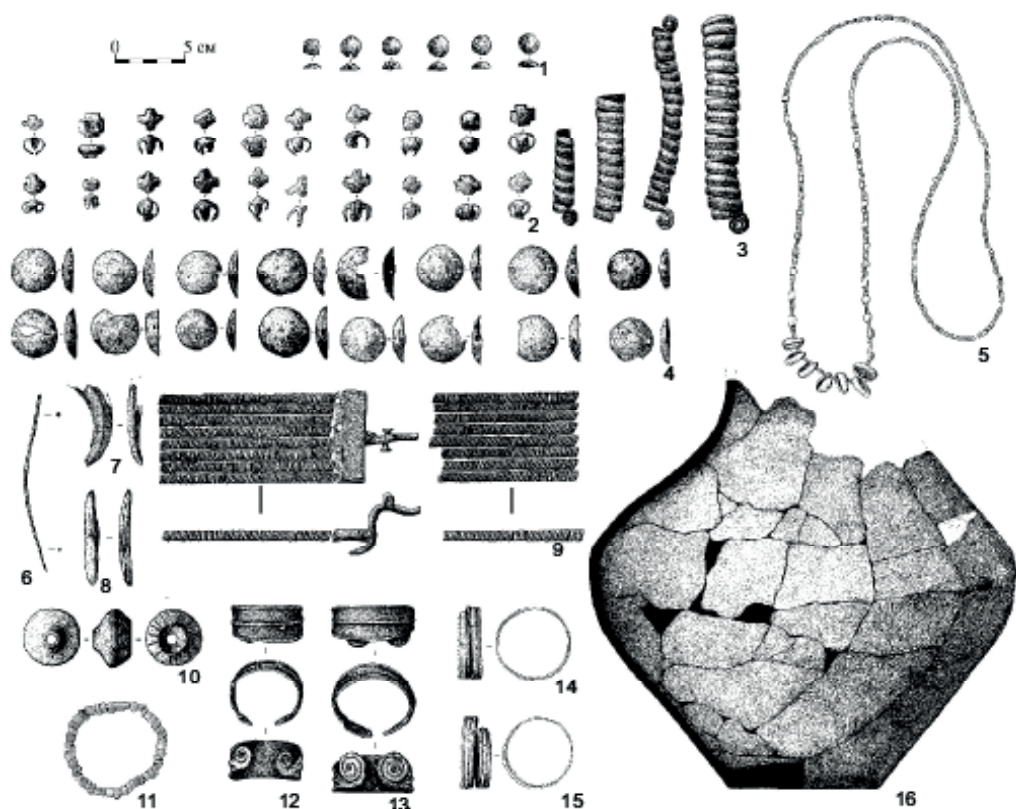

Рис. 8. Разлоп III. Погребение 11. Находки. 1-4, 6, 9, 12-15 - бронза; 5 - стеклянная нитка, кури; 7, 8 - кость; 10, 16 - керамика; 11 - сережки.

Рис. 9. Разлоп III. Погребения 12 и 13. I - план. II - находки. 1 - погр. 13; 2-5 - погр. 12. 1, 2, 5 - керамика; 3 - камень; 4 - кость.

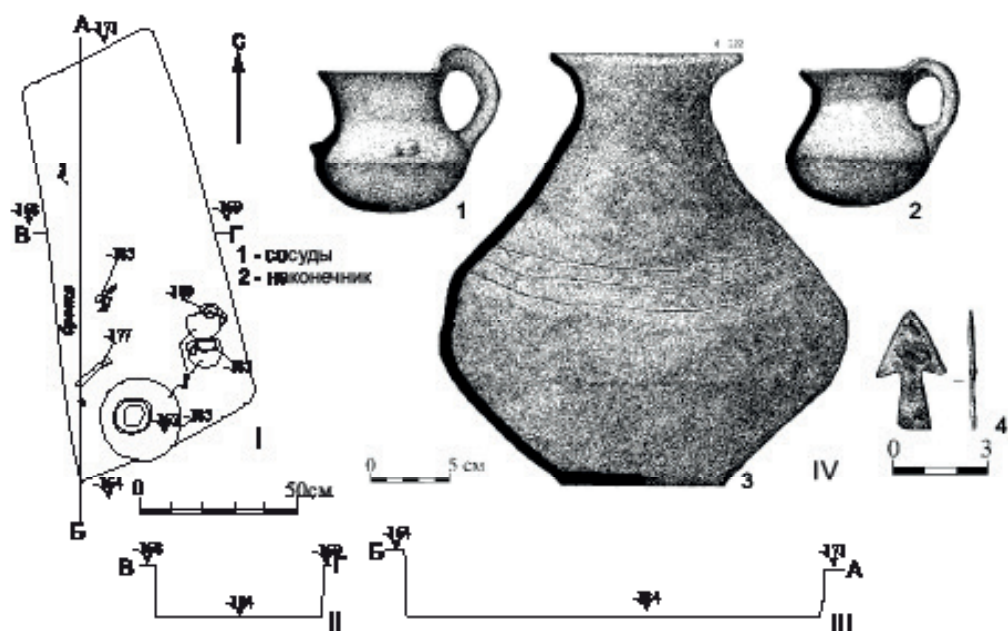

Рис. 10. Раскоп III. Погребение 15. I - план. II - разрез по линии В-Г. III - разрез по линии Б-А. IV - находки. 1-3 - керамика; 4 - бронза.

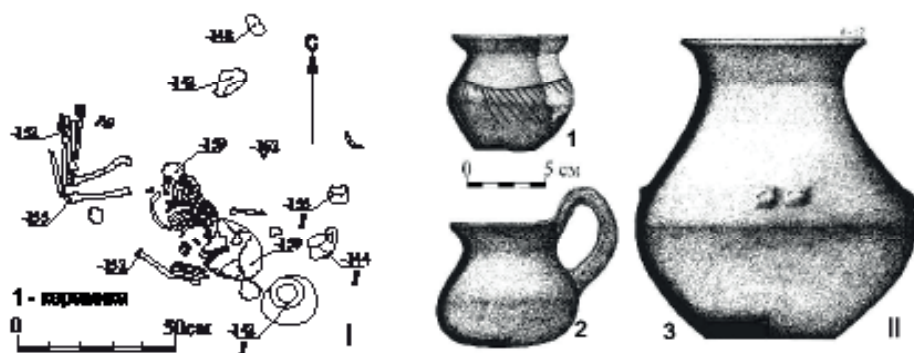

Рис. 11. Раскоп III. Погребение 35. I - план. II - находки. 1-3 - керамика.

Рис. 12. Раскоп III. Погребение 36. I - план. II - находки. 1, 2 - керамика.

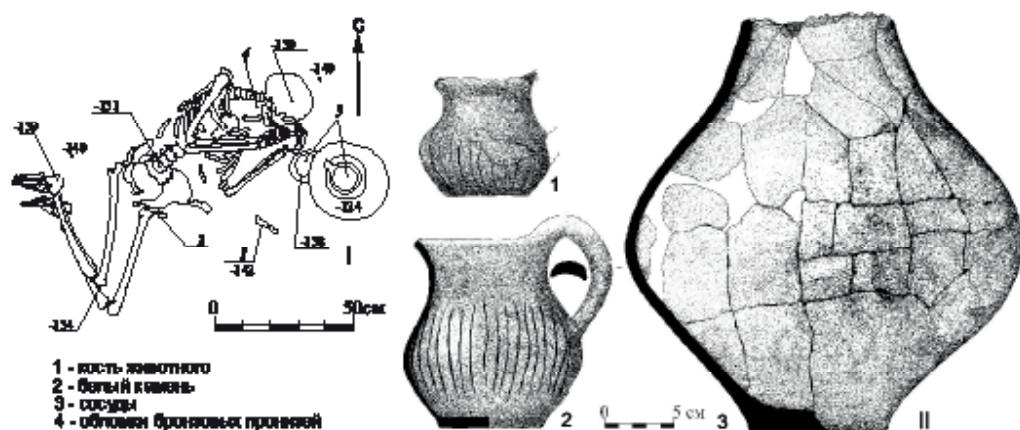

Рис. 13. Раскоп III. Погребение 50. I - план. II - находки. 1-3 - керамика.

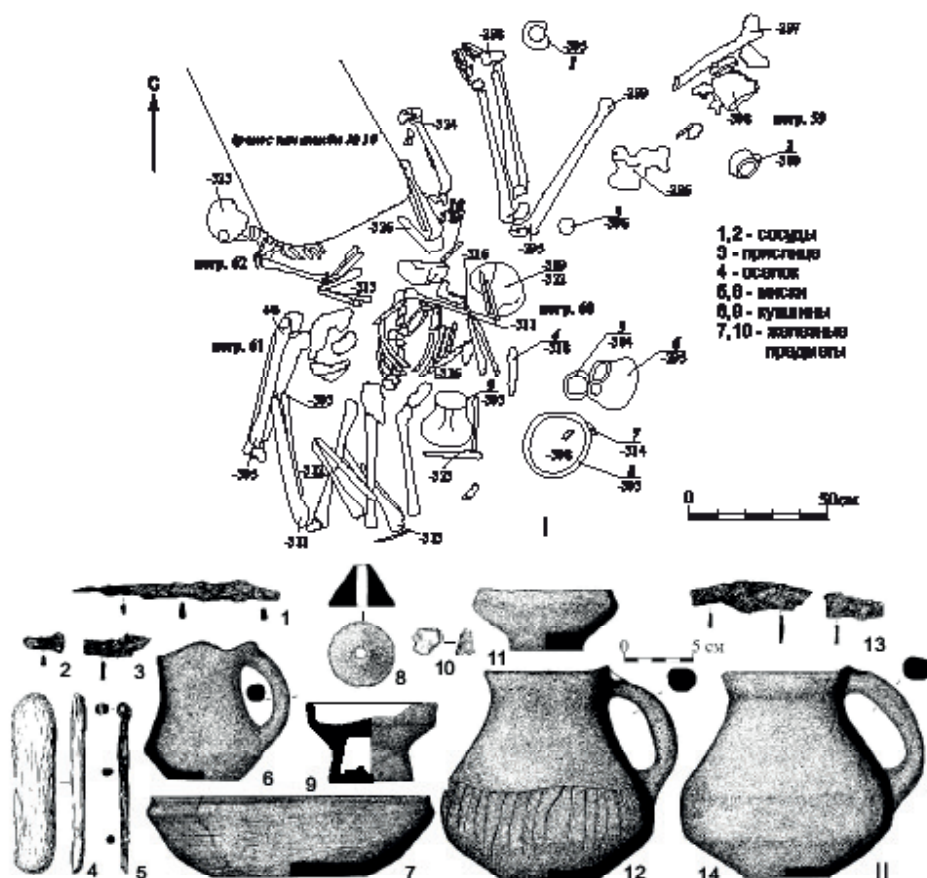

Рис. 14. Раскоп III. Погребения 59-62. I - план. II - находки. 1-5, 7, 10-14 - погр. 60-61; 6, 8, 9 - погр. 59; 1-3, 5, 13 - железо; 4 - камень; 6-9, 11, 12, 14 - керамика; 10 - кремль.

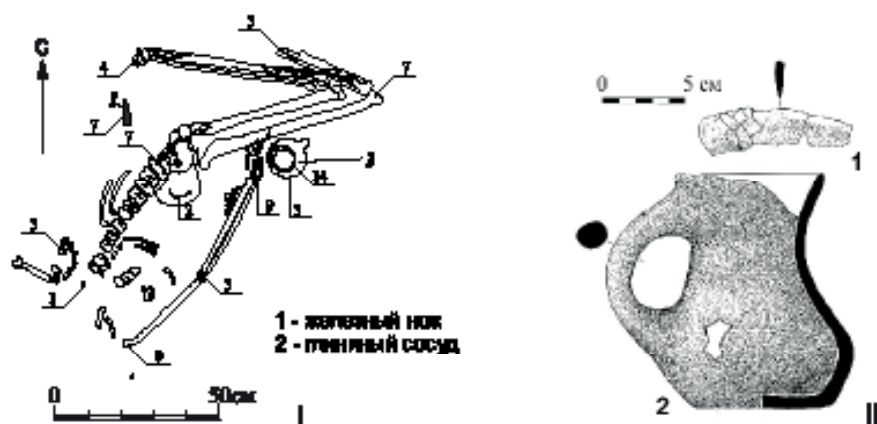

Рис. 15. Раскоп III. Погребение 69. I - план. II - находки. 1 - желтый; 2 - керамика.

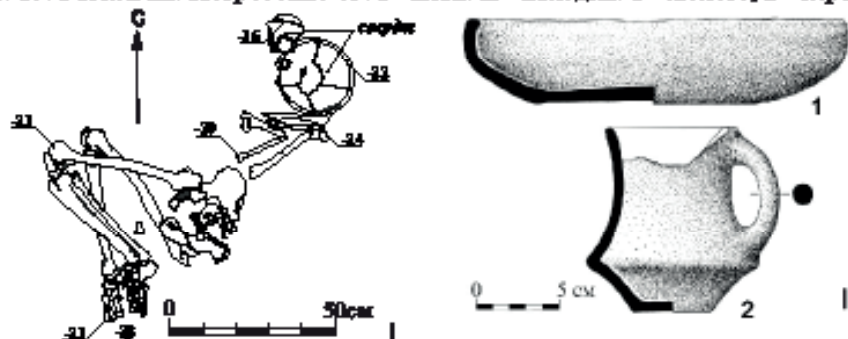

Рис. 16. Раскоп III. Погребение 118. I - план. II - находки. 1, 2 - керамика.

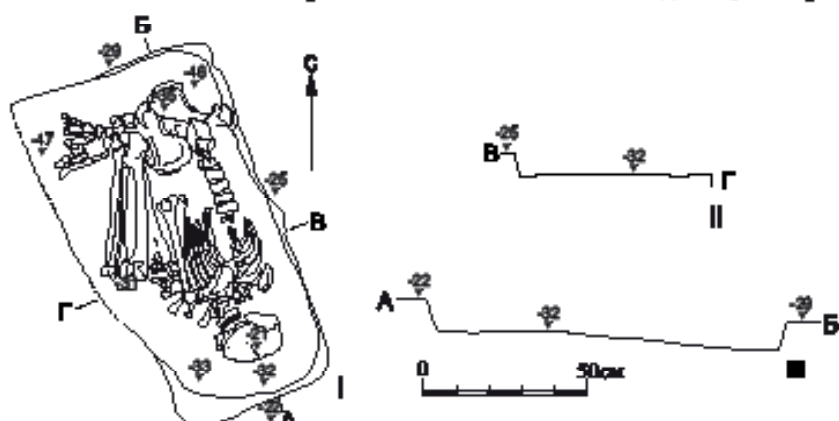

Рис. 17. Раскоп III. Погребение 157. I - план. II - разрез по линии В-Г.
III - разрез по линии А-Б.

Рис. 18. Раскоп III. Погребения 178 и 179. I - план. II - находки. 1 - погр. 178;
2 - погр. 179. 1 - керамика; 2 - галек.

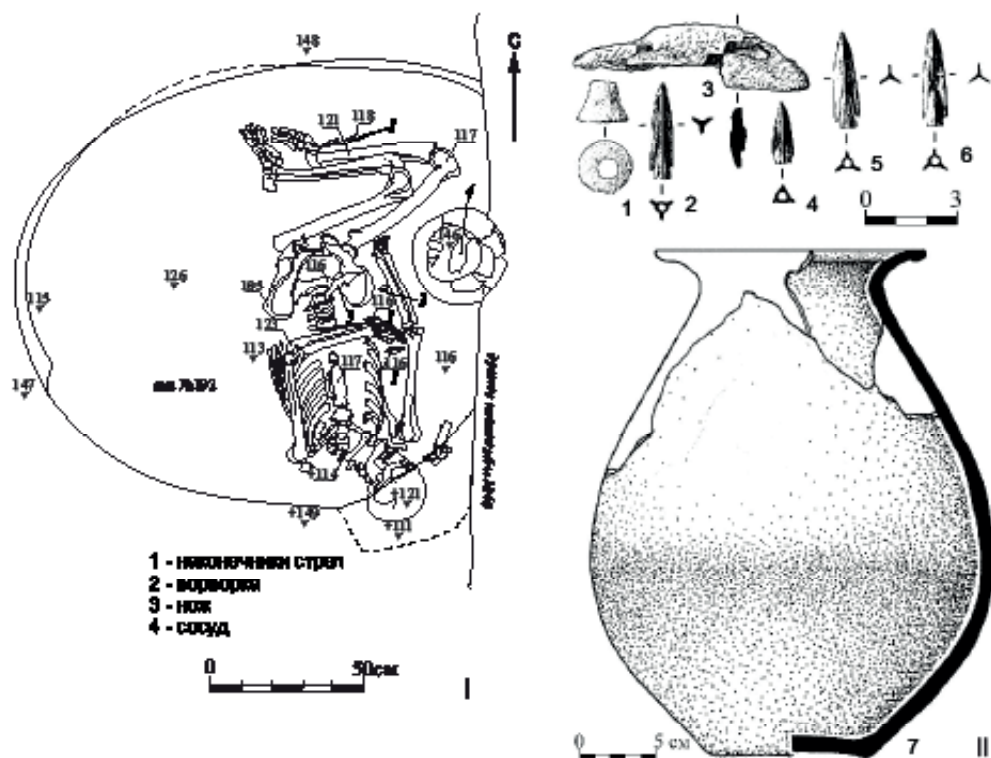

Рис. 19. Разкоп III. Погребение 183. I - план. II - находки.
1, 2, 4-6 - оловянистая бронза; 3 - железо; 7 - керамика.

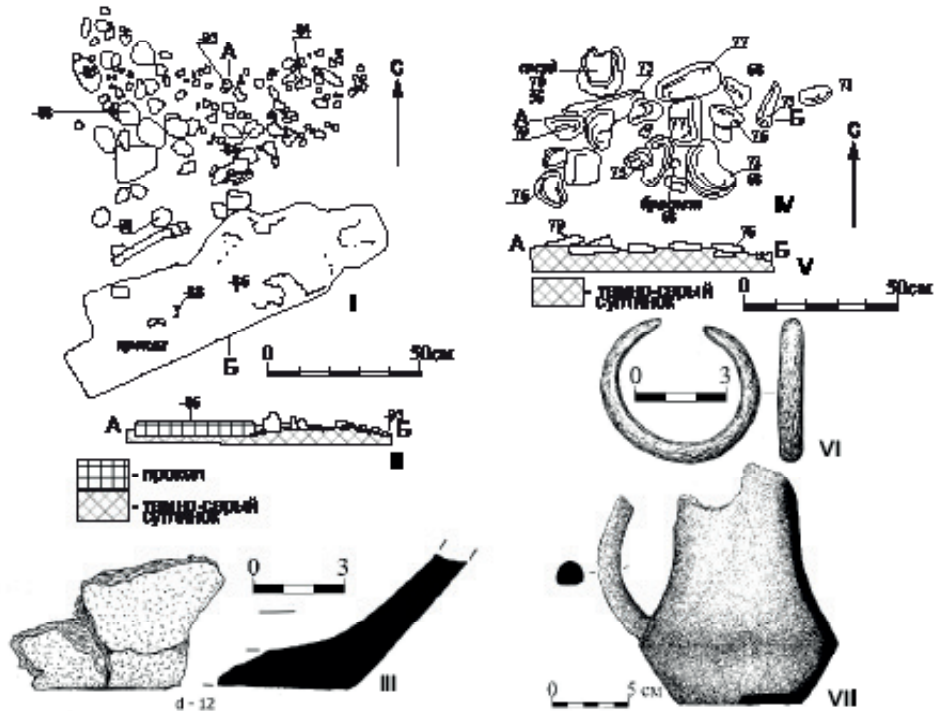

Рис. 20. Разкоп III. Объекты. I - объект 1. План. II - объект 1 - разрез.
III - объект 1. Находка, керамика. IV - объект 2. План. V - объект 2. Разрез.
VI - объект 2. Находка, бронза. VII - объект 2. Находка, керамика.

Примечания

1. Бакушев М.А., Фризен С.Ю. Раннесредневековые погребения у станицы Змейской. // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. Материалы Международной научной конференции (XXIX Крупновские чтения). Грозный, 2016. С. 132–1135.
2. Бакушев М.А., Чечина А.Ю. Змейский могильник кобанской культуры. // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. Материалы Международной научной конференции (XXVIII Крупновские чтения). М. 2014. С. 120–123.
3. Деоник Д.В., Крупнов Е.И. Змейское поселение кобанской культуры // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961. С. 10–14.
4. Номера погребений даются по общей нумерации погребений I и III Раскопов.
5. Здесь и далее, кроме погр. 11 Раскопа III, антропологические определения произведены к.и.н., н.с. ЦФА ИАЭ РАН С.Ю. Фризенным.
6. Чишев В.Т. Эльхотовский могильник-памятник истории Северной Осетии эпохи поздней бронзы (Некоторые материалы раскопок 1996–1998 гг). // Северный Кавказ: историко археологические очерки и заметки (МИАР 3). М., 2001. С. 50.
7. Козенкова В.И. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. САИ Вып. В2-5. М., 1998. С. 19.
8. Деоник Д.В., Крупнов Е.И. Змейское поселение кобанской культуры... С. 27.
9. Смирнов К.Ф. Сарматы-огнепоклонники. // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975. С. 156; Бакушев М.А. Мел в погребальном обряде населения Дагестана албано-сарматского времени. // Древности Кавказа и Ближнего Востока. Махачкала, 2005. С. 144.
10. Абрамова М.П. Погребения скифского времени Центрального Предкавказья // Советская археология № 2. 1974. С. 206. Рис. 6.
11. Очир-Горяева М.А. Наконечники стрел кочевников Нижнего Поволжья // Российская археология. №1. 1996. С. 44–46.
12. Абрамова М.П. Погребения скифского времени... С. 188.
13. Деоник Д.В., Крупнов Е.И. Змейское поселение кобанской культуры... С. 36.
14. Бакушев М.А. Отчет о раскопках Змейского катакомбного могильника в 2014 г. Т. VII. (Раскоп III. Описание исследованных ям). Ростов-на-Дону, 2016. // Архив ИА РАН. № 51010.

М.А. BAKUSHEV

FUNERAL MONUMENT OF THE COBAN CULTURE AT ELKHOTOVSKY GATE: ZMEYSKY BURIAL GROUND

Article is devoted to the publication of burials of the burial ground of the Coban culture investigated in 2013–2014 near Zmeyskaya village. The description of complexes and the chronological analysis of implements the conclusion about two groups of the burials occurring at different times which are dated respectively X–VII and VI–V вв BC is drawn is provided. The short comparative analysis of transformation of a funeral ceremony and two chronological groups is provided in article.

Keywords: the Coban culture, funeral monument, burial ground, gate of Elkhotovo, vessels, the writhed burial.

УДК 904(470)

С.Б. Бурков
(г. Владикавказ)КАТАЛОГ С.И. ХОДЖАШ КАК ИСТОЧНИК
ПО ИЗУЧЕНИЮ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИХ СКАРАБЕЕВ

Статья посвящена анализу каталога С.И. Ходжаш, в котором опубликованы изображения, нанесённые на египетские скарабеи, печати и таблички, а также другие предметы мелкой пластики, хранящиеся в музеях России, Украины, Закавказья и Прибалтики на 1999 г. Дана общая характеристика издания, оценены усилия автора по применению различных методических подходов в описании публикуемых предметов. Основное внимание уделено амулетам, изготовленным из т.н. «египетского» фаянса, которые хранятся в музеях РФ. Приводится перечень тех из них, которые не были учтены С.И. Ходжаш при подготовке рецензируемого издания, с указанием на места хранения и ссылками на литературу, в которой они опубликованы. Сделан вывод о необходимости дальнейшего изучения темы, связанной с выявлением скарабеев и иных фигурных форм из фаянса, найденных как на территории России, так и сопредельных стран.

Ключевые слова: каталог, амулеты, египетский фаянс, музейные фонды, скарабеи, могильники, археологические памятники, подвески, раскопки.

В 1999 г. было опубликовано монографическое издание – каталог С.И. Ходжаш, посвящённое изображениям, нанесённым на египетские скарабеи, печати и таблички, а также другие предметы мелкой пластики¹. В нём представлены 1656 предметов, хранящихся на 1991 г. в 23 музейных собраниях. До сих пор эта книга является одним из наиболее представительных изданий подобного рода в России, посвященных одной из наиболее распространённых форм египетской глиптики. Из 10 разделов данного издания наиболее значимыми являются вводная часть, посвящённая детальному разбору изучаемых автором образов и заключённых в них смыслов (с. 5–27), а также сами изображения (каталог) представляемых предметов, в виде их рисунков и фотографий (с. 51–198). Привлекает внимание и библиографический список (с. 212–216), особенно – издания на иностранных языках. В оглавлении он не указан. Очень важно, что в монографии даны исчерпывающие сведения о местах хранения публикуемых изделий, с их коллекционными номерами, что очень поможет всем последующим исследователям этих предметов. В основу типологии автором положен принцип формы и смыслового содержания иероглифических надписей и рисунков, хотя данный подход С.И. Ходжаш специально нигде не оговаривается. Однако это обстоятельство не помешало ей считать, что в каталог «включены все известные науке виды скарабеев» (с. 26), а также присутствует «строгая классификация скарабеев» (с. 27). Но в приводимых кратких описаниях предметов не даётся других деталей, кроме материала, из которого они изготовлены, а также их цвета. В основной части каталога предметы никак не разделяются по материалу, тогда как амулеты из египетской пасты выделены в отдельную категорию (с. 193–198). В то же время, подобные же предметы в основной части книги представлены совместно с изделиями из камня и других материалов.

Самое основное, на наш взгляд, противоречие, кроется не в полном соответствии содержания и названия книги. В ней представляются не скарабеи как предметы, а лишь изображения, нанесённые на их тыльной стороне, хотя в издании есть и фотографии общего вида амулетов, которые, однако, выполняют лишь вспомогательную функцию (таблицы №№ 1–47). Подобный подход серьёзно ограничивает возможности для применения других принципов типологии (по форме предмета), например – разработанных Е.П. Алексеевой, в том числе, и для такого вида изделий, как скарабеи и скарабеиды из т.н. «египетского фаянса»². В самом тексте рецензируемого труда, помимо скарабеев, представлены скарабеиды, а также амулеты в форме сердца (с. 117, 119, 123), пекторали, футляры для скарабеев, приводятся сведения и о других предметах – печатях, табличках, оттисках. Автором исследуются и отдельные оттиски с печатей. Подобное несоответствие между названием книги и её содержанием дезорганизует читателя. При этом все вышеуказанные формы даются совместно, без разделения по материалу, формам, без учёта их особенного статуса. С.И. Ходжаш предпочитает группировать предметы, исходя из содержания изображений, хотя в некоторых случаях используется и временной принцип: изображения на печатях и скарабеях фараонов и царей, а также надписи с именами и титулами приведены в последовательности смены правящих династий, однако датировки даются в очень больших промежутках (II тыс. до н.э., I тыс. до н.э.). При этом одновременно используется и другой принцип – по отдельным эпохам, принятый для египетских древностей (например – II или I переходный период, «Новое царство», «гиксосское время»). Для амулетов, изготовленных из т.н. «египетского фаянса» в ряде случаев даются более узкие даты, в пределах нескольких веков. Особенно это свойственно для предметов, начиная с VI в. до н.э. и заканчивая I в. н.э. Использование сразу нескольких подходов к датировкам в тексте каталога специально не оговаривается, что создаёт дополнительные сложности при восприятии материала.

Каждый предмет сопровождается указанием на место хранения, номера по каталогу, даётся характеристика материалу, цвету. В том случае, если предмет ранее уже был опубликован – приводятся общие сведения об издании. Для некоторых из них определены возможные аналогии, известные автору по другим, в том числе – иностранным источникам, однако для ряда впервые издаваемых амулетов эти сведения отсутствуют. Цветные фототаблицы некоторых наиболее типичных предметов дают читателю определённую дополнительную информацию о форме и цветовой гамме изделий, однако в ряде случаев неудачное освещение, использованное при съёмке, является определённой помехой для полноценного восприятия изображения. Ряд предметов представлены без определения места их нахождения. Это специально оговаривается в тексте примечаний к публикуемым изделиям. Некоторые из подобных находок сведены в группу по возможному месту их обнаружения – «...возможно, найдены на юге России» (с. 193–196). Жаль, что исследователем не предпринято никаких усилий по определению возможных причин для такого предположения.

Следует обратить внимание и на некоторые ошибки в географических познаниях данного исследователя. Так, разделение предметов на найденные на территории России и Кавказа не может быть принято. Такой реги-

он, как Ростовская область, является составной частью Северного Кавказа, равно как и Чечено-Ингушская АССР (Чечено-Ингушская Республика), в настоящее время – Чеченская Республика и Республика Ингушетия. Северный Кавказ в книге представлен только одним комплексом из Чечни, найденном в с. Пригородное (с. 197–198). В то же время, для Грузии и Армении, которые не учтены в разделе «Северный Кавказ» (с. 198), более приемлемым является название «Южный Кавказ», или «Закавказье». Даже в том случае, если применять обобщённое географическое наименование для этих территорий – «Кавказ», противопоставлять ему этнополитическое по содержанию понятие – «Россия» некорректно. Обращает на себя внимание и незнание С.И. Ходжаш территории, по которой в основном протекает р. Днепр: в книге это – Россия (с. 26), тогда как её основная часть (1121 км.) приходится на Украину, 595 км. – на Белоруссию и лишь 485 км. – на Россию³.

Сводка скарабеев, выполненных из различных пород камня, представляется достаточно полной, хотя некоторых предметов, опубликованных ранее (скарабеи из Ани, Тейшебаини, Вана – Азербайджан, исторический музей Армении) в ней нет. Возможно, это связано с их утратой. Но этого нельзя сказать об амулетах из фаянса.

Так, например, в публикациях Б.Б. Пиотровского, посвящённых этим предметам, указано на наличие в фондах Государственного Эрмитажа коллекции К.И. Ольшевского, где среди 19 подобных изделий 7 – скарабеев. Помимо этого, укажем на коллекцию амулетов и других изделий из фаянса, добытых при раскопках в Керчи и хранящуюся в отделе Востока и Античного мира, в том числе – скарабеи⁴. Это тем более странно, что с коллекциями скарабеев, изготовленных из иных материалов и хранящихся в фондах того же Государственного Эрмитажа, С.И. Ходжаш была хорошо знакома, публикуя их в целом ряде своих статей⁵. Однако они в каталоге отсутствуют, равно как и большое количество скарабеев т.н. «накратийского типа», обнаруженных Г.Ф. Гобеджишвили в с. Рача при раскопке могильников у с. Геби и Брили (Грузия). Подобные находки отмечены Б.Б. Пиотровским и для поздних мингечаурских кувшинных погребений, которые хранятся в национальном музее истории Азербайджана (г. Баку). Нет и 5 скарабеев, найденных в 1908 г. Н.И. Веселовским в детском погребении могильника близ Недвиговки на Дону, отсутствуют скарабеи, обнаруженные в Суловском могильнике у г. Степного, которые в середине 60-х гг. XX в. хранились в фондах Саратовского музея краеведения. Не учтены 4 скарабея у ст. Донуковской, аметистовый – из ст. Некрасовской, находки у г. Новороссийска, опубликованные ещё в 1904 г. В той же своей работе 1931 г. Б.Б. Пиотровский писал и о хранящемся в Государственном Донском областном музее скарабее из Гниловского городища.

Оказалась полностью обойдённой вниманием представительная коллекция скарабеев из фаянса, хранящаяся в фондах Государственного исторического музея. Так, в склепе у пос. Былым (аул Озороково), Кабардино-Балкария, был найден голубой скарабей. Предмет хранится в фондах ГИМ⁶. Б.Б. Пиотровский отмечает, что в собрании Л.Я. Самоквасова, с указанием «из окрестностей Камунты и Галиаты» происходит скарабей, хранящийся в ГИМ под № 2159⁷. Там же хранятся и другие скарабеи, найденных на территории Северной Осетии. Так, в материалах «Румянцевского музея», с

пометками «Могильник Беахни – Куп, Тагаурия, Владикавказский округ» из Санибы – голубой скарабей. С пометкой «Собрание Дзелихова»: из Камунты (Кумбулты) – 8 скарабеев. В собрании П.С. Уваровой, с пометкой «Терская область, с. Камунта» хранится маленький скарабей голубого цвета⁸. В ГИМ хранится коллекция предметов, купленная в 1893 г. в Нальчинском округе у скупщика раритетов Бажанова. В их перечне – амулеты из фаянса, в том числе – 1 скарабей⁹. Там же находится ряд предметов из раскопок А.А. Миллера, произведённых им в ущелье Чегема. Среди них – скарабей бронзово – зелёного цвета с иероглифами¹⁰. Ещё один скарабей зелёного цвета из того же района (Терская область, Нальчинский округ, Чегемские общества) входит в состав коллекции, купленной для ГИМ у Д.А. Вырубова¹¹. В публикации Г.Н. Вольной и А.Б. Депеневой, посвящённой деятельности на Кавказе Д.А. Вырубова, приведён снимок одного из 7 планшетов с находками из Терской области, на котором изображены 6 фигурных изделий из фаянса, в том числе – 2 скарабея. Точное место большинства находок не определено, но все они происходят из археологических памятников Центрального Предкавказья. Коллекция в составе 1661 предмета была приобретена Императорской археологической комиссией для Эрмитажа и ГИМ. Впоследствии многие предметы были переданы в Музей древностей России¹². В Подкумском могильнике у г. Кисловодска М.П. Абрамовой были найдены, в том числе, 14 скарабеев¹³. В этом могильнике было найдено и 6 скарабеоидов. Находки из него хранятся в ГИМ, как и скарабеи из её же раскопок из Мокрой балки и Клин – Ярского могильника у г. Кисловодска¹⁴.

В 1994 г. И.И. Гущиной и И.П. Засецкой публикуются материалы раскопок 1902–1904 гг. Н.И. Веселовского в Прикубанье, которые ранее были частично известны лишь по изданиям начала XX в. В частности, 1 скарабеоид и 3 скарабея происходят из кургана № 18, 1 скарабей – из кургана № 20 – у ст. Тифлисской, 1 скарабей – из кургана № 46 у ст. Усть-Лабинской. Материалы хранятся в Эрмитаже и ГИМ¹⁵.

Что же касается других северокавказских территорий, то скарабеи, найденные в Кабардино-Балкарии, Ставропольском и Краснодарском краях, Дагестане, Карачаево-Черкессии, Северной и Южной Осетии, Адыгее, хранящиеся в фондах музеев краеведения, а также специализированных научных учреждениях археологического профиля, вообще не были учтены. Однако, перечень подобных предметов достаточно представителен.

Так, помимо указанных в её каталоге 8 скарабеев из погребения у с. Пригородное, в фондах Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея, а также археологического музея Чечено – Ингушского государственного Эрмитажа хранилось ещё 10 подобных же находок, происходящих из памятников, изученных в различные годы в ЧИАССР. Ниже приводится их перечень, данный в хронологической последовательности обнаружения предметов, с указанием на места хранения.

Скарабей из пасты синего цвета был найден Н.С. Семеновым в апреле 1887 г. в одном из трех раскопанных им каменных ящиков на левом берегу р. Гумс вблизи селения Курен – Беной. В рукописи кандидатской диссертации В.А. Петренко присутствует изображение скарабея с пометкой «Из Ичкерии». Сам автор обозначил данный предмет как «скарабеоидная

подвеска». Материал и цвет изделия в данной работе не указан¹⁶. В статье Х.М. Мамаева и Р.М. Мамаева, посвящённой работам Н.С. Семёнова на территории Чечни, приведены данные о том, что В.А. Петренко работал с его коллекцией, хранившейся в ЧИРКМ¹⁷.

В катакомбном погребении III–IV вв. н.э. кургана № 4, раскопанном А.П. Кругловым в 1938 г. у с. Алхан – Кала, в составе инвентаря находился скарабей, выполненный из пасты голубого цвета¹⁸. В статье В.Ю. Малашева и Х.М. Мамаева, посвящённой публикации материалов данного могильника, приведены данные о том, что коллекция найденных предметов хранится в отделе археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа. Кроме того, ими отмечено, что Л.Г. Нечаева работала с данной коллекцией при подготовке своей диссертации, и указала на отсутствие рисунков на основании скарабея, что подтверждает факт хранения находки еще к середине 60-х гг. XX в.¹⁹

В 1954 г. на окраине г. Грозного во время строительных работ был скрыт курган. В инвентаре разрушенного погребения, помимо других предметов, были 3 скарабея. В статье В.Б. Виноградова, посвящённой публикации данного комплекса, указано, что предметы поступили в Чечено-Ингушский краеведческий музей²⁰.

Относительно приведённого в каталоге С.И. Ходжаш сведений о погребальном комплексе 1964 г. (или 1965 г. – в других работах) укажем на некоторые разногласия относительно числа анализируемых амулетов. Так, в двух публикациях 1966 гг. В.Б. Виноградова отмечается, что среди прочих находок во впускном погребении кургана у с. Пригородное были 10 скарабеев, однако везде приведены рисунки лишь 8 из них, хотя в описаниях комплекса, данных во всех работах В.Б. Виноградова, указано на передачу в фонды музея именно 10 предметов²¹. Данная информация была повторена им в статье, опубликованной в 1968 г.: 10 скарабеев из «египетской пасты» голубого и зеленого цветов²².

В 1974 г. при исследовании разрушенных погребений 2-го Галайтинского могильника, М.Х. Багаевым был обнаружен ряд амулетов из египетского фаянса. Так, в погребении № 6 (14), был найден скарабей голубого цвета²³. В отчёте автора имеется соответствующая справка о передаче коллекции найденных при раскопках предметов на постоянное хранение в фонды Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея²⁴.

В археологическом музее Чечено-Ингушского госуниверситета (до начала 1995 г.) хранились несколько амулетов – скарабеев, найденных на территории Ножай-Юртовского района. Так в 1982 г. в грунтовом одиночном погребении у с. Сесаной были найдены 2 пронизи темно-голубого и темно-синего цветов. В 1987 г. в каменнаящичном погребении у с. Ишхой-Хутор обнаружен скарабей светло-лимонного цвета²⁵.

Несколько скарабеев, найденных до 1991 г., и в настоящее время хранятся в фондах Дагестанского объединённого исторического и архитектурного музея и археологического музея института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра (ДНЦ) РАН в г. Махачкале. Среди них – найденный в 1955 г. скарабей из голубого фаянса из склепа Гапшиминского могильника²⁶. В 1970 г. в погребении № 8 Сумбатлинского могильника № 3 был найден скарабей, на обратной стороне – изображение, вероятно – змеи²⁷.

В 1977 г. в Ирагинской гробнице, помимо других амулетов, были найдены 3 скарабея с изображениями змей на тыльных сторонах²⁸. В том же 1977 г., в погребении № 9 второго горизонта Дербентского могильника, наряду с 3 другими фигурными предметами из пасты, был обнаружен и скарабей²⁹.

В коллекции Кабардино-Балкарского краеведческого музея находится ряд интересующих нас амулетов и талисманов. Так, с паспортом «Случайные находки из Чегемского ущелья», поступившие в 1936 г., в музее хранятся и экспонируются, в том числе, и 2 скарабея зеленоватого и серо-голубого цвета. Они же присутствуют в актах приемки, а также выставлены в стационарной экспозиции (Фонды КБКМ, инв. № ИК – 2675).

В работе Г.И. Ионе и О.Л. Опрышко, работавших в этом музее в качестве сотрудников, приведены 3 скарабея, хранящихся в его фондах³⁰. В.Б. Виноградов указывает, что из Баксанского ущелья в Кабардино-Балкарский республиканский краеведческий музей поступил и экспонируется скарабей³¹. В своей другой публикации, написанной по результатам работы в фондах Кабардино-Балкарского краеведческого музея и ознакомления с отчетами о произведенных в республике археологических исследованиях за период с 1957 по 1967 гг., В.Б. Виноградовым отмечается, что из Баксанского ущелья, помимо других амулетов, происходят 4 скарабея³².

В 1975 г. в погребении № 4 Чегемского кургана – кладбища был найден гладкий скарабей светло – зеленого цвета. В погребении № 8 был найден скарабей, без рельефного оформления верхней части, светло-голубого цвета. В погребении № 128, среди прочих предметов, выявлено 4 экземпляра бусин светло-зеленого цвета, имитирующих скарабеев (т.н. «скарабеиды»). Материалы раскопок были переданы в Кабардино-Балкарский краеведческий музей³³.

Амулеты в виде скарабеев были найдены и на территории Северной и Южной Осетии. Так, в грунтовом могильнике Гуьсара (Гусара) – II Алагирского района Северной Осетии, в костном навале – тризне, над погребением № 34, был найден скарабей зелёного цвета. В самом погребении были найдены ещё 2 подобных же скарабея. Материалы раскопок хранятся в фондах Национального музея Северной Осетии-Алании³⁴.

В 1975 г. в погребении № 1 Монастырского могильника в Южной Осетии были найдены 2 маленьких скарабея³⁵. Материалы раскопок хранятся в фондах Национального музея Грузии в г. Тбилиси.

Некоторое количество скарабеев было обнаружено и в могильниках Ставропольского края.

В 1968 г. в одном из погребений Клин – Ярского могильника № 3, датированного первыми веками н.э. был найден скарабей с изображением змеи на его тыльной стороне³⁶.

В 1971 г. при раскопках могильника «Мокрая балка» был найден скарабей из «египетской пасты» песочного цвета, с иероглифами на нижней стороне³⁷.

В 1973 г. А.П. Руничем была опубликована информация о находке в комплексе инвентаря из подземного Корсунского склепа VI–VII вв. н.э. пронизи в виде скарабея, на его оборотной стороне – иероглифический значок³⁸.

В 1975 г. в Западном Кутульском подземном склепе № 5 (VI в. н.э.) был найден амулет «скарабей» с иероглифическими знаками на оборотной

стороне³⁹. Материалы раскопок А.П. Рунича хранятся в фондах Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея – заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе.

В 1988 г. в погребении № 1 кургана № 11 могильника Айгурский-2, среди прочих предметов, были найдены 13 подвесок из «египетского» фаянса, выполненных в виде схематизированных скарабеев⁴⁰. Материалы раскопок до 2015 г. хранились в фондах археологического музея ГУП «Наследие» в г. Ставрополе, в настоящее время – в фондах Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе и Пятигорском краеведческом музее.

Скарабеи из фаянса были найдены и на других территориях Северного Кавказа. С.И. Ходжаш упоминает о находках амулетов из египетской пасты при раскопках Н.В. Анфимовым могильника у ст. Усть-Лабинской в Краснодарском крае (с. 26), однако в её работе эти предметы включены не были, хотя среди них есть, в т.ч., и скарабеи. Согласно публикации Н.В. Анфимова, в 1938 г. в погребении № 18 были найдены 2, и в погребении № 55 – 1 скарабей⁴¹. Материалы его раскопок хранятся в фондах Краснодарского Государственного историко-археологического музея-заповедника (далее – КГИАМЗ). Из описей, находящихся в архиве данного музея, мы узнаём, что в погребении № 18 был выявлен скарабей голубого цвета, № описи – 47. Погребение № 55: скарабей голубого цвета, № описи – 197. Погребение № 80: скарабей из жёлтой пасты, № описи – 37336⁴². Здесь же хранятся и другие подобные находки. Ниже приводится их перечень, в последовательности раскопок и поступления материалов в археологические фонды.

В работе Н.В. Анфимова и И.Н. Анфимова приводятся некоторые данные об исследованиях, произведённых в 1927 г. на городище в районе строительства Краснодарской районной электростанции, получившее в научной литературе наименование «Городище КРЭС». Среди рабочих материалов диссертации Н.В. Анфимова есть запись о нахождении здесь амулета в виде скарабея. Здесь же помечено, что предмет хранится в фондах музея⁴³.

Могильник на Почтовой улице, раскопки 1929 г. В раскопочной описи, составленной Н.В. Анфимовым, указаны в том числе, и амулеты из фаянса, найденные здесь. Среди них: № 62: скарабей голубого цвета; погребение № 144/1. Предмет был опубликован в 1992 г.⁴⁴

В 1984 г. были опубликованы: 1 скарабей из погребения № 15 и 3 – из погребения № 16 в могильника у ст. Елизаветинской⁴⁵. Данные по хранению: раскопки 1978 г., что не соответствует дате, указанной в публикации. Погребение № 15: маленький скарабей, цвет не указан, № описи – 196. Погребение № 16: 4 скарабея: маленький голубого цвета, 2 – более крупные, зелёного цвета и 1 – синего, №№ описи – 198–201. Погребение № 29: маленький скарабей голубого цвета, на тыльной стороне – изображение Анубиса, № описи – 281⁴⁶.

Грунтовый могильник городища № 3 у хут. им. Ленина Динского района, раскопки 1981 г. Погребение № 338: скарабей светло-зелёного цвета, на обороте – иероглифический знак, № описи – 1759; Погребение № 219: 4 скарабея из синего фаянса, на тыльной стороне – по одному иероглифу,

№№ описи – 2886–2889. Погребение № 304: скарабей из фаянса зелёного цвета, на оборотной стороне – иероглиф в овале, № описи – 2905⁴⁷.

Тот же могильник, раскопки 1983 г. Погребение № 60: скарабей из голубого фаянса⁴⁸.

В 1981 г. Урупская археологическая экспедиция Краснодарского историко-археологического музея – заповедника под руководством Н.В. Каменского частично раскопала могильник у ст. Отрадной, получившего наименование «Мостовой». В двух погребениях были найдены амулеты из фаянса. В погребении № 18 был найден небольшой скарабей бирюзового цвета. В погребении № 84 среди находок – скарабей бирюзового цвета с зелёной глазурью. Эти находки хранятся в музее ст. Отрадной, который является филиалом Краснодарского Государственного историко-археологического музея-заповедника⁴⁹. Данные по хранению: погребение № 18 – скарабей голубого цвета, № описи – 114. Погребение № 84 – скарабей простой формы, голубого цвета, № описи – 685⁵⁰. В витрине № 7 того же музея выставлен скарабей зелёного цвета, найденный в этом могильнике. В описи у скарабея указан другой цвет – голубой⁵¹.

В этом же музее хранятся и 4 скарабея из погребения № 219 могильника городища № 1 у хут. Ленина, найденные в 1983 г. Их изображения были опубликованы в 1987 г.⁵² Здесь же находятся и 5 скарабеев из погребения № 34 могильника у аула «Ново-Вочепширский», найденных в 1985 г. Их изображения опубликованы в том же издании⁵³.

При раскопках Старокорсунского городища в 1990 г. в погребении № 345 был найден маленький скарабей голубоватого цвета, отверстие – поперёк фигурки. Они хранятся в том же музее⁵⁴.

Амулеты из фаянса в виде скарабеев хранятся и в других музеях Краснодарского края.

Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник (далее – АМЗ). Ниже приводятся находки, сделанные до 1999 г.

Красногоровский могильник, курган № 1, погребение № 3. Раскопки Е.И. Беспалого в 1984 г. Скарабей на фрагментированной плакетке⁵⁵.

Ново-Николаевский могильник – 1990 г., курган № 2 погребение № 3. Амулет – скарабей, на оборотной стороне – иероглиф. Выставлен в экспозиции т.н. «Золотой комнаты»⁵⁶.

Курганная группа «Сонино», курган № 6, погребение № 1, раскопки 1972 г. Скарабей, поверхность сильно повреждена⁵⁷.

Новороссийский исторический музей-заповедник (далее – НИМЗ). Скарабей светло-зеленого цвета. Найден в 1978 г. при раскопках Цемдолинского античного поселения. Скарабей со сложным членением головы и туловища. На обратной стороне знак – птица в овальной рамке, с продольным каналом отверстия⁵⁸.

Анапский археологический музей (далее – ААМ). Некрополь Горгишпи. Раскопки 1957 г. Котлован под баню. Разрушенное погребение. Найден скарабей со сложным членением головы и спинки, на обратной стороне основания нанесены знаки, цвет бирюзовый⁵⁹. Могильник «Терский», погребение № 3, раскопки Е.М. Алексеевой и Т.С. Тихоновой 1991 г. Скарабей с несложным членением головы и спинки, на обратной стороне основания знак в виде птицы (?). Канал отверстия продольный, цвет бирюзовый⁶⁰.

Ряд скарабеев хранится в археологических фондах Ростовского областного музея краеведения (далее – РОМК).

Грунтовый могильник Кобякова городища, погребение № 36. Скарабей голубого цвета⁶¹.

Крепинский могильник – I, курган № 15 погребение № 1. Раскопки 1972 г. В захоронении обнаружены 8 скарабеев. Их цвета – тёмно-фиолетовый, бирюзовый, жёлтый, на обратных сторонах – змееподобные знаки. Из них 2 выставлены в стационарной экспозиции, 6 – хранятся в фондах. В каталоге С.И. Ходжаш приведены прорисовки и фотографии скарабеев из этого некрополя, но без указания на номера кургана и погребения⁶². В ходе работы с коллекциями РОМК удалось установить, что 6 из них были найдены в погребении № 1 кургана № 15⁶³, остальные 2, выставленные в постоянной экспозиции музея, происходят из погребения № 1 кургана № 14 того же могильника⁶⁴. Кроме того, в этом же могильнике, в погребении № 1 кургана № 10 (раскопки К.С. Лагоцкого) были найдены 7 скарабеев, которые оказались неучтёнными С.И. Ходжаш⁶⁵.

В этом же издании есть рисунок и фото скарабея светло-зелёного цвета из раскопок 1956 г., найденного в некрополе Танаиса (раскоп V, квадрат II), с прорисовкой его тыльной стороны⁶⁶. Указано, что предмет хранится в фондах Таганрогского краеведческого музея.

Относительно скарабеев с территории Северного Причерноморья, учтённых Е.М. Алексеевой в своём своде, следует заметить, что таковых всего 98. Они хранятся в фондах Одесского государственного археологического музея, Николаевского, Анапского, Ялтинского краеведческих музеев, Херсонского государственного историко-археологического музея, Государственного исторического музея им. А.С. Пушкина⁶⁷. В коллекции изделий из фаянса из раскопок в Керчи, хранящуюся в отделе Востока и Античного мира Госэрмитажа, есть и скарабеи VII–V в. до н.э., особенно многочисленные – римского времени – I в. до н.э. – III в. н.э.⁶⁸ Нам удалось уточнить, что один из них – скарабей в виде круглой в плане выпуклой сверху плакетки, на плоском основании вырезаны знаки (лежащая собака, рыба, солнечный диск?), цвет грязно-белый, следы голубой глазури, тип 50а по Е.М. Алексеевой (ранний), был найден в могильнике «Воскресенский», раскопки Е.М. Алексеевой 1978 г., в раскопе № III, в погребении 30 (9). Он хранится в археологических фондах Анапского краеведческого музея⁶⁹. В каталоге С.И. Ходжаш с территории Крыма учтены 9 скарабеев: могильник «Озёрное – I», 1959 г. – 3 предмета, Усть-Альма, склеп № 88, раскопки 1973 г. – 5 предметов, Пантикапей, некрополь, погребение № 15, раскопки Шестакова 1979 г. – 1 предмет. Материалы хранятся в историко-архитектурном музее г. Бахчисарая, последний скарабей – в Керченском историко-архитектурном музее⁷⁰. Однако, помимо указанных выше, в фондах этих и других крымских музеев, ко времени создания каталога, хранились и другие скарабеи.

Так, в некрополе Усть-Альма на конец 90-х гг. XX в. было найдено 75 амулетов из фаянса, в т.ч. – 32 скарабея. Его раскопками занимался Альминский отряд Крымской комплексной экспедиции ИА АН Украины и Бахчисарайского историко-архитектурного музея, где и хранятся результаты этих работ⁷¹. В монографии А.Е. Пуздовского был опубликован ряд находок из данного некрополя, сделанных в 1993 г.: склеп № 390 (1 ярус) –

скарабеоид, 2 ярус – 1 скарабей, в погребении № 407/3 – 4 скарабея, и по 1 скарабею – в погребениях №№ 66, 513, 597 и в склепе № 620/1. Материалы работ хранятся в фондах Бахчисарайского историко-архитектурного музея⁷². Кроме того, ряд скарабеев был найден в некрополе Беярусса. Так, в северной камере земляного склепа, у костяка № VIII был найден 1 скарабей. В могиле № 13 – 3 скарабея, 1 – из жёлтой, 2 – из зелёной пасты; в могиле № 34, в северной камере – 1 скарабей; в могиле № 50 – 2 скарабея, в могиле № 113 – 16 скарабеоидов, могила № 114б – 2 скарабеоида, № 156 – 1 скарабей, № 109 – 2; № 129 – 1 скарабеоид; № 137 – 2 скарабеоида. Данные материалы были получены в ходе раскопок до 1999 г. В работе 2014 г. опубликованы материалы раскопок 1967–1979 гг., которые хранятся в фондах и выставлены в экспозиции Евпаторийского краеведческого музея⁷³.

В могильнике «Заветное» (Алма-Кермен), который раскапывался в 1954, 1959–1961 гг. были найдены скарабеи, числом не менее 2. Работы велись сотрудниками Института археологии АН УССР и Бахчисарайского историко-архитектурного музея, где эти материалы и хранятся⁷⁴.

Из могильника «Нейзац» известны 6 скарабеев: – из погребений №№ 51, 72, 193, 279, 284 и 374, в каждом из них найдено по 1 экземпляру. К нашей теме относятся 2 предмета: из № 51 (раскопки 1997 г.) и № 72 (раскопки 1999 г.). Остальные 4 скарабея были найдены в 2002, 2005 и 2008 гг.⁷⁵ Все они хранятся в фондах Центрального музея Тавриды в г. Симферополь. Кроме того, в работе А.А. Стояновой упомянуты 3 скарабея из Беярусского некрополя и несколько – из позднескифских склепов Усть-Альминского могильника. К этим находкам можно добавить и другие амулеты, хранящиеся в Центральном музее Тавриды (г. Симферополь) из коллекций, составленных по результатам раскопок и других могильников: «Дружное», «Опушки», «Битак», «Левадки», «Курское». В Бахчисарайском историко-культурном и археологическом музее – заповеднике (г. Бахчисарай), помимо коллекций из могильника «Усть-Альма» и могильника «Заветное» (Алма-Кермен) – есть находки из могильника «Бельбек IV». В заповеднике «Херсонес Таврический» находятся большие коллекции из раскопок Херсонеса за более чем 100 лет, а также – коллекция из могильника «Совхоз – 10». Керченский заповедник – значительная коллекция из раскопок бо-спорских городов (Пантикапей, Мирмекий, Нимфей, Тиритака и других городов), а также городских и поселенческих некрополей. Среди них есть амулеты из фаянса, в т.ч. – и в виде скарабеев⁷⁶.

Ряд скарабеев из фаянса и других материалов был найден в некрополе Неаполя Скифского. Часть из них опубликована. Так, в работе Н.Н. Погребовой 1947 г., посвящённой раскопкам мавзолея в Неаполе Скифском в 1946 г., приводится изображение скифа на сердоликовом скарабее, у костяка № 8 на таком же скарабее – изображение бескрылого грифона. Здесь же был обнаружен и ещё 1 скарабей из смальты зелёного цвета с иероглифическими знаками на основании. Кроме того, у костяка № 6 был найден ряд скарабеев (их общее число автор не уточнил), которые представляли собой т.н. «полуфабрикаты» без изображений. Из восточного могильника Неаполя Скифского к 1953 г. были известны 6 скарабеев. В ходе раскопок 1956–1957 гг. в погребении № 36 были найдены 3 скарабея из смальты голубого, сиреневого и зелёного цветов, на основаниях – знак змеи. Раскопками 1958 г. на восточном участке могильника был найден склеп № 79, где при

27 костяках было обнаружено 25 скарабеев из голубой, жёлтой и серой пасты, на тыльной стороне почти всех – иероглифические знаки.

В своде О.Д. Дашевской приведены 2 сердоликовых скарабея из мавзолея Неаполя Скифского, с изображениями крылатой фигуры и головы скифа на их тыльных сторонах, а также 2 скарабея из «египетского» фаянса, найденные там же. Материалы хранятся в фондах Крымского областного краеведческого музея⁷⁷.

Среди находок из некрополя Нимфея (раскопки Н.Л.Грач с 1966 по 1978 гг.) известны 5 скарабеев, в т.ч. 1 – из камня чёрного цвета (склеп № А80). Материалы хранятся в Государственном Эрмитаже. Монография о раскопках памятника была ею завершена к 1989 г., но опубликована только в 1999 г.⁷⁸ В некрополе «Золотое» было найдено 2 скарабея⁷⁹.

Ряд скарабеев происходит с территории Республики Адыгея. Предметы хранятся и экспонируются в отделе истории материальной культуры и древнего искусства Государственного Музея народов Востока (далее – ГМНВ), а также в Национальном музее Республики Адыгея (далее – НМРА). Ниже приводится их перечень.

Скарабей, на основании – знак в виде птицы, бирюзового цвета. Чернышевский могильник, курган 1, погребение 150-б. Раскопки 1988 г.⁸⁰ Скарабей, на основании знака нет, бирюзового цвета. Чернышевский могильник, курган 1, погребение 28⁸¹. Скарабей. На основании знак, похожий на сидящую кошку, бирюзового цвета. Чернышевский могильник, курган 1, погребение 282. Раскопки 1988 г.⁸² Скарабей, на основании – знак змеи, бирюзового цвета. Чернышевский могильник, курган 1, погребение 262. Раскопки 1988 г.⁸³ Скарабей, на основании – знак змеи, бирюзового цвета. Чернышевский могильник, курган 1, погребение 211. Раскопки 1988 г.⁸⁴ Скарабей, на основании – знак змеи, светло-зеленого цвета. Штурбинский могильник, погребение 49. Раскопки 1987 г.⁸⁵ Скарабей на основании – знак змеи, бирюзового цвета. Штурбинский могильник, погребение 26. Раскопки 1987 г.⁸⁶ Скарабей, на основании – знак змеи, бирюзового цвета. Штурбинский могильник, погребение 26. Раскопки 1987 г.⁸⁷ Скарабей, на основании – знак змеи, бирюзового цвета. Аул Ленинохабль, случайная находка⁸⁸.

В 1985–1986 гг. Экспедиция Государственного музея искусств народов Востока раскапывала Ново-Вочепшійский могильник, расположенный у одноимённого хутора Республики Адыгея. В погребении № 34 были найдены 5 скарабеев синего, бирюзового, жёлтого и светло-зелёного цветов. На их обратных сторонах изображены змеи в сочетании иероглифических знаков. Часть находок из этого могильника хранится в фондах Государственного музея народов Востока, в частности – скарабей, на основании – знак змеи, желтого цвета, случайная находка⁸⁹.

В грунтовом погребении № 25 Тахтамукайского могильника Н.В. Анфимовым были найдены 4 скарабея голубого цвета. Поступили на хранение в Национальный музей Республики Адыгея в 1958 г.⁹⁰ Скарабей светло-зеленого цвета происходит из погребения № 3 могильника у х. Городской, раскопки А.А. Сазонова в 1989 г. Материалы хранятся там же⁹¹.

Помимо Северного Кавказа, скарабеи были обнаружены и на других территориях нашей страны. Так, например, к 1975 г. на территории Нижнего Поволжья было найдено 15 скарабеев – все из кургана № 20 Бережновского могильника⁹². В последующие годы (до 1991 г.) было найдено ещё

4 скарабея и 4 скарабеоида⁹³. Находки хранятся в археологических фондах краеведческих музеев региона.

В 1977–1980 и 1989–1994 гг. А.П. Медведевым раскапывался курганный могильник «Чертовицкий – I», расположенный на берегу р. Воронеж, где в погребении № 40 кургана № 5 (раскопки 1978–1979 гг.) среди прочих находок, были обнаружены и 17 скарабеев. Материалы его работ на могильнике были опубликованы в 1990 г.⁹⁴ и хранятся в областном краеведческом музее.

Сведениями о коллекциях, хранящихся в музеях Прибалтики, мы не располагаем, информацию о наличии амулетов из египетского фаянса, происходящих из памятников Украины, предоставляют работы Е.С. Дзенева. В публикации 2013 г., автор упоминает о 122 фигурных изделиях, из которых 45 – скарабеев. В то же время, в автореферате кандидатской диссертации 2016 г. – только 120, но в обеих названа одинаковая цифра амулетов – скарабеев – 45 экземпляров. И если в работе 2013 г. сведений о том, откуда они происходят, нет, то в публикации 2016 г. некоторые подробности присутствуют. Так, в Красномаякском могильнике (раскопки Э.А. Сымонович 1976–1977 гг. и О.А. Гей 1986–1988 гг.) в могиле № 25 в погребении № 2 были найдены 6 скарабеев из фаянса голубого цвета. Подобные же находки были сделаны в могилах №№ 73, 74, 76, 78, 83, 96, 103, один из скарабеев – стеклянный. Всего в данном некрополе в 11 могилах было найдено 41 фигурное изделие из фаянса, в т.ч. – 29 скарабеев. Кроме того, автору известны: 1 скарабей (возможно, скарабеоид?) из могилы № 150, и 6 подобных же – из могилы № 151 из Николаевки, в погребении № 5 из Антоновки – 1 скарабей, 5 – из Любимовки, 1 скарабеоид – из Николаевского могильника, в склепах №№ 150 и 151 – по 1 скарабеоиду. Крупный скарабей из голубого фаянса происходит из Антоновского городища, а с территории другого – «Великая Лепетиха» – 6 голубых скарабеев. В сарматских захоронениях Украины амулеты из фаянса были найдены в 25 захоронениях, где среди прочих, имеются и скарабеи⁹⁵.

Относительно коллекций, хранящихся в фондах Одесского археологического музея, некоторые подробности можно почерпнуть из публикации Э.А. Левиной и А.С. Островехова. Так, они упоминают о нахождении скарабеев типа 50-в (по Е.А. Алексеевой) в курганах сарматского времени у с. Семёновка и Маяки. Здесь же приведены рисунки 2 скарабеев из Ольвии⁹⁶.

Несмотря на то, что в нашем распоряжении нет исчерпывающих сведений о фондах ряда музеев, тем не менее, собранные материалы убедительно свидетельствуют о том, что работа по составлению полного каталога одной из наиболее популярных фигурных форм из египетского фаянса – скарабеев далеко не завершена и только предстоит, по крайней мере – для коллекций с территории Кавказа.

Примечания

1. *Ходжаи С.И.* Древнеегипетские скарабеи. Каталог печатей и скарабеев из музеев России, Украины, Кавказа и Прибалтики. М.: Восточная литература, 1999. 317 с.: илл.
2. *Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья. Вып. Г1–12. Часть I. М.: Наука, 1975. 121 с. С. 41–43.
3. Проект схемы комплексного использования и охраны водных объектов бассейна р. Днепр (Российская часть). Том I. М., 2011. Ведение, п. 1, п. 1.2.
4. *Пиотровский Б.Б.* Египетские предметы в Северо-Кавказском крае // Сообщения ГАИМК, № 6. М., 1931. С. 28–30; Он же: Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза // СА, 1958 № 1. С. 20–27.
5. *Ходжаи С.И.* Царские скарабеи, скарабеиды и печати I тыс. до н.э. из собраний ГМИИ им. А.С. Пушкина и Государственного Эрмитажа // ВДИ, 1978. № 3. С. 60–65; С. 60. Прим. 1.
6. *Айналов Д.В.* Обломок пиксулы и другие древности, находящиеся в Историческом музее // Известия и заметки, издаваемые Императорским Московским археологическим обществом. (Ред.: А.В. Орешников). Том II. М., 1894. 416 с. С. 2.
7. *Пиотровский Б.Б.* Египетские предметы в Северо-Кавказском крае // Сообщения ГАИМК. М., 1931. № 6. С. 30.
8. Фонды ГИМ, отделение раннежелезного века, №№ 21630–22183, оп. Б.1661/10/27; № 20027, оп. 6Б, № 55738, оп. Б. 8/34 б.
9. Фонды ГИМ, отделение раннежелезного века, № 2787, оп. Б 540/7.
10. Фонды ГИМ, отделение раннежелезного века, №7367, оп. Б.614/120.
11. Фонды ГИМ, отделение раннежелезного века, № 38370, оп. Б.1368/113.
12. *Вольная Г.Н., Денуева А.Б. Д.А.* Вырубов – исследователь древней средневековой истории Терской Области // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 5. (Отв. ред.: Ю.А. Прокопенко). Ставрополь: Дрофа, 2013. 140 с. С. 102–118. С. 113. Рис. 3.
13. *Абрамова М.П.* Подкумский могильник. М.: Наука, 1987. 184 с. С. 12. Рис. 6, 8–9. С. 15. Рис. 9, 24–27. С. 26. Рис. 17, 23–24. С. 51. Рис. 29, 24.
14. Фонды ГИМ, отделение раннежелезного века, № 102627, оп. Б.1601/6,/54,/82/,150,/191 – раскопки 1972 г., № 103089, оп.Б.1619/110 – раскопки 1973 г., № 103551, оп. 1639.
15. ОАК за 1902 г. СПб., 1904. С. 72–73. Рис. 149–150; *Гущина И.И., Засецкая И.П.* «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб.: Фарн, 1994. 172 с.: илл. С. 6; С. 130. Табл. 31, 295; С. 132. Табл. 33, 314/4; С. 151. Табл. 52, 506.
16. *Петренко В.А.* Культура населения Среднего Притеречья в сарматскую эпоху (III в. до н.э. – IV в. н.э.). Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. Грозный, 1980 (рукопись). С. 140. Табл. 67, 16.
17. *Мамаев Х.М., Мамаев Р.М.* Н.С. Семёнов – первый археолог и краевед Чечни // История науки и техники. 2012. № 7. С. 146–151. С. 148.
18. *Нечаева Л.Г.* Могильник Алхан – Кала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе. Автореферат диссертации...к.и.н. Л., 1956. 16 с. С. 7; *Виноградов В.Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Труды ЧИНИИЯЛ Т. VI. Грозный, 1963. 224 с. С. 74. С. 203. Рис. 29.
19. *Малашев В.Б., Мамаев Х.М.* Алхан – Калининский могильник (материалы раскопок 1937–1938 гг.). // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. (Отв. ред. Х.М. Мамаев). ИА РАН, Грозный, М., 2011. 298 с. С. 234–276. С. 236, 239; С. 260. Рис. 8, 34.
20. *Виноградов В.Б.* Египетские предметы из сарматского погребения близ г. Грозного // СА. 1960. № 3. С. 309–310. Рис. 1, 1–3.
21. *Виноградов В.Б.* Тайны минувших времен. М., 1966. 168 с. С. 108–109; *Виноградов В.Б.* Место египетских амулетов в религиозно-магической символике кавказ-

цев // АЭС. Т. II. (Ред. В.Б. Виноградов). Грозный, 1968. 321 с. С. 39–54. С. 42; *Виноградов В.Б., Марковин В.И.* Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР (материалы к археологической карте). Грозный, 1966. 165 с. С. 120. Табл. 4, 3–10.

22. *Виноградов В.Б.* Археологические разведки в Чечено - Ингушетии в 1965 г. // АЭС, т. II. (Отв. ред. В.Б. Виноградов). Грозный, ЧИНИИИЯЛ, 1968. 322 с. С. 212–213. Рис. 8, 1–2.

23. *Багаев М.Х.* Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье (VI в. до н.э. – XIII в. н.э.). М.: Наука, 2008. 455 с. С. 198. С. 243. Рис. 11, 14.

24. *Багаев М.Х.* Отчет о работе отряда археологической экспедиции ЧИГУ в 1974 г. // Архив ИА АН РАН, р-1, № 5430.

25. *Буркова А.А.* Новые находки египетских амулетов из Ичкерии // Тезисы докладов и сообщений Третьей зональной северокавказской олимпиады по археологии и краеведению. (Ред. С.Л. Дударев). Грозный, 1991. 53 с. С. 46–47; *Бурков С.Б.* Два комплекса с амулетами из «египетского» фаянса с территории Чечни // Из истории культуры народов Северного Кавказа (Ред. Ю.А. Прокопенко, Т.А. Невская). Ставрополь: Печатный двор, 2017. Вып. 9. 226 с. С. 57–63.

26. *Котович В.Г.* Отчёт о работе горного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1955 г. Архив ИА АН РАН. № 1156. С. 24. С. 132: табл. XVIII, № 6; *Котович В.Г., Мунчаев Р.М., Путинцева Н.Д.* Некоторые данные о средневековых памятниках горного Дагестана (Гл. ред. Г.Д. Даниялов). Материалы по археологии Дагестана. Т. II. Махачкала: Типография Дагестанского филиала АН СССР, 1961. 303 с. С. 271–286. С. 274. Рис. 5, 1.

27. *Давудов О.М.* Сумбатлинский могильник (Гл. ред. М.Г. Гаджиев) Древние памятники Северо-Восточного Кавказа (Отв. ред. М.Г. Гаджиев). Махачкала: Дагестанский филиал ИИЯЛ, 1977. 167 с. С. 108–129. С. 116, 126.

28. *Давудов О.М.* Отчёт об археологических исследованиях в Южном Дагестане в 1977 г. Архив ИА АН РАН. № 7342, 7342«а». С. 95. Рис. 17-1а-в; 18, 18–19, 32–37.

29. *Кудрявцев А.А.* Дербентский могильник (Отв. ред. М.М. Маммаев). Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1985. 189 с. С. 125–146. С. 134. Рис. 4, 15.

30. *Ионе Г.И., Опрышко О.Л.* Памятники рассказывают. Нальчик, 1963. С. 37, 45, 48.

31. *Виноградов В.Б.* Место египетских амулетов в религиозно-магической символике кавказцев // АЭС. Т. II. Грозный, 1968, С. 39–54. С. 41.

32. *Виноградов В.Б.* Археологические памятники сарматского времени в Кабардино-Балкарии // Учёные записки Кабардино-Балкарского НИИ. Том XXV. Нальчик, 1967. С. 128–146. С. 143; С. 142. Рис. 6, 11–12.

33. *Кереев Б.М.* Чегемский курган – кладбище сарматского времени // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. II. (Ред. М.П. Абрамова, В.И. Козенкова). Нальчик: Эльбрус, 1985. 280 с. С. 135–259; С. 141. Рис. 5, 41. Рис. 18, 8. С. 163. Рис. 16, 88, 92. С. 205.

34. Автор благодарен д.и.н. Б.В. Техову за возможность сослаться на неопубликованные материалы.

35. *Гаглойти А.Х.* Античный мир и Южная Осетия (I–IV вв. н.э.). К вопросу торгово-экономических связей. Владикавказ: Олимп, 2003. 120 с. С. 47. Табл. V, 79–80; *Гаглойти А.Х.* Монастырский могильник I–IV вв. н.э. Цхинвал: Дом печати, 2011. 248 с. С. 10. С. 187. Рис. 40, 4–5.

36. *Виноградов В.Б., Рунич А.П.* Новые данные по археологии Северного Кавказа // АЭС. Т. III. (Ред. В.Б. Виноградов). Грозный, 1969. 199 с. С. 95–137. С. 119. Рис. 17, 12.

37. *Ковалевская В.Б.* Раскопки аланского могильника VI–IX в. «Мокрая балка» близ Кисловодска // АО 1971 г. (Отв. ред. Б.А. Рыбаков). М., 1972. 576 с. С. 158.

38. *Рунич А.П.* Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод в 1973 г. // Архив ИА АН РАН, р-1, № 5009; Он же: Раннесредневековые склепы Пятигорья // СА. 1979. № 4. С. 232–247. С. 234. Рис. 2, 11.

39. Рунич А.П. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод в 1975 г. // Архив ИА АН РАН, р-1, № 5624; Он же: указ. соч. С. 244. Рис. 8, 35.
40. Бабенко В.А., Березин Я.Б. Сарматские пргребения могильников Айгурский-2 и Барханчак-2 (северное Ставрополье) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. IX. (Отв. ред. А.Б. Белинский). Ставрополь: Наследие, 2009. 484 с. С. 279–320. С. 287, 289. Рис. 8, 7, 12.
41. Анфимов Н.В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской // МИА-23. (Ред. Е.И. Крупнов). М.–Л., 1951. 306 с. С. 155–207. С. 199–200. Рис. 18, 18.
42. Архив КГИАМЗ, КМ № 3288–3289.
43. Анфимов Н.В., Анфимов И.Н. Археологические памятники города Краснодара // Кубанский краевед. Вып. 3. Краснодар, 1992. С. 29–46; Архив КГИАМЗ, КМ, № 226; Анфимов Н.В. Основные этапы развития культуры меото-сарматских племен Прикубанья (по материалам грунтовых могильников). Диссертация на соискание звания к.и.н. Рукопись. Архив Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Фелицына, КМ, № 217.
44. Анфимов Н.В., Анфимов И.Н. Археологические памятники города Краснодара // Кубанский краевед. Вып. 3. (Ред. Г.Г. Шулякова, И.Б. Бондарь). Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1992. 207 с.: илл. С. 19–60. Рис. 4, 1; Архив КГИАМЗ, КМ № 1653.
45. Анфимов И.Н. Меотский могильник I–II вв. н.э. близ станицы Елизаветинской // Вопросы археологии Адыгеи. (Ред.: Н.В. Анфимов, П.У. Аутлев). Майкоп, 1984. 171 с.: илл. С. 83–109; Табл. IV, 3; Табл. IV, 18–21.
46. Архив КГИАМЗ, КМ № 4950.
47. Архив КГИАМЗ, КМ № 6513.
48. Архив КГИАМЗ, КМ № 6830.
49. Пьянков А.В. Амулеты «египетского фаянса» из могильника Мостового у станицы Отрадной // Историко-археологический альманах. Вып. 12. (Отв. ред. Р.М. Мунчаев). Амавир, М., 1996. 231 с. С. 93–99. С. 94. Рис. 1,9. С. 95. Рис. 2,15; Фонды КГИАМЗ, КМ № 5700; №№ описи – 114 и 685.
50. Архив КГИАМЗ, КМ № 5700.
51. Архив КГИАМЗ, КМ 5700/686.
52. Шедевры древнего искусства Кубани. Каталог выставки (Ред.: А.М. Лесков, В.Л. Лапушкин). М., 1987. 188 с. С. 53. С. 142. Табл. XXXVIII.
53. Шедевры древнего искусства Кубани. Каталог выставки, № 197. С. 148. Табл. XXXVIII; КГИАМЗ, КМ №№ 6513/2886–2889; ГМИНВ № 208–212 КР-IV.
54. Архив КГИАМЗ, КМ № 9485.
55. Фонды АМЗ, КП № 16429/135.
56. Фонды АМЗ, КП № 27748/78.
57. Фонды АМЗ, КП № 17900/78.
58. Фонды НИМЗ, НМ № 9845.
59. Фонды ААМ, КМ 8365/636.
60. Фонды ААМ, КМ № 11656/10.
61. Фонды РОМК, КП № 23277/96.
62. Ходжаиш С.И. Древнеегипетские скарабеи. Каталог печатей и скарабеев из музеев России, Украины, Кавказа и Прибалтики. С. 196–197.
63. Фонды РОМК, КП № 4001/ 106–109, 111.
64. Фонды РОМК, КП № 4001/93–94.
65. Фонды РОМК, КП № 4001/45–52.
66. Ходжаиш С.И. Каталог. С. 197. № 1636.
67. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. Вып. Г1 - 12. М.: Наука, 1975. 121 с. С. 41–43.
68. Пиотровский Б.Б. Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза // СА. 1958. № 1. С. 20–27. С. 23–24.

69. Алексеева Е.М. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М.: Наука, 1991. 144 с. С. 60; Фонды АКМ, КМ № 10328/8.

70. Ходжаш С.И. Каталог. №№ 1636–1645.

71. Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Материалы по археологии Крыма. Издательство Киевской Академии Евробизнеса. Киев, 1994. 206 с. С. 9. С. 125. Рис. 39, 4, 10.

72. Пуздовский А.Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь: Издательство «Бизнес-Информ», 2007. 480 с. С. 330. Рис. 57,19; С. 331. Рис. 58, 44; С. 417. Рис. 143, 16–21, 24, 25; С. 418. Рис. 144, 25.

73. Дашевская О.Д. Земляной склеп на Беярусе // КСИА. Вып. 162. М., 1980. С. 90–96. С. 94; Дашевская О.Д. Некрополь Беяруса. Издание ЧП «Феникс». Симферополь, 2014. 284 с. С. 8; С. 34; С. 23; С. 149. Табл. 40,11–13; С. 130. Табл. 21,6; С. 187, Табл. 78, 12–13; Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму // САИ. Вып. Д1-7. М.: Наука, 1991. 140 с. С. 220. Табл. 111; С. 221. Табл. 112, 18–19; С. 242. Табл. 133,7; С. 259. Табл. 150, 4; С. 263. Табл. 155,4; С. 264. Табл. 155,4.

74. Богданова Н.О. Могильник I ст. до н.э. – III ст.н.э. біля с Завітне Бахчисарайського району // археологія. Т. XV. С. 95–109. С. 95. С. 102. Рис. 4.17. С. 104, сноски №№ 23–24.

75. Стоянова А.А. Бусы и подвески из могильника «Нейзац» (по материалам раскопок 1996–2001 гг.) // Боспорские исследования. Вып. 5. Симферополь–Керчь, 2006. С. 263–319; Стоянова А.А. Подвески из могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). 20 лет исследований могильника «Нейзац». Сборник научных статей. (Отв. ред. И.Н. Храпунов). Симферополь: Издательство «Наследие тысячелетий», 2016. 236 с. С. 122–165. С. 126. Рис. 1,25. Рис. 41,8. Рис. 1,23–24, 25–27.

76. Благодарю А.А. Стоянову за детальные консультации по памятникам Крыма.

77. Погребова Н.Н. Мавзолей Неаполя Скифского // КИИМК. Вып. XXI. М., 1947. С. 22–31. С. 30. Рис. 12,1; Шульц П.Н. Мавзолей Неаполя Скифского. М.: Искусство, 1953. 88 с. С. 86. Табл. CLVII, 17, 18, 57–59, 69; Сымонович Э.А. Египетские вещи в могильнике Неаполя Скифского // СА, 1961. № 1. С. 270–273. С. 271. Рис. 1,1–3. С. 272; Махнева О.А. Склеп с египетскими изделиями на восточном участке некрополя Неаполя Скифского // Записки Одесского археологического общества, Т. II (35). (Отв. ред. М.С. Сеницын). Одесса: Маяк, 1967. 306 с. С. 191–196. С. 192–193; Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму // САИ. Вып. Д1-7. М.: Наука, 1991. 140 с. Табл. 69, 21–24.

78. Грач Н.Л. Некрополь Нимфея. СПб.: Наука, 1999. 328 с. С. 57. Табл. 46,5. С. 151. Табл. 169,5.

79. Кортусова В.Н. Некрополь «Золотое» (к этнокультурной истории Европейского Боспора). Киев: Наукова Думка, 1983. 184 с. С. 124. Табл. XII,10. С. 142. Табл. XXX,8.

80. Фонды ГМНВ, 743. Кр.-IV.

81. Фонды ГМНВ, 733. Кр.- IV.

82. Фонды ГМНВ, 756. Кр.- IV.

83. Фонды ГМНВ, I.5-294.

84. Фонды ГМНВ, I.5-63.

85. Фонды ГМНВ, № 152.

86. Фонды ГМНВ, № 21.

87. Фонды ГМНВ, № 27.

88. Фонды ГМНВ, КП № 53182/97.

89. Носкова Л.М., Кожухов С.П. Меотские погребения Ново-Вочепширского могильника (по материалам раскопа 1985–1986 гг. // Меоты – предки адыгов (Отв. ред. Н.В. Анфимов). Майкоп, 1989. 159 с. С. 129. С. 138. Рис. 6,5, а-д; ГМНВ, 208–212, Кр.-IV; ГМНВ, НВЧМ, № 195.

90. *Анфимов Н.В.* Тахтамукаевский могильник // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т. II. (Ред. Н.В. Анфимов). Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 1961. 221 с. С. 188–207; археологические фонды НМРА, № 12090.

91. *Сазонов А.А.* Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского. Вопросы Археологии Адыгеи. (Отв. ред. Д.Х. Мекулов). Майкоп, 1992. 299 с. С. 244–274. С. 255. С. 262. Рис. 4.16; Фонды НМРА, № 11970/72; Акт № 125 от 23. 12. 1989.

92. *Скрипкин А.С.* Изделия из египетского фаянса у сарматов Поволжья // Историко-краеведческие записки. Вып. III. (Отв. ред. Б.С. Абалихин). Волгоград: Нижневолжское книжное издательство, 1975. 168 с. С. 92–97. С. 92–93.

93. *Мошеева О.Н.* Египетский фаянс в сарматских погребениях Нижнего Поволжья // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 11. (Отв. ред. А.С. Скрипкин). Волгоград, ВолГУ, 2010. 422 с. С. 147–169. С. 163. Табл. 1,42–64.

94. *Медведев А.П.* Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж: ВГУ, 1990. 217 с. С. 36. Рис. 10, 11–17. С. 37. Рис. 11, 24–27.

95. *Дзnelадзе Е.С.* Фаянсовые фигурные изделия из Молочановского могильника // Материалы 6 международной кубанской археологической конференции. Краснодар: Эко-Инвест, 2013. 498 с. С. 110–112; *Дзnelадзе Е.С.* Египетский фаянс из сарматского погребения Молочанского могильника // Варварский мир североPontийских земель в сарматскую эпоху. Сборник статей к 60-летию А.Н. Дзиговского. (Отв. ред. Е.В. Смынгына). Киев: Выдавец Олег Філюк, 2013. 246 с. С. 176–183; *Дзnelадзе Е.С.* Египетский фаянс у поздних скифов Нижнего Днепра // Археологія і давня історія України. Випуск 2 (19). Старожитності раннього залізного віку. Київ, 2016. С. 68–73. С. 69. С. 70. Рис. 2.1-6; *Дзnelадзе О.С.* Намисто та підвіски сарматів Північного Причорномор'я. Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук. Київ, 2016. 19 р. Р. 10.

96. *Левина Э.А., Островерхов А.С.* Античные фаянсы в собрании Одесского археологического музея // Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья. Сборник научных трудов. (Отв. ред. Т.Л. Самойлова). Киев: Наукова Думка, 1989. 130 с. С. 109–118. С. 111. С. 117. Рис. 1,9–10.

S.B. BURKOV

CATALOGUE OF S.I. KHODZHASH AS THE SOURCE FOR RESEARCH OF THE ANCIENT EGYPTIAN SCARABS

The article is an analysis of a catalogue developed by S.I. Khodzhash. The catalogue contains images drawn on the Egyptian scarabs, on the seals and on the plates, as well the small shaped objects kept in the museums of Russia, Ukraine, Transcaucasia and Baltic area as of 1999. The article presents general characteristics of the catalogue. It considers the efforts made by the author to apply various methodical approaches to describe the mentioned objects. The article mainly focuses on the amulets made of so called "Egyptian faience" kept in the museums of the Russian Federation. It lists the objects which were not recorded by S.I. Khodzhash when he developed the mentioned catalogue; it indicates the places where the objects are kept, and makes references to the literature where the objects were published. It is concluded that the topic linked to identification of the scarabs and other shaped objects made of faience found on the territory of Russia and the adjacent countries, needs to be further studied.

Keywords: a catalogue, amulets, Egyptian faience, the museum funds, scarabs, tombs, the archeological sites, pendants, excavations.

V.A. Fomenko
(Nalchik)

**ABOUT SOME ACTUAL ISSUES OF SOCIO-ECONOMIC
AND ETHNIC-CULTURAL DEVELOPMENT OF THE NORTHWESTERN
AND CENTRAL CAUCASUS IN ANCIENT TIMES
AND THE MIDDLE AGES***

The article is devoted to the topical issues of socio-economic and ethnic-cultural development of the population in the Northwestern and Central Caucasus in ancient times and the Middle Ages (second half of the 2nd millennium BC – mid 2nd millennium BC). While considering it, the author focuses on the current data of regional archaeology. The work emphasizes the significance of objective (strictly archaeological) determination of ancient and medieval cultures in the North Caucasus. It discusses some ethnic-cultural markers of the ancient Adyghe in the Fore-Caucasus (burial mounds and dolmens). The paper analyzes the processes of formation the Old Kabardian archaeological culture and the East Adyghe (Kabardian) ethnos in the 17th–18th centuries.

Keywords: Northwestern Caucasus, Central Caucasus, antiquity, Middle Ages, socio-economic development, ethnic-cultural development, archaeological sites, archaeological cultures, the Adyghe, ethno-cultural markers, burial mounds, dolmens, Old Kabardian archaeological culture, East Adyghe (Kabardian) ethnos of the 17th–18th centuries.

Natural and geographical conditions of internal, i.e., remote from the sea, areas of the Northwestern and Central Caucasus are quite diverse. According to modern data on regional monuments, the settled or seminomadic population considered the strip of foothills and lowlands, stretching along the Greater Caucasus Mountain Range, the most appropriate for living. The woodlands were a southern boundary of this strip. It is no coincidence that the archaeological cultures, dominant in the Central Fore-Caucasus, such as the so-called Late Alanian culture of the 10th–12th centuries¹ and the Old Kabardian culture of the 14th–17th centuries² were spread in the foothills. The significant part of the territory of North Caucasus is mountainous. Highlands, in general, are not appropriate for people's life. However, in the mountainous zone of the Northwestern and Central Caucasus there were intermountain areas and plateaus, inhabited by people in ancient times and the Middle Ages.

Integrated research shows that livestock breeding was probably a backbone of the economy of most population in the Northwestern and Central Caucasus in the late Bronze Age and the subsequent periods. Terraced agriculture prevailed in some subregions in certain periods (for example, in the Kislovodsk district in the Late and Final Bronze Ages, as well as in the Pre-Scythian time)³. Apparently the production of many tools, such as bronze axes and sickles (found in buried treasures), is associated with the construction of terraces. The abundance of bronze sickles and other agricultural equipment indicates their

* For the first time this article was published in the Russian language. See: *Fomenko V.A. About some Actual Issues of Socio-Economic and Ethnic-Cultural Development of the Northwestern and Central Caucasus in Ancient Times and the Middle Ages // Modern Trends in the Development of Science and Technology. Belgorod: APNI, 2016. № 7–3. P. 88–92.*

significant role in trade and exchange processes. The spread of bronze axes of the so-called working type is obviously connected with timber harvesting - the fuel necessary for bronze production and processing⁴. In general, monuments of the Northwestern and Central Caucasus in the 15th-7th centuries BC are insufficiently studied.

In western and central regions of the Fore-Caucasus the complexes of the 8th-7th centuries BC indicated the strengthening of role of military leaders - tribal chiefs and their associates. The more or less considerable part of warriors became involved in military campaigns in the South Caucasus⁵. However, the material interests of most participants in these apparently very long campaigns remain unclear.

The issue of objective (strictly archaeological) determination of ancient and medieval cultures in the North Caucasus is relevant very. The terms, such as North Caucasian, Koban, Alanian cultures (or rather – their most common interpretation), do not correspond to the modern level of knowledge of monuments and should be clarified.

The so-called Early Alanian culture of the 2nd-4th centuries, recently identified in the Central Fore-Caucasus and the Terek River Area, was also unilaterally connected with the Alans⁶, although the tradition of building massive earthen fortifications was popular among the population of the Central Fore-Caucasus in the 1st millennium BC and was greatly developed by the Meotes in the Northwestern Caucasus⁷.

In the medieval history of the North Caucasus the role of Byzantium in the socio-political, economic and cultural development of local population is studied insufficiently. It concerns both coastal areas of the Northwestern Caucasus and the Central Fore-Caucasus. It is generally believed that the Byzantine influence was mainly reduced to the formal spread of Orthodoxy among the region's population⁸. However, in my opinion, the impact of the Byzantine Empire on the North Caucasus was much stronger. The functioning of branches of the Transcaucasian Silk Road, the formation of settlements of the agricultural and artisan population in the Kuban River Area in the 8th-9th centuries, the resettlement of the so-called Late Alanian archaeological culture in the foothills of the Kuma River Area and the Terek River Area in the 10th-12th centuries, as well as the construction of stone churches and fortresses apparently did not do without the participation of Byzantines.

As well as the history of the impact of Byzantine civilization on the inhabitants of the North Caucasus, the history of the autochthonous Adyg population of the North-West and Central Caucasus remains insufficiently studied. The research, carried out by archaeologists and anthropologists, suggests that the earliest ancestors of the modern Adyghe lived in the foothills of the North Caucasus 12-10 thousand years ago⁹. There is reason to believe that steppe, foothill and mountain areas of the Western and Central Caucasus were inhabited by people speaking the language similar to the Adyghe language till the Late Middle Ages.

Considering traditionally charactered ethnic markers of the ancient Adyghe population in the Fore-Caucasus – burial mounds and megaliths (including dolmen), we can conclude that they are unlikely to cover the entire ethnic range. The case study of dolmens reveals that the culture formed in the 3d Millennium BC flourished in the 2nd Millennium BC, and at the end of that Millennium faded. Dolmen (more precisely, dolmenoid) constructions were very rare in the

Kuban River Area in the Late Bronze Age and the Early Iron Age. Only in the Early Middle Ages the tradition of building dolmens was reborn, still on very limited areas (for example in the Upper Kuban River Area)¹⁰. Dolmens and other megaliths, as well as large burial mounds, were primarily places of worship and their construction was connected with the spread of certain cults among some ancient Adyghe people. At the same time, less time consuming and noticeable ground cemeteries, consisting of pits and stone boxes, were common.

Since the 1970s Russian historiography has believed that burial mounds of the Old Kabardian culture of the 14th–17th centuries are the most ancient and the only monuments created by ancestors of the modern Adyghe, including the Kabardians, in the Upper Kuban River Area, the Kuma River Area and the Terek River Area¹¹. These numerous mounds serve as ethno-cultural indicators that the East Adyghe (Kabardian) population lived on a significant part of the Fore-Caucasus. Besides, the beginning of the formation of the Old Kabardian culture is archaeologically recorded in the Trans-Kuban area in the 13th–15th centuries. Probably, this culture was based on the periphery of the Belorechensk culture – the population that built modest burial mounds in the Severskiy and Goryacheklyuchevskiy districts of Krasnodar region¹², almost identical to the Old Kabardian antiquities in the Pyatigorie District and the Terek River Area.

However, as mentioned above, there is reason to believe that in the steppes, foothills and mountains between the rivers Laba and Argun in the period from the Bronze Age to the 13th–15th centuries there lived the population speaking language similar to that of the modern Adyghe. I believe, this ancient and medieval Adyghe population is the following: Kuban center of metallurgy and bronze processing and Kamennomost-Berezovka cultures; culture of the population, created Nartanskiy¹³ and some other burials of the Scythian period; culture of the Adyghe of the Upper Kuban River Area and the Terek River Area, who belong to the Alanian union of tribes¹⁴; and many other groups of indigenous population of the study area. The Old Kabardian culture of the 14th–17th centuries¹⁵ was only one of the last stages in the formation of the East Adyghe (Kabardian) ethnic group, it included the Upper Kuban River Area and Central Caucasus substratum and the Late Western Caucasus impetus of mound burial¹⁶.

Despite the fact that, according to archaeological data, some Adyghe people adhered to the traditions of Islam already in the 14th–15th centuries, the complete transformation of the Old Kabardian (mostly pagan) culture into the rather Islamized Kabardian culture was quite long and continued mainly during the 17th–18th centuries¹⁷.

Endnotes

1. *Kuznetsov V.A.* To the Issue on the Late Alanian Culture of the North Caucasus // Soviet Archeology. Moscow, 1959. №. 2. P. 97–118; *Savenko S.N.* Characteristics of Social Development of the Alanian Society According to the Materials of Catacomb Burials of the 10th–12th Centuries // Ph.D. in History Dissertation Abstract. Moscow: MSU, 1989.

2. *Fomenko V.A.* Old Kabardian Culture: Stages of Development and Spread Limits // the Peoples of the North Caucasus and Russia (to the 450th Anniversary of the Union and Unity of the Peoples of Kabardino-Balkaria, Adyghea, Karachay-Cherkessia and

Russia). Materials of the Conference. Nalchik: Institute of Humanitarian Researches of Government of KBR and KBSC of the RAS, 2007. P. 59–67.

3. *Korobov D.S.* Settlement Stages of the Kislovodsk Basin according to Archaeology // Short Messages of Institute of Archeology of Russian Academy of Sciences. Moscow, 2013. Vol. 228. P. 23–26.

4. *Fomenko V.A.* Some Relevant Issues of the History of Population in the Northwestern and Central Caucasus in the Era of the Late and Final Bronze and the Early Iron Age (15th-7th Centuries BC) // From History of the Peoples' Culture in the North Caucasus. Stavropol: North Caucasus Federal University, 2016. Vol. 8. P. 9-20.

5. *Dudarev S.L.* From the History of Relations of the Caucasian Population with the Cimmerian-Scythian World. Grozny: Chechen-Ingush State University, 1991. P. 34-61.

6. *Gabuev T.A., Malashev V.Yu.* Monuments of the Early Alans of the Central Areas of the North Caucasus. Moscow: Taus, 2009.

7. *Kamenetskiy I.S.* History of the Research in the Meotes. Moscow: Taus, 2011. P. 221–229; *Fomenko V.A.* The Finds of So-Called Cylinder Incense Burners of Sarmatian Period in the North Caucasus // Theory and Practice of Social Development. Krasnodar, 2015. No. 22. P. 124-126; *Fomenko V.A.* On One Type of North Caucasian Ceramic Vessels of the Sarmatian Time (Cylinder Incense Burners) // Study and Preserve of Archaeological Caucasian Population's Heritage. 29th Krupnov's Readings. Materials of International Scientific Conference. Grozny, 2016. P. 175–176.

8. *Kuznetsov V.A.* Christianity in the North Caucasus until the 15th Century. Vladikavkaz: IR, 2002; *Malakhov S.N.* Alania and Byzantium. Source Study Aspects of Political and Religious Ties. Moscow: SAM, 2015.

9. *Romanova G.P., Kharitonov V.M.* Morphological features of the human skull of the Paleolithic in the Canopy Satanay // Issues of Anthropology. Moscow, 1984. № 73. P. 49; *Autlev P.U.* On Ethnogenesis of the Adyghe // The Meotes – Ancestors of the Adyghe. Maikop: Adyghe Research Institute, 1989. P. 7.

10. *Fomenko V.A.* Dolmenoid Tombs from the Upper Kuban River Area Dated by Epochs of the Early Middle Ages (the Questions of Chronology and Cultural Ethnic Determination) // Bulletin of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the RAS. Nalchik, 2011. Vol. 4 (42). P. 59–65.

11. *Rtveladze E.V.* To the Issue on the Time of Mass Migration of the Kabardins to Central Part of the North Caucasus // 3d Krupnov's Readings. Grozny: Chechen-Ingush Research Institute, 1973. P. 20-21; *Nagoev A.Kh.* Medieval Kabarda. Nalchik: EI'-FA, 2000; *Kuznetsov V.A.* Introduction to Caucasian Studies (Historical-Ethnological Essays on the Peoples of the North Caucasus). Vladikavkaz: North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2004.

12. *Narozhnyy E.I., Sokov P.V.* Excavations of Burial Mounds near the Stanica Krepostnaya // Archaeology, Ethnography and Local History of the Kuban. Armavir; Krasnodar, 2002. P. 19-20; *Vinogradov V.B., Narozhnyy E.I., Shaova S.D.* From Medieval History of the Aphips Gorge // Archaeology, Ethnography and Local History of the Kuban. Armavir; Krasnodar, 2002. P. 32–34.

13. *Batchaev V.M.* Ancientries of the Pre-Scythian and Scythian Periods // Archaeological Research on New Constructions in Kabardino-Balkaria in 1972–1979. Nalchik: Elbrus, 1985. Vol. 2. P. 19–54, 62–115.

14. *Fomenko V.A.* Northwestern and Central Caucasus in Ancient Times and the Middle Ages (Second Half of 2nd Millennium BC - mid 2nd Millennium BC): Review of Topical Issues of Socio-Economic and Ethnic-Cultural Development. Nalchik: Publishing Department KBIHR, 2015. P. 81.

15. *Fomenko V.A.* Old Kabardian Culture ... P. 59-67.

16. *Fomenko V.A.* Northwestern and Central Caucasus ... P. 81.

17. *Fomenko V.A.* Northwestern and Central Caucasus ... P. 81.

В.А. ФОМЕНКО

**О НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ ВОПРОСАХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
И КУЛЬТУРНО-ЭТНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО
И ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

Статья посвящена ряду актуальных вопросов социально-экономического и культурно-этнического развития населения Северо-Западного и Центрального Кавказа в древности и средневековье (вторая половина II тыс. до н.э. – середина II тыс. н.э.). При рассмотрении этих вопросов автор стремился опираться на современные данные региональной археологии. В работе подчеркнута актуальность проблемы объективного (сугубо археологического) выделения древних и средневековых культур на Северном Кавказе. Рассмотрены некоторые этнокультурные маркеры древнего адыгского населения Предкавказья (курганы и дольмены). Анализируются процессы формирования старокабардинской археологической культуры и восточноадыгского (кабардинского) этноса XVII–XVIII вв.

Ключевые слова: Северо-Западный Кавказ, Центральный Кавказ, древность, средневековье, социально-экономическое развитие, культурно-этническое развитие, археологические памятники, археологические культуры, адыгское население, этнокультурные маркеры, курганы, дольмены, старокабардинская археологическая культура, восточноадыгский этнос XVII–XVIII вв.

В.А. Фоменко
(г. Нальчик)

АРХЕОЛОГИ Н.А. ШАФИЕВ И А.Х. НАГОЕВ – ИССЛЕДОВАТЕЛИ КУРГАНОВ СТАРОКАБАРДИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Статья продолжает серию био-библиографических работ по истории археологического изучения территории Кабардино-Балкарской республики. В 2016–2017 гг. были опубликованы небольшие очерки о Гаврииле Иосифовиче Ионе, Панаите Георгиевиче Акритасе, Вере Ивановне Горемыкиной. Настоящая работа посвящена видным кабардинским ученым, археологам-медиевистам, кандидатам исторических наук – Нажмудину Абдурахимовичу Шафиеву и Анатолию Хамзетовичу Нагоеву. В статье кратко рассмотрены основные вехи их жизни и научного творчества.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Кабардино-Балкарская АССР, Кабардино-Балкарский государственный университет, Кабардино-Балкарский НИИ, Н.А. Шафиев, А.Х. Нагоев, археологические исследования, старокабардинская археологическая культура.

Нажмудин Абдурахимович Шафиев (1932–1991) родился в с. Заюково в семье учителя заюковской сельской школы Абдурахима Масхудовича Шафиева (1896–1942) и был внуком зажиточного священнослужителя Масхуда-Эфенди Мухамедовича Шафиева (ум. 1908). Отец Нажмудина Шафиева Абдурахим Масхудович погиб на фронте в 1942 г.

Среднее образование Нажмудин Шафиев получал в сельской школе и в г. Нальчике, где окончил десятилетку в 1950 г. Затем Нажмудин поступил на исторический факультет Московского государственного университета, служил в армии, заведовал военно-физкультурным отделом Кабардино-Балкарского обкома ВЛКСМ.

По окончании МГУ в 1960 г. Н.А. Шафиев был принят на работу преподавателем в Кабардино-Балкарский государственный университет на кафедру всеобщей истории. В том же году поступил в аспирантуру Академии наук Грузинской ССР. В 1964 г. Нажмудин Абдурахимович был переведен на должность старшего преподавателя¹. В 1970 г. на конкурсной основе Н.А. Шафиев был назначен заведующим кафедрой всеобщей истории КБГУ, где и работал почти до конца жизни².

Н.А. Шафиев известен как увлеченный археолог, проводивший в 60-х гг. многолетние археологические разведки и раскопки. Эти научные исследования были сосредоточены в основном в среднем течении реки Баксан. Нажмудин Абдурахимович исследовал расположенные здесь бескурганые и курганные кабардинские позднесредневековые могильники Юашхъэ бын и кхъузанэххъэ. К этим раскопкам привлекались студенты КБГУ (археологическая практика). Среди учеников Н.А. Шафиева можно назвать Джебраила Хаджибирамовича Мекулова, ставшего доктором исторических наук, но, к сожалению, не ставшего археологом³.

Итогом археологических поисков Нажмудина Абдурахимовича Шафиева стали ряд научных статей об истории восточных адыгов⁴, а также

выпущенная им в 1968 г. монография «История и культура кабардинцев в XIV–XVI вв.»⁵. На основе собранных материалов Н.А. Шафиев создал в КБГУ археологический музей. В 1969 году Нажмудин Абдурахимович в Тбилиси в Институте истории, археологии и этнографии им. И.А. Джавахишвили Академии наук Грузинской ССР защитил кандидатскую диссертацию⁶.

Одновременно и после Нажмудина Абдурахимовича Шафиева (1932–1991) в КБГУ работали и другие археологи (Мизиев Исмаил Мусаевич (1940–1997), Бетрозов Руслан Жамалдинович (1940–2014) Кереев Бетал Мурадинович (1946–2009)), однако преподавательская и научно-исследовательская деятельность Н.А. Шафиева представляет собой интереснейшую страницу в развитии археологической науки в Кабардино-Балкарии.

Нагоев Анатолий Хамзетович (25.09.1938–5.11.1993) родился в селении Нартан близ города Нальчик. Историческое образование получил в Кабардино-Балкарском государственном университете. Во время учебы принимал участие в археологических экспедициях В.И. Горемыкиной. После окончания университета работал учителем истории в Омской области и Терском районе КБАССР.

В январе 1968 г. А.Х. Нагоев был приглашен на работу в одну из экспедиций Кабардино-Балкарского НИИ. В 1969–1972 гг. обучался в аспирантуре Института археологии АН СССР под руководством Е.И. Крупнова и С.А. Плетневой. В 1972 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Материальная культура кабардинцев в эпоху позднего средневековья».

После окончания аспирантуры в 1972 г. А.Х. Нагоев вернулся в Кабардино-Балкарский НИИ, где работал младшим, а с 1973 г. – старшим научным сотрудником отдела археологии⁷.

В те годы сектор археологии КБНИИ возглавлял кандидат исторических наук И.М. Чеченов. Сотрудниками сектора в конце 60-х – 80-х гг. были Бетрозов Р.Ж., Батчаев В.М., Мизиев И.М. (до 1976 г.), Кереев Б.М.⁸ Все сотрудники сектора археологии (кроме И.М. Чеченова), также как и А.Х. Нагоев, прошли обучение в аспирантуре (Бетрозов Р.Ж. в Тбилиси, остальные в Москве).

Под руководством И.М. Чеченова сектор археологии КБНИИ проводил многолетние масштабные археологические экспедиции на новостройках Кабардино-Балкарии⁹. Анатолий Хамзетович вместе с другими археологами КБНИИ был постоянным, весьма активным участником этих полевых научных исследований и соавтором первого издания их материалов¹⁰.

Основным научным результатом деятельности отдела (сектора) археологии КБНИИ 60-80-х гг. было издание материалов проводимых экспедиций. Сотрудниками сектора был подготовлен и опубликован капитальный коллективный труд (3 тома общим объемом около 75 п.л.). Это масштабное издание получило диплом I степени на Межрегиональной выставке научных работ в Ростове-на-Дону в 1989 г.

А.Х. Нагоев был непосредственным участником создания (соавтором) I и III томов. В первый том вошла совместная с Р.Ж. Бетрозовым работа «Курганы эпохи бронзы у сел. Чегем I, Чегем II и Кишпек»¹¹, а в третий том – другая индивидуально написанная им статья «Итоги раскопок кабардинских курганов на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1977 гг.»¹².

Новостроечные работы и публикация их материалов отнимали много времени и сил. И основная тема научных интересов А.Х. Нагоева - проблемы позднесредневековой археологии и истории кабардинцев - была как бы на втором плане. В 1981 г., по материалам диссертации, была опубликована первая самостоятельная монография А.Х. Нагоева¹³. Всего им было опубликовано около 30 научных работ (в основном по изучению и интерпретации кабардинских курганов XV-XVII вв. на территории Кабардино-Балкарии). Вторая монография Анатолия Хамзетовича «Средневековая Кабарда»¹⁴ вышла посмертно при активном содействии коллеги и друга автора – Б.М. Керефова.

Следует сказать также, что, к сожалению, многие вопросы позднесредневековой археологии восточных адыгов остались не затронутыми в публикациях А.Х. Нагоева. Его узкая направленность на изучение кабардинских курганов XV–XVII вв. на территории Кабардино-Балкарии, определенная, видимо, еще его научным руководителем – С.А. Плетневой и поддерживаемая заведующим сектором археологии КБНИИ И.М. Чеченовым, сильно ограничивала возможности ученого. А.Х. Нагоев в своих исследованиях опирался в основном на материалы раскопок в Кабардино-Балкарии в 1972–1977 гг. Материалы из сопредельных регионов Пятигорья, Верхнего Прикубанья, Северной Осетии, Ингушетии и Чечни использованы явно не в полной мере. Практически не рассматривались материалы позднесредневековых бескурганых могильников, известные в долине Баксана¹⁵ и других местностях¹⁶. Фактически не использовался богатейший пласт фольклора, связанный с курганами¹⁷. Не рассматривался вопрос о происхождении и эволюции обряда сооружения курганной насыпи над погребением в древней и раннесредневековой культуре адыгов¹⁸.

В 80-х и начале 90-х гг., когда объем новостроечных работ сектора археологии КБНИИ сократился, и больше стало уделяться внимания разведкам и паспортизации памятников, А.Х. Нагоевым и другими сотрудниками сектора были открыты и частично изучены новые курганные могильники XV–XVII вв.¹⁹, материалы которых ввиду безвременной кончины Анатолия Хамзетовича в 1993 г. в основном остались необработанными и неопубликованными. Уникальные же находки из раскопок Зарагижского курганного могильника, хотя и частично попали на страницы публикации²⁰, к сожалению, интерпретировались как несвязанные с историей адыгов.

Тем не менее, несмотря на отдельные недостатки в работе, большой вклад Анатолия Хамзетовича Нагоева в изучение позднесредневековых адыгских курганов бесспорен. Надеемся, что результаты его раскопок и разведок в последние годы жизни будут полностью введены в научный оборот.

Примечания

1. Гедгафов А. Педагогический стаж семьи – 150 лет // Литературная Кабардино-Балкария. Нальчик, 2010. Вып. 6. С. 108, 111.

2. Гедгафов А. Педагогический стаж ... С. 111.

3. Мекулов Дж.Х. Адыго-кабардинские могильники XIV–XVI вв. // Сборник тезисов докладов X Всесоюзной археологической студенческой конференции.

М., 1964; *Мекулов Дж.Х., Шафиев Н.А.* Кабардинский грунтовый могильник XIV–XVI вв. // Сборник научных работ аспирантов. Нальчик, 1965. С. 118 и сл.; *Мекулов Дж.Х.* Тайны древних погребений. Майкоп, 1999. 56 с.

4. *Мекулов Дж.Х., Шафиев Н.А.* Кабардинский грунтовый могильник XIV–XVI вв. // Сборник научных работ аспирантов. Нальчик, 1965. С. 118 и сл.; *Шафиев Н.А.* Некоторые итоги археологической экспедиции КБГУ за 1963 г. // Сборник научных работ аспирантов. Нальчик, 1965. Вып. 1. С. 93–118; *Шафиев Н.А.* Из истории позднесредневековой культуры кабардинцев // Ученые записки КБГУ. Нальчик, 1966. Вып. 32. С. 167–178.

5. *Шафиев Н.А.* История и культура кабардинцев в период позднего средневековья (XIV–XVI вв.). Нальчик, 1968. 163 с.

6. *Шафиев Н.А.* Культура кабардинцев в период позднего средневековья (XIV–XVI вв.) (по данным археологических, письменных и этнографических источников) // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Нальчик, 1969. 19 с.

7. КБИГИ 75 лет. Нальчик, 2001. С. 65–67.

8. Институт гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН 1926–2006. Нальчик, 2006. С. 12–13; КБИГИ 75 лет. Нальчик, 2001. С. 56–74; КБИГИ 1926–2016: наука в лицах (юбилейное издание). Нальчик, 2016.

9. *Фоменко В.А.* К истории археологического изучения территории Кабардино-Балкарской республики (сектор археологии КБИГИ)» // Современные тенденции развития науки и технологий. Белгород, 2016. № 10–4. С. 135–141.

10. *Мизиев И.М., Бетрозов Р.Ж., Нагоев А.Х.* Археологические раскопки 1972 года в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1973. 60 с.

11. Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1984. Т. I. С. 7–87.

12. Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1987. Т. III. С. 170–241.

13. *Нагоев А.Х.* Материальная культура кабардинцев в эпоху позднего средневековья (XIV–XVII вв.). Нальчик, 1981. 86 с.

14. *Нагоев А.Х.* Средневековая Кабарда. Нальчик, 2000. С. 28.

15. *Шафиев Н.А.* История и культура кабардинцев в период позднего средневековья (XIV–XVI вв.). Нальчик, 1968. 163 с.; *Мекулов Дж.Х.* Тайны древних погребений. Майкоп, 1999. 56 с.; *Фоменко В.А.* Могильник XIV–XV вв. у селения Заюково в среднем течении реки Баксан (по материалам Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК) // Археология и этнология Северного Кавказа. Нальчик, 2015. № 5. С. 120–126.

16. *Фоменко В.А.* Пятигорье в XV – середине XVIII в. Пятигорск, 2002. 76 с.

17. *Акритас П.Г.* Археологическая разведка в Кабарде в 1946 г. // Ученые записки Кабардинского НИИ. Нальчик, 1947. Т. II. С. 301–318; *Загазежев Т.Р.* Историко-археологические памятники в селении Аушигер и его ближайших окрестностях // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2011. Вып. 18. С. 49–60.

18. *Фоменко В.А.* Некоторые аспекты изучения ранних этапов культурно-этнической истории народов Северо-Западного и Центрального Кавказа. Курганная насыпь как этномаркирующий признак // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. Курск, 2016. № 12. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://jurnal.org/articles/2016/hist6.html>.

19. *Нагоев А.Х.* Средневековая Кабарда. Нальчик, 2000. С. 28.

20. *Доде З.В.* Средневековый костюм народов Северного Кавказа. Очерки истории. М., 2001. С. 7, 68, 71, 72–79, 81, 111.

V.A. FOMENKO

**ARCHAEOLOGISTS N.A. SHAFIYEV AND A.KH. NAGOYEV – RESEARCHERS
OF BARROWS OF THE OLD KABARDIAN CULTURE**

The article continues a series of bio-bibliographic works on the history of archaeological study of the territory of the Kabardino-Balkarian Republic. In 2016–2017 years short essays about Gavriil Iosifovich Ione, Panait Georgievich Akritas, Vera Ivanovna Goremykina were published. The present work is devoted to prominent Kabardian explorers, archeologists-medievalists, candidates of historical sciences – Nazhmudin Abdurahimovich Shafiyev and Anatoliy Khamzetovich Nagoyev. The article briefly examines the main milestones of their life and scientific creativity.

Keywords: North Caucasus, Kabardino-Balkarian Republic, Kabardino-Balkarian State University, Kabardino-Balkarian scientific research institut, N.A. Shafiyev, A.Kh. Nagoyev, archaeological research, oldkabardian archaeological culture.

О.В. Чумичева
(г. Москва)

ПАРАДОКСЫ «ЧЕРКАССКОЙ ВЕРЫ»: МЕЖДУ ИСЛАМОМ, ХРИСТИАНСТВОМ И ЯЗЫЧЕСКИМИ ТРАДИЦИЯМИ

В статье рассматривается проблема религиозного синкретизма и меры конфессионализации в регионе Северного Кавказа в преддверии Нового времени. Основным и вновь введенным источником является Формула отречения от «черкасской веры», составленная в России в середине XVI века на основе традиционных византийских формул отречения от ислама и других религий и ересей, очевидно, ради крещения новой жены Ивана Грозного – Марии Темрюковны (Гошаней), дочери кабардинского (черкесского) князя Темрюка и некоторых ее родственников и придворных в Москве в 1561 г. Анализ Формулы отречения дает довольно точные данные о религиозных практиках региона. Сравнение этих фактов с некоторой информацией из западноевропейских источников XV–XVIII веков дает возможность идентифицировать данные явления как проявление синкретической религии. Сохраняется основной древний субстрат языческих обрядов и идей и легко адаптируются «чуждые» элементы христианства, ислама, которые регулярно вводятся в эту контактную зону различными силами. Автор утверждает, что отсутствие политического контроля и целенаправленной конфессионализации в регионе Северного Кавказа обеспечили редкую ситуацию независимого развития народной веры синкретического типа.

Ключевые слова: Северный Кавказ, преддверие Нового времени, «черкасская вера», Мария Темрюковна (Гошаней).

Современные представления о структурированном богословии и последовательном соблюдении чинов и правил последователями той или иной религии сталкиваются с серьезным сопротивлением реального исторического материала, не укладывающегося в простые схемы. Попытки упорядочить и идентифицировать чужие учения всегда давались нелегко¹. История описания «черкасской веры» русскими книжниками середины XVI в. позволяет поставить сразу несколько вопросов с целью расширить наше понимание процессов конфессионализации в Восточной Европе.

Прежде всего, необходимо определить, какой феномен получил такое название, и почему его не удалось классифицировать как известную веру, согласно сложившейся в Византии и усвоенной на Руси классификации «иноверий и ересей» (иудаизм, язычество/эллинизм, мусульманство, а также многочисленные отступления от «правой веры» в рамках христианства). Почему потребовалось вводить новую категорию «черкасская вера»? Какие методы были использованы русскими авторами для описания этого феномена? Как соотносятся их сведения с данными других источников о верованиях тех, кого в документе называют «черкасами». На этом основании появляется возможность научного определения «черкасской веры» в контексте религиозной истории.

Главным источником для данной статьи является текст Чина отречения от «черкасской веры», впервые изданный в архиерейском Требнике (М., 1624), но написанный гораздо раньше (авторское название «Аще ли

будет от черкас приходящий к христианстей вере, рцы и сие»)². Чин отречения от «черкасской веры» в этом издании входит в 72 главу и следует за переводным, византийским Чином отречения от «сарацынской веры» (Чином отречения от мусульманства) и предшествует Чину отречения от «арменской веры». Форма анафематизмов «черкасской веры» в точности повторяет византийский канон, сложившийся для такого рода памятников. Подобный принцип генерирования текста на основе старой, привычной формулы с включением нового фактического материала был общим при создании всех поздних византийских чинов – они обычно создавались по модели Чина принятия манихеев или иудеев, самых ранних образцов этого канонического жанра³. Как и в случае с Чином отречения от мусульманства, созданным в XI в., русские авторы прибегают к приему осмеяния «чужого», представляют его не только кощунственным и богопротивным, но и нелепым и комичным. Такая поздняя рецепция стиля «второй софистики» была заимствована опосредованно из традиции полемики с мусульманами и соответствующего Чина при составлении на Руси Чинот отречения от «черкасской» и «арменской» вер. При этом, в византийском чине-прототипе самые странные и абсурдные, на первый взгляд, полемические выпады имели исторические основания и отражали древнюю, но реальную практику арабских доисламских верований⁴. Следует отнести всерьез и к тому причудливому набору предрассудков и суеверий, которые подвергаются осмеянию в Чине отречения от «черкасской веры» и проанализировать их, сопоставляя с известными материалами по религиозной истории Северного Кавказа.

Но для начала надо точно определить, кто такие в данном случае «черкасы»? Термин может иметь три значения. Первое: в 80-х гг. XVI и в XVII в. так зачастую определяли запорожских/украинских казаков, сообщества которых начали складываться еще в XVI в., причиной наименования их «черкасами» было название приднепровского города Черкассы⁵. Однако эта группа «черкасов» была православной и в специальном обращении не нуждалась. Второе: «черкасами» или «черкесами» позднее называли русских казаков, поселившихся на равнине, в предгорьях Северо-Западного Кавказа, по соседству с местными народами; они тоже были православными и сформировались в качестве отдельной категории уже в XVIII веке⁶. Наконец, третье: под именем «черкасов», «черкесов» и «кабардинцев» в русских документах упоминались адыгские народы Северо-Западного Кавказа – адыги, черкесы, кабардинцы и даже абазинцы. Как будет показано в дальнейшем, в Чине отречения от «черкасской веры» речь идет именно о третьей категории⁷.

Зачем и когда был создан данный текст? В XVI в. в Московском царстве происходит активный процесс усвоения и переосмысления древнего византийского и своего наследия, составляются новые редакции текстов, новые компиляции чинов принятия еретиков и инославных. Важнейшим памятником этой эпохи стала Сводная редакция чинов принятия еретиков и инославных, выявленная Т.А. Опариной по 11 рукописям, самая ранняя из которых датируется 1560-ми гг., самые поздние – 1610-ми– 1620-ми гг.⁸ Тот факт, что Сводная редакция была создана – целиком или в каких-то частях – уже в начале 1560-х гг., подтверждается текстом, сохранившимся в двух списках из 11 (РНБ, Софийское собр. 1071, Требник 1610-х гг. с владельческой записью новгородского митрополита Исидора и черной датой

1619 г.; БАН, Арх. Д.232, Сборник учительный из Антониево-Сийского монастыря, 1620-х гг.)⁹; это совершенно новый чин, составленный в России: чин принятия приходящих от «черкас». Время самого раннего бытования текста совпадает с периодом женитьбы Ивана IV в 1561 г. на Марии Темрюковне, дочери князя Большой Кабарды Темрюка Айдарова (до крещения в России она носила имя Кученей/Гошаней), и появлением в Москве родственников и свиты «черкасской» невесты, самым известным, но не единственным из которых был ее брат Салтанкул, ставший на Руси князем Михаилом Черкасским¹⁰. Примечательно, что в тексте Чина «черкасская вера» напрямую названа еще и «кабардинской». Церемония оглашения и крещения невесты проходила в Москве, под руководством митрополита Макария. Вслед за ней крестились и ее братья, и другие «черкасы». Тот факт, что новые родственники царя крестились в Москве, демонстрирует, что христианами их не считали. В дальнейшем многие кабардинцы, поступавшие на русскую службу, крестились в Москве и заключали браки с представителями местной аристократии¹¹. Религиозная принадлежность кабардинцев и других адыгских народов к тому времени сложно поддается описанию, так как на практике присутствовали и христианство, принесенное византийцами и грузинами, и ислам, распространявшийся в регионе с XIII в., и традиционные языческие воззрения¹².

На кого, на самом деле, был ориентирован текст Чина отречения от «черкасской веры»? Полемическое сочинение может иметь одну из трех потенциальных адресных групп. Оно может быть рассчитано на «своих» и служить поучением и предостережением против «чужих», создавать их отвратительный или смехотворный образ; при этом достоверность описания верований и обрядов совершенно не важна. Оно может включать настоящую полемику, т.е. дискуссию с конкретным оппонентом, предполагающую наличие сильных аргументов. Оно может никого ни в чем не убеждать, но фиксировать момент перехода от «чужих» к «своим», обозначать изменение статуса; в таком случае оно должно содержать отречение от реальных позиций и взглядов, но аргументы не требуются. Чин отречения от той или иной веры – и от «черкасской», в частности – по жанру относится к третьему типу. Он должен быть ясным, кратким, основанным на знании «чужого» круга идей, что не исключает формального сходства с первым типом в стилистике – заведомо резкой, пренебрежительной и уничижительной. Также необходимо было охарактеризовать суть отвергаемого учения: является ли оно христианской ересью, допускающей принятие обращенного через покаяние и помазание, или иноверием, требующим крещения. В целом, «черкасы» трактовались в Чине отречения довольно противоречиво: как христиане-еретики, попавшие под влияние мусульман, язычников и католиков, а потому нуждавшиеся в православном крещении¹³. И такая позиция соответствует исторической ситуации при дворе Ивана IV, когда его новых родственников и свойственников крестили – не потому что те были мусульманами или язычниками, а потому что относились к особой, «черкасской вере».

Текст Чина состоит из семи пунктов следующего содержания: 1) «черкасы» соблюдают «бусурманский пост»: днем воздерживаются от пищи, а ночью едят и пьют обильно; 2) в день св. Илии режут козлов, шкуры с головами надевают на шесты и затем устраивают пир из их мяса, совершая некие ритуалы с подношением даров шкурам принесенных в жертву

животных; 3) устанавливают дубовые столбы в честь Богородицы и святых, приносят им в жертву мясо волов или баранов; 4) громко оплакивают покойников «саддукейским обычаем», нанося себе увечья; 5) «черкасы»-кабардинцы почитают некоего еретического «учителя их Ореду»; 6) многому дурному научились у мусульман («бусурман») и католиков («латин»), а также у других еретиков, причем сделали это и сознательно, и невольно.

Оценить точность отдельных характеристик можно лишь путем сопоставления с другими, независимыми материалами о верованиях адыгов, кабардинцев, черкесов, обитавших на Северо-Западном Кавказе – в основном, предгорий. Поскольку данная статья не претендует на широкомасштабное исследование всей религиозной истории региона, позволим себе ограничиться подборкой источников, составленной в 2006 г. В.М. Аталиковым¹⁴. Из 46 приведенных им фрагментов сочинений иностранцев-путешественников в 20 находятся рассказы о тех или иных религиозных обрядах и верованиях; датировка этих свидетельств – с XV до последней четверти XVIII вв. В некоторых случаях авторы дословно переписывали свидетельства предшественников, посещавших Северный Кавказ ранее, так что в действительности оригинальных описаний насчитывается не более полутора десятков, что не так и мало. Цели путешественников варьировались от миссионерства до торговли, от сбора военных данных до научных исследований, позиции рассказчиков в отношении местных жителей также различались, однако фактические данные оказываются весьма схожими между собой и не слишком меняются с течением веков.

Первым из наиболее устойчивых мотивов является культ деревьев и поклонение священным столбам. Это может быть священное дерево возле храма, на котором подвешены символические жертвы в виде крестов, лент и т.п., может быть деревянный столб или крест со шкурой жертвенного животного. Отмечено и существование священных рощ и дубрав. Так, дипломат Иоанн де Галонифонтибус, служивший на рубеже XIV–XV веков в Иране и на Кавказе, поставивший сведения и Сигизмунду I Люксембургскому, императору Мануилу II Палеологу, и Тамерлану, отмечал, что головы жертвенных животных на ветвях деревьев оставляют на пищу духам, «дерево высаживают рядом с церковью, и на него вешают крест, после чего его называют древом господним»¹⁵.

В XVII в. католический миссионер Джованни да Лукка упоминал, что на деревьях, растущих в святилищах, «вешают по обету луки, стрелы, мечи, и благоговение к этим местам столь велико, что величайшие воры не прикасаются к ним»¹⁶.

Палки, сколоченные в виде креста и служившие основой для голов жертвенных животных, упоминали и представители Конгрегации веры в XVII в. Они перечисляли и подношения к таким символам деревьев: «луки, стрелы, старые металлические монеты, клубки ниток, кусочки тафты и медные котлы, в которых варят мясо». Кавказцы называли место посвященным богу¹⁷. Священные рощи и леса у черкесов сохранялись вплоть до конца XIX в., о чем свидетельствуют путешественники и исследователи той поры¹⁸.

Второе – связанное напрямую с первым – это сохранение голов и рогов жертвенных животных на деревьях, кольях, столбах. Святилища, «на которых валяется множество бараньих черепов, оставшихся от курбанов или жертвоприношений»¹⁹, совершенных здесь», описывал в XVII в. католический миссионер Джованни да Лука²⁰. В 1781 г. подполковник Штеден

детально описывал одну из древних церквей, превращенных в святилище, на его взгляд довольно странное.

«Внутри сооружения темно, грязно и нет пола, а середина заполнена обуглившимися остатками убитых жертвенных животных. Головы с рогами, кости и сломанные стрелы лежат в стороне. На восточной стороне имеется несколько выпуклых каменных арок...»²¹.

Такое обращение со шкурами жертвенных животных (баранов в равнинных районах, козлов – в горных) наблюдается по всему Северному Кавказу: помимо адыгских народов, и у осетин, и у ингушей, а также в западной и северной Грузии²².

Третье – это особое почитание Ильина дня, в который закалывали козлов и устраивали ритуальные пиршества. Подробно о ритуалах в честь св. Ильи рассказывал в XVII в. Адам Олеарий. Он указывал, что обряды жертвоприношения сходны в Ильин день и при похоронах: собираются мужчины и женщины, режут козла и

«производят при этом странную дурацкую пробу, годится ли животное в жертву, а именно: они отрезают производительную часть, бросают ее об стену или забор, и если она не прилипнет, но отпадет, то жертва признается недостойной; тогда нужно заколоть другую; если же она прилипнет, то жертва считается избранной. Тогда снимается шкура, растягивается и насаживается на длинный шест».

Мясо «достойного» козла варят, мужчины читают молитвы перед шкурой, затем женщины уходят, а мужчины пьют и едят²³. Акцент на производительной силе жертвы позволяет предположить, что почитание св. Ильи наложилось на древний культ бога-воина, повелителя молний и прародителя. Именно Илья заслужил чрезвычайную популярность по всему Северному Кавказу, и пережитки этого синкретического культа можно наблюдать и в наше время. Например, такие ритуалы были описаны в Мингрелии (праздник Елиоба 30 июля в честь пророка Ильи с закланием козла и аналогичные ритуалы с целью привлечь дожди); в западногрузинских жертвоприношениях козла участвовали и православные священники, заняв место традиционных жрецов. Такая же замена жреца православным священником известна и в Абхазии (собственно, абхазо-адыгский регион)²⁴.

Четвертое – перенесение рогов и шкур жертвенных животных внутрь христианских церквей – действующих или заброшенных, отмеченное впервые путешественниками XVIII в. По сей день груды рогов в углу строения или рога над входом являются характерной деталью северокавказских святилищ²⁵.

Пятое – очевидно, связанное с культом Ильи – это традиция помещать тела убитых молнией животных и людей на деревья, принесение жертв возле них. Самое раннее свидетельство приводит Иоганн Шильдбергер, посещавший Северный Кавказ во время долгого путешествия, длившегося с 1394 по 1427 гг.; он записал, что пиры в честь таких погибших людей устраивают в течение трех дней и повторяют ежегодно, пока «трупы совершенно не истлеют, воображая, что человек, пораженный молнией, должен быть святой»²⁶. В XVII в. о почитании грозы и молний рассказывал французский путешественник Жан Батист Тавернье:

«когда гремит гром, все выходят из селения, и молодежь обоих полов начинает петь и танцевать в присутствии пожилых людей, сидящих вокруг. Если молния убивает кого-нибудь из них, они хоронят его с почестями и считают святым».

В честь такого избранного покойника приносят в жертву белого козла; обряд включает и пиршество, и ритуальную раздачу сыра и хлеба (вероятно, речь идет об одном из священных плоских «осетинских пирогов») ²⁷. Аналогичное описание оставил на рубеже XVII–XVIII вв. голландец Николас Витсен ²⁸. Современные исследования в Ауша-Сел около крупного храма Алби-Ерды в Ингушетии (намного восточнее зоны нашего специального внимания, т.е. региона проживания адыгских народов) также подтверждают широкое распространение таких традиций: святилище – это место сидячего захоронения человека по имени Ауш, убитого молнией ²⁹.

Шестое – громкое, по сути театрализованное оплакивание мертвых. В XVII в. католический миссионер Джованни да Лукка рассказывал:

«Те, которые должны сопровождать покойника до могилы, еще перед входом в его дом принимаются причитать и стонать. Его родственники бичуют себя, а жены царапают себе лицо, меж тем как священник наизусть поет некоторые гимны, окуривает его ладаном и кладет на могилу блин пасты и ставит сосуд с бузой, т.е. пищу и питье» ³⁰.

Жан Батист Тавернье также упоминал погребальные обычаи: «проводя мертвого, родственники и друзья испускают ужасные крики и вой, причем одни наносят себе острыми камнями раны на лице и теле, а другие бросаются на землю, рвут на себе волосы, так что, возвращаясь с похорон, все они залиты кровью. Они убиваются таким образом о мертвецах во время погребения, но после этого не молятся о них, и этим ограничивается весь обряд» ³¹.

Седьмое – отречение от некоего «учителя их Ореду». На первый взгляд, это имя ставит в тупик, поскольку в известном пантеоне адыгских народов такого божества или проповедника нет. Возможно, здесь произошла характерная при обращении с чужим языком персонификация. «Ореду – оре-дада» – возгласение, которое звучит в начале многих священных ритуальных текстов у кабардинцев и черкесов, в частности, в свадебных песнопениях; это означает «великий дед», прародитель. С другой стороны, обращение Оре-дада могло быть связано и с конкретным, но неизвестным нам человеком.

В более поздние времена (в конце XVII в.) зафиксировано и местное предание о мудром человеке по имени Оре-дада, на смену которому пришел другой наставник – Жабаги Казаноко, совершенно реальное историческое лицо. Но и в этом случае Оре-дада – почтительное обращение, а не собственное имя. Не исключено, что оно использовалось и в XVI в. по отношению к другому почтенному человеку ³².

Что касается идентификации верований, путешественники испытывали серьезные затруднения с этим. Они называли местных жителей христианами-яковитами (по мнению флорентийского купца Джованни Тедалди, XVI в. ³³), католиками, православными (так утверждал, например, Сигизмунд Герберштейн в XVI в. ³⁴), язычниками (особенно определенно об этом говорят в XVIII в., когда пытаются оценить верования с «современ-

ной» позиции рационализма и просвещения; например, голландец Николас Витсен называет пиршества и жертвоприношения «глупыми языческими церемониями»³⁵), рассуждали о смешанной вере (например, в XVII в. такое мнение о черкесах высказывал католический миссионер Джованни да Лукка, находивший у них черты мусульманские и православные одновременно; он считал, что «они христиане только по имени»³⁶). Еще в XV в. дипломат Иоанн де Галонифонтибус утверждал, что черкесы «в некоторых обрядах и постах следуют грекам, пренебрегая всеми другими сторонами религии, ибо они имеют свои собственные культ и обряды»³⁷.

В 1711 г. французский дворянин дипломат Обри де ла Мотрэ посетил Северный Кавказ и попытался рационализировать увиденное: он отметил, что часть местных жителей приняли ислам, а другие («горные черкесы») «являются чем-то вроде друидов, поклоняющихся старым дубам и другим деревьям, где, как им кажется, живут какие-то невидимые божества, способные исполнить их мирские просьбы»; он полагал, что у местных жителей нет представления о бессмертии души; хотя они устраивают процессии и празднества с принесением в жертву животных, но «жрецы» их не умеют ни читать, ни писать и ограничиваются несколькими заученными молитвами из разных вероучительных традиций. «В общем, нет ничего более сложного, чем черкесская религия в целом, так как она представляет из себя смесь с другими», заключает Обри де ла Мотрэ³⁸.

Николас Витсен также попытался объяснить религиозную ситуацию на Северном Кавказе: он считал, что христианство некогда пришло в регион, смешалось с язычеством, а затем было вытеснено исламом, что вполне соответствует действительности. Однако для Витсена все служит свидетельством «глупости» и недостатка просвещения, а потому картина предстает нарочито плоской³⁹.

В 1722 г. прусский офицер Петер Брус оценивал черкесов как язычников, которые применяют мусульманское обрезание, но не имеют ни мечетей, ни Корана, зато совершают жертвоприношения в соответствии с «твердо установленным обычаем», т.е. он видел влияние ислама чисто внешнее и неглубокое⁴⁰.

Наиболее серьезное описание ситуации оставил в 1781 г. подполковник Штедер, который проехал через области Малой Кабарды на пути в Осетию. Он утверждал, что жители Северного Кавказа

«почитают одного бога, создателя и кормильца, приносят ему в жертву животных и другие мелочи. Ежегодно они совершают паломничество к священным местам, которыми по большей части являются остатки христианских церквей, которые некогда царицей Тамарой были построены повсюду в горах».

Жертвоприношение совершает старейшина, затем следует общий пир с поеданием мяса жертвенных животных. «От христианства у них не осталось ничего, кроме доброго расположения к нему и презрения к магометанской религии»⁴¹. Те, кто живет ближе к степи, позволяют себя крестить...»⁴².

Примечательно упоминание старинных грузинских церквей, действительно, сохраняющихся в горах и превращенных в святилища неясной принадлежности, а также дружелюбное отношение к христианам. Нечто подобное отмечали представители Конгрегации веры, католические мис-

сионеры XVII в., утверждая, что местные жители охотно крестились, целовали крест, проявляли интерес к новым для них церемониям, собирались, чтобы посмотреть на Евангелие. При этом они говорили, что много лет назад уже приезжали греческие (т.е. православные) священники, крестили «много детей, но с тех пор здесь не бывал больше никто»⁴³. При этом местные жители просили католических священников читать молитвы над могилами ранее усопших, «чтобы к ним не проникали злые духи и болезни»⁴⁴, а затем повели гостей на «корбано (жертвоприношение) – резали быков для душ мертвых», угощали бузой, мясом жертвенных животных и плоским хлебом, установив на столы зажженные свечи⁴⁵. Миссионеры оказались, таким образом, на традиционном поминальном пиршестве. Легкость принятия и православных и католических проповедников, а также устойчивость древних языческих ритуалов не случайно сочетались с редкостью заезжих гостей-миссионеров, не докучавших местным жителям строгим соблюдением христианских ритуалов. Примечателен и диалог, зафиксированный представителями Конгрегации веры. Осмотрев святилище, католические миссионеры заявили, что «плохо насаживать головы на палки... и они ответили, что не почитают эти головы, но ставят их в память о корбанах, которые они проводят в священном месте».

Горцы не стали спорить, когда священник призывал их проводить «правильные» ритуалы в честь покойников, но настаивали, чтобы он раскрыл им «секреты лечения болезней». Гости давали им лекарства, явно воспринятые в качестве магического средства «мудрых и изобретательных... франков»⁴⁶. Безусловно, это были разговоры, в равной мере непонятные для обеих сторон: миссионеры полагали, что просвещают полуязычников-полуправославных, приобщая их к истинной вере, и демонстрируют рациональную силу современной медицины, а черкесы видели в них новых жрецов, не менее, а может и более сильных, чем прежние (греческие/грузинские) и свои собственные. Христианские ритуалы воспринимались как экзотическое, но эффективное дополнение к традиционным, а «Бог франков» был сродни своим богам. При таком условии не возникало внутренних противоречий между «своим» и «чужим», последнее легко и непринужденно встраивалось в устойчивую систему «своей» веры.

Таким образом, многочисленные описания верований народов Северного Кавказа, в том числе непосредственно кабардинцев и черкесов, соответствуют в точности картине, представленной в русском Чине отречения от «черкасской веры». Русские авторы времен Ивана Грозного не могли использовать письменные сведения, известные нам сегодня, так как они относятся, по большей части, к более позднему времени, а документы XV–XVI вв., составленные католическими миссионерами и дипломатами, в России не были доступны. Так что Чин отречения от «черкасской веры» был независимым свидетельством, уместным при обращении в православие родственников Марии Темрюковны, которые без труда могли узнать в тексте свои традиционные обычаи.

* * *

Как же можно оценить «черкасскую веру» с современных позиций? Ситуация и очевидная, и сложная одновременно в парадоксальном сме-

шении разнородных идей и обрядов и их монолитности, с точки зрения самих носителей веры. Если современный исследователь видит противоречие между язычеством, христианством разных конфессий и исламом, то условные «черкесы» (представители разных национальностей региона) его не замечали, легко присваивая интересное для них из приходящих верований, но сохраняя древний, исконный субстрат. Теоретически, контактная зона расселения этих народов требовала либо сохранения своей религиозной идентичности, либо принципиального ее изменения. В истории известно и то, и другое, но жители Северного Кавказа демонстрируют удивительную гибкость мировосприятия в сочетании с нестигаемой верностью своим традициям.

Полагаю, феномен такой живучести базовых верований можно объяснить отсутствием настойчивой и вынужденной конфессионализации и мощного политического центра, способного и заинтересованного в установлении новых богословских норм. Ни Грузия, ни Византия, ни Армения, ни Россия, ни тем более католический мир не могли внедрять христианство в этом регионе последовательно, ограничиваясь единичными и поверхностными контактами. Когда группа кабардинцев приезжает в Москву ко двору Ивана Грозного, принятие православия происходит без затруднений, так как оно кабардинцам вполне знакомо и не вызывает отторжения. Привычка к синкретичности веры не препятствовала политической по сути адаптации в православной среде. Однако у себя дома те же люди предпочитают древние традиции с элементами «чужого», принятого и понятого как «свое» (Илья – громовержец и древний бог-воин и производитель, молитвы и священные книги – вариации оберегов и магических заклинаний и т.д.). С приходом ислама ситуация в значительной степени меняется: на первых порах мусульманские обряды принимаются так же, как ранее христианские, но постепенно происходит истинная конфессионализация, и языческий субстрат в той или иной мере вытесняется из круг базовых ритуалов и воззрений. И все же специфика племенного социального устройства защищает отцовское и дедовское наследие даже в глубине исламизированных территорий.

Существуют ли точные аналоги «черкасской веры» и типологически сходные верования в других контактных зонах? Мы не ставим цели предлагать сейчас исчерпывающую топографию контактных зон и их характеристику, поэтому позволим себе обратиться к случайным, но наиболее ярким примерам сходной религиозной картины. Одной из таких параллелей могут служить синкретические афрохристианские культы, в которых отмечено то же наслоение христианских образов и ритуалов на традиционный субстрат – там причиной стала формальное принудительное обращение при отсутствии реальной глубинной конфессионализации, позволившее сформировать оригинальные и сложные воззрения, обладающие той же вековой устойчивостью⁴⁷. В любом случае, интересно, что феномен синкретизма верований четко осознавался русскими авторами Чина отречения от «черкасской веры», которые последовательно подчеркивали разнообразие элементов целостной системы. Представляется, что синкретические верования Северного Кавказа минувших веков нуждаются в анализе не только как специфическое местное явление – их описанию посвящено немало количество работ, но именно в контексте мировой религиозной типологии.

Чин отречения от «черкасской веры» [по изданию в Требнике. Москва, 1624, л. 50]

Аще ли будет от черкас приходящий к христианстей вере, рцы и сие.

(1) Отрицаюся всех черкасских самозаконных обычаев, их же навькоша, истинных учителей не имущее, ни писания закона христианского своим их языком.

(2) Отрицаюся самоизвольнаго их обычая, иже неведением, яко бусурманским обычаем, в день постятся, а в нощи ядят и пьют неудержанно.

(3) Отрицаюся богопротивнаго их произволения, и проклиная, иже творят по вся лета, сходящееся в день св. пророка Илии, и закаляют многия козлы, и кожи их с главами на шесты возстычют распялившее, и, мясо сварив, на столы поставляют вкупе и с питием, и подносят выпрь под кожи тья, яко некое приношение Богу творити мнятся, и тако сами мясо ядят и питие пьют, сало же козлов тех разделяют на малыя части и врачуются им, яко святынею некоею.

(4) Отрицаюся и молбы их неудобныя, иже мнятся, яко благотворящее от препростия самочинием, дубовыя столпы поставляют во имя Божие и пречистой Богородицы и иных святых, у них же столпов молбы деюще, закаляют волю и бораны и, сварив, то мясо ядят и питие пьют.

(5) Отрицаюжеса и проклиная, иже неведением писания имут, яко саддукейский обычай, и по мертвецех вопль и кричание творят, и лица дерут, и ушеса своя режут.

(6) Отрицаюся и проклиная черкасскую веру кабардинскую, и учителя их Ореду, и единомысленников и сообщников его окаянных, и все учение их проклятое, и нрав и обычай их еретической проклиная.

(7) Отрицаюся и проклиная, аще будут которыя и иныя богомерзския обычаи и ереси навькли суть от бусурман, или от латин и прочих ересей, ведая или не ведая, волею или неволею, и всяких беззаконных дел, явленных и в тайне творимых непотребных Богу, и сия вся проклиная, и отвращаюся и отрицаюся тех, и сочетаваюся истинному и единому Богу.

Примечания

1. Если говорить о православии, достаточно сравнить единую и внутренне упорядоченную систему чинопрядий в русских Кормчих, начиная с печатного издания середины XVII в., и сложные композиции чинов в византийских, славянских и древнерусских рукописных Кормчих разных редакций; об этом см. подробнее: Чумичева О.В. Издание чинов отречения от иных вер в Москве и Киеве в первой половине XVII в. // Книжная старина. Вып. 3. СПб., 2015.

2. Текст целиком приводится в приложении к данной статье; подробнее об архиерейском Требнике 1624 г. и входящих в него чинах отречения от разных вер см.: Чумичева О.В. Издание чинов отречения от иных вер в Москве и Киеве в первой половине XVII в.

3. Более подробно о поздних чинах и принципах генерирования новых формул отречения на основе древних см.: Eleuteri P., Rigo A. Eretici, dissidenti, musulmani ed ebrei a Bisanzio. Una raccolta eresiologicala del XII secolo. Venezia, il Cardo, 1993.

4. Пользуясь случаем поблагодарить за консультации по данной теме Р.М. Шукурова. Этот вопрос детально рассмотрен нами в статье: Чумичева О.В.

Чин отречения от мусульманства в русской рукописной традиции в XIII–XV веках // Вестник церковной истории. М., 2016 (в печати); наиболее обстоятельно эти особенности полемики рассмотрены в монографических исследованиях: *Khoury A.-T. Polémique Byzantine contre l’Islam (VIII–XIII s.)*. Leiden, 1972; *Khoury A.-T. Apologétique Byzantine contre l’Islam (VIII–XIII s.)*. Altenberge, 1982.

5. *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 7–8; *Загоровский В.П.* История восхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991. С. 195.

6. *Казиев Ш.М., Карпеев И.В.* Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. М., 2003. Глава 1. Страна гор и гора языков.

7. См. подробнее: *Горелик М.В.* Черкесы-Черкасы // XXII Крупновские чтения (тезисы докладов). Ессентуки–Кисловодск, 2002.

8. Подробный обзор текста и рукописной традиции см.: *Опарина Т.А.* Изменение чинов принятия западных христиан в русской церковной традиции (до середины XVII в.) // Кормчая книга: от рукописной традиции к первому печатному изданию. М. (в печати).

9. Пользуюсь возможностью выразить глубокую благодарность Т.А. Опариной, которая любезно предоставила мне еще не опубликованные ею сведения о рукописях со Сводной редакцией и с Чином отречения от «черкасской веры», в частности.

10. История этого брака столь подробно описана в разнообразной литературе, что нет смысла приводить какую-то определенную ссылку.

11. См., например: *Дзамихов К.Ф.* К генеалогии западноадыгских Черкасских княжеских родов в XVI–XVII вв. // Известия СКНЦВШ. Нальчик, 1990. № 2; *Он же.* Адыги (черкесы) в политике России на Кавказе (15550-е – начало 1770-х гг.). Нальчик, 2001; и другие работы того же автора.

12. Такая ситуация, с незначительными вариациями, зафиксирована и у адыгских народов, и у вайнахских. См., например: Ингуши. Сборник статей и очерков по истории и культуре ингушского народа. Саратов, 1996. С. 25, 48.

13. Согласно выводам Т.А. Опариной, на протяжении ряда лет изучающей тексты, связанные с приемом католиков в православие, в середине XVI в. на Руси формируется представление, что «латинян» надо принимать только через крещение, наряду с нехристианами, поскольку их крещение не действительно.

14. Северный Кавказ в европейской литературе XIII–XVIII веков. Сборник материалов. Нальчик, 2006. Безусловно, это не все известные материалы по теме, а большинство из цитируемых источников издавались отдельно. Однако преимущество данной подборки в ее компактности и репрезентативности, достаточной для сопоставления с текстом Чина отречения от «черкасской веры».

15. Там же. С. 18.

16. Там же. С. 48. Стрелы, неоднократно упоминаемые в качестве подношения, обычно связаны с молниями и богом-громовержцем.

17. Там же. С. 53–54. О жертвоприношениях рассказывал в XVII в. и французский путешественник Жан Батист Тавернье. Там же. С. 76–78.

18. *Белецкий Д.В.* Материалы к изучению позднесредневекового зодчества Северного Кавказа // Историко-филологический архив. Владикавказ, 2011. № 7. С. 56–57.

19. О том, что представляют собой праздники жертвоприношений – корбано или курбаны, – речь пойдет ниже.

20. Северный Кавказ в европейской литературе XIII–XVIII веков. С. 48.

21. Там же. С. 273. Арки – это, возможно, апсиды христианского храма или остатки аркатуры, в данном случае сказать трудно.

22. *Белецкий Д.В.* Материалы к изучению позднесредневекового зодчества Северного Кавказа. С. 58–59.

23. Северный Кавказ в европейской литературе XIII–XVIII веков. С. 69.

24. *Белецкий Д.В.* Материалы к изучению позднесредневекового зодчества Северного Кавказа. С. 58–59.
25. Там же. С. 57.
26. Северный Кавказ в европейской литературе XIII–XVIII веков. С. 20.
27. Там же. С. 79–80.
28. Там же. С. 84.
29. *Белецкий Д.В.* Материалы к изучению позднесредневекового зодчества Северного Кавказа. С. 43, 58.
30. Северный Кавказ в европейской литературе XIII–XVIII веков. С. 48. «Блин пасть», каким еда представлялась итальянскому миссионеру и/или как было переведено, вероятно, типичный для Северного Кавказа плоский ритуальный пирог, чаще всего с сыром.
31. Там же. С. 81. Надо отметить аналогичные обряды у шиитов – включая знаменитый шахсей-вахсей в честь убитого внука Мухаммеда Хуссейна, и ряд подобных поминальных ритуалов многих восточных народов. Вероятно, это следы древнейшего и широко распространенного обряда приношения собственной крови в жертву умершему в качестве его умиротворения и защиты от возможного возвращения к живым. Сходные обряды описывает и Николас Витсен. Там же. С. 86.
32. Пользуюсь приятной возможностью поблагодарить Аслана Борисовича Бешгоева, указавшего на Сказание о Жабаги и на значение слов «Оредада», а также Д.В. Белецкого.
33. Там же. С. 42.
34. Там же. С. 40. Он говорит о «пятигорских черкесах» (Circassi), называя их также Сікі – зики; оба термина применялись по отношению к кабардинцам.
35. Там же. С. 84.
36. Там же. С. 46–47.
37. Там же. С. 17.
38. Там же. С. 132–133.
39. Там же. С. 88.
40. Там же. С. 140–141.
41. Речь тут идет, скорее, об осетинах, но частично и о черкесах, еще не принявших ислам.
42. Там же. С. 272.
43. Там же. С. 52.
44. Там же. С. 53. «К ним», т.е. к живым от мертвых.
45. Там же. С. 53.
46. Там же. С. 54.
47. Афро-христианские синкретические культы самым детальным образом описаны в литературе, но ограничимся кратким упоминанием: *Асланов Л.А., Сергеева О.А.* Социокультурный феномен Бразилии // Латинская Америка. М., 2005. № 7. С. 60–74.

O.V. CHUMICHEVA

PARADOXES OF THE «CIRCASSIAN FAITH»: BETWEEN ISLAM,
CHRISTIANITY AND PAGAN TRADITIONS

The article deals with the problem of religious syncretism and the measure of confession-ization in the region of the Northern Caucasus in the Early New Time. The basic and newly introduced source is the Formula of abdication of the "Circassian faith" composed in Russia of the mid-sixteenth century on the base of traditional Byzantine formulas of abdication of Islam and other religions and heresies, obviously, for the sake of baptizing a new wife of Ivan the Terrible – Maria Temriukovna (Goshaney), a daughter of a Kabardian (Circassian) prince Temriuk,

and some of her relatives and courtiers in Moscow, in 1561. The analyses of the Formula of abdication gives rather exact data on the religious practices of the region. The comparison of these facts with some information from West European sources of the 15th – 18th centuries provides a possibility to identify the type of the phenomenon as a manifestation of syncretic religion keeping the basic ancient substrate of pagan rites and ideas and easily adapting “alien” elements from Christianity and Islam regularly introduced to that contact zone by various forces. The author argues that the lack of political control and the absence of a purposeful confessionalization in the region of the Northern Caucasus provided a rare situation of independent development of folk faith of the syncretic type.

Keywords: the Northern Caucasus, the Evarly New Time. «Circassian faith», Maria Temriukovna (Goshaney).

А.А. Остахов
(г. Североморск)

Артиллерия черкесов в Кавказской войне (1765–1864)

Статья рассматривает процесс применения черкесами артиллерии в ходе Кавказской войны (1765–1864). В процессе исследования выявлены источники получения пушек черкесами, хронология и тактика их применения.

Ключевые слова: артиллерия, артиллерийская батарея, фальконет, пушечный лафет, канониры, канонирское искусство, внешние поставки оружия, самодельные пушки, военные трофеи.

Немаловажным вопросом в изучении военного искусства черкесов является вопрос об их артиллерии. С одной стороны, он позволяет глубоко понять недостатки адыгского военного дела и крайний предел ресурса его развития. С другой – он наглядно демонстрирует те перспективы, которые могли значительно повысить боевую мощь горцев. Именно этот вопрос ближе всех подводит к раскрытию причин поражения черкесов в Кавказской войне (1765–1864).

Вначале сделаем небольшую ремарку относительно даты начала указанного военного конфликта, ибо дата его окончания не вызывает споров в научной среде. Датой начала Кавказской войны, на наш взгляд, следует считать не 1817 г., а 1765 г. – когда кабардинцы вместе с закубанскими черкесами совершили серию нападений на объекты Терской кордонной линии, в качестве возмездия за отказ российского правительства свернуть строительство Моздокской крепости. Последний момент (1763) послужил поводом к обострению отношений между Кабардой и Россией, ибо первая усматривала в нем посягательство на свою свободу. Попытки адыгов решить эту проблему дипломатическим путем не увенчались успехом: на их требования относительно Моздока, озвученные кабардинской депутацией в лице князя Кайтуко Кайсымова и почетного узденя Шабаз-Гирея Куденетова в Санкт-Петербурге, вице-канцлер А.М. Голицын ответил категорическим отказом (19 декабря 1764). В ответ кабардинцы удалились в горы и в 1765 г. перешли к открытым военным действиям, совершив выше упомянутые набеги в российские пределы. Последние стали первым актом применения вооруженного насилия и повлекли за собой ответные военные действия неприятеля, поэтому именно с этого момента конфликт между двумя сторонами перешел в фазу открытой войны, которая стала разрастаться в масштабах, затягивая, словно водоворот, все северокавказские народы¹. Стоит отметить, по общепринятым историческим канонам датой начала войны считается дата ее официального объявления одной из сторон другой или дата первого акта применения вооруженного насилия, повлекшего ответные военные действия. Кстати, объективность выбранной нами датировки начала Кавказской войны подтверждается тем фак-

том, что основные военные кампании на Центральном (Кабардинском) театре военных действий происходили до 1817 г.: 1765, июнь 1769, осень 1770, май 1772, июнь 1774, январь 1779, весна 1779, август-сентябрь 1779, сентябрь-октябрь 1783, июль-ноябрь 1785, май 1804, июль-сентябрь 1804, март 1805, ноябрь 1810.

Вернемся к рассматриваемой теме, начав со следующего вопроса: каковы были источники получения пушек у адыгов? Для создания собственной артиллерии в Черкесии не было развитой производственной базы и научно-технической инфраструктуры. Господствовавшее у адыгов ремесленное производство обладало ограниченным ресурсом, которого хватало на выпуск кинжалов, шашек, пистолетов и ружей. При этом производство последних сильно зависело от импортных поставок ружейных стволов, т.е. полуфабрикатов. Именно здесь проходила черта предельных возможностей черкесских ремесленников, ибо, несмотря на всю их искусность и мастерство, для производства пушек у них уже не было мощностей.

Поэтому главные источники артиллерии у черкесов носили внешний характер. Всего их было два – османские импортные поставки и русские трофеи.

Основным источником были поставки из Турции. Большинство всех имевшихся у черкесов пушек были турецкого происхождения. Они привозились османскими торговцами на кочермах к восточному побережью Черного моря и обменивались на рабов. Чаще всего это были турецкие фальконеты, легко транспортируемые на небольших судах благодаря малым размерам. В разгар русско-турецких войн (1828–1829, 1853–1856) османское правительство бесплатно поставляло черкесам пушки с боеприпасами². Географический маршрут турецких поставок, оканчивавшийся восточно-черноморским побережьем, обусловил концентрацию всей артиллерии у западных адыгов, тогда как у восточных черкесов ее не было.

Второстепенным источником пополнения артиллерийского парка черкесов были трофейные русские пушки из захваченных в 1840 г. укреплений Черноморской береговой линии. Иногда горцам доставались корабельные орудия с потерпевших крушение российских военных судов, выброшенных морской стихией на черноморское побережье³.

Условно, можно еще выделить третий источник – самодельные адыгские пушки. В отличие от выше указанных, он носил внутренний характер и играл эпизодическую роль. Его появление было обусловлено недостаточностью турецких поставок артиллерии, помноженную на отсутствие у черкесов канонических знаний и навыков. Поэтому адыгские мастера-умельцы пытались сконструировать собственные пушки. Скорее всего, их конструкции были весьма разнообразными, но источники донесли до нас сведения только о двух видах самодельных черкесских пушек.

Первый вид представлял собой железные пушки. В книге Ф.А. Щербинны они датированы 1833 г. Эти орудия изготавливались из железа и не имели классического колесного лафета. Для стрельбы они устанавливались на специальных деревянных подставках и переносились черкесскими артиллеристами на плечах. Однако огонь этих пушек был малоэффективен⁴.

Более экзотическим был второй вид – деревянные пушки. Факт их существования подтверждается свидетельством Дж. Лонгворта и датирован 1840 г. Упомянуто даже имя изобретателя этих пушек – черкесский уме-

лец Шамиз. Какова была их конструкция неизвестно, т.к. автор мемуаров не привел никаких сведений по этому поводу, хотя и назвал ее «гениальной в теории»⁵. На практике пушки Шамиза оказались опасными для самих горцев, а не для русских, ибо при выстреле пороховые газы разрывали непрочный деревянный ствол, поражая артиллерийскую прислугу⁶.

Аналогичное изобретение использовалось тайпинами в Китае во время восстания 1850–1864 гг. Из-за дефицита артиллерии китайские умельцы конструировали одноразовые бамбуковые пушки, разваливавшиеся после первого выстрела. Лишь немногим мастерам удавалось создавать пушки, выдерживавшие несколько выстрелов⁷. Другими словами, в Китае и Черкесии наличие схожих проблем породило сходные методики их решения.

На данный момент трудно определить хронологию начала использования черкесами артиллерии в боевых действиях и процесса ее развития в ходе Кавказской войны. К тому же никто из авторов, участвовавших в этой войне и описывавших адыгское воинство, не задавался таким вопросом. Но игнорировать его, несмотря на все сложности, нельзя. Внимательно анализируя фундаментальный труд В.А. Потто, где собрано и отсистематизировано великое множество фактов по истории Кавказской войны, можно сделать следующий вывод: первое упоминание о применении черкесами пушек в боях с российской армией датировано 1809 г. на территории Натухая, в районе Анапы⁸. До этого момента в хрониках Кавказской войны нет никаких упоминаний по этому поводу. Далее, случаи использования артиллерии горцами зафиксированы в 1820-х гг. на территории Абадзехии⁹. Отсюда напрашивается вывод, что первые пушки попали к черкесам от турок из Анапы и далее распространялись на восток в пределах близлежащего ареала Западной Черкесии; но до восточных адыгов, проживавших на отдаленных землях, они не дошли, чем и обусловлено отсутствие в исторических источниках фактов применения ими артиллерии. В 1830-х годах черкесы периодически использовали артиллерию против постов и крепостей Черноморской береговой и Геленджикской линий, хотя количество этих случаев было незначительным¹⁰.

В начале 1840-х годов горцы активно использовали пушки против крепостей южного участка Черноморской береговой линии, расположенных на территории Убыхии¹¹. После 1841 г. применение артиллерии черкесами резко пошло на спад. Причиной тому, на наш взгляд, был упадок адыгско-турецкой торговли из-за морской блокады Черкесии, породивший острый дефицит пороха и металла. В этих условиях, когда горцам не хватало пороха для ружейных зарядов и металла для пуль, трата столь драгоценных товаров на артиллерию стала непозволительной. Тем более, что результативность пушечного огня черкесов была крайне низкой, при больших затратах на его обеспечение. Поэтому, в данный временной период артиллерийский огонь стал для горцев непозволительной роскошью.

Особый интерес вызывает система организации артиллерии у черкесов в условиях децентрализованного общества. Привезенные турецкие пушки распределялись и передавались на попечение наиболее влиятельным предводителям или уважаемым фамилиям (родам). Орудия хранились в их родных аулах в специальных сараях, а иногда просто под открытым небом. В случае опасности горцы приставляли к ним ночной караул или прятали пушечные стволы в тайных местах, заваливая их хворостом или

закапывая в песке или щебне; ведь российское начальство нередко предпринимало специальные набеги для их захвата или посылало диверсантов, которые, с помощью адыгских лазутчиков, пробирались ночью в аулы и заклепывали орудия¹². Согласно Дж. Лонгворту, в некоторых районах Черкесии была даже специальная должность главного пушкаря («топчи-баши»), отвечавшего за обслуживание местной артиллерии в бою. Для примера, автор приводит одного горца по имени Абдуллах, который был имамом и по совместительству главным пушкарем в районе Аденкум; в свое время он получил образование у турок в Анапе и хорошо разбирался в канонирском деле¹³. Скорее всего, канонирами у черкесов в период 1820–1830-х гг. были их соплеменники, прошедшие обучение или военную службу в турецком гарнизоне Анапы, до момента ее окончательного захвата российскими войсками (1828).

В 1850-х годах развитие артиллерии в Черкесии получило новый импульс, обусловленный, с одной стороны, возобновлением крупных поставок пороха и металла из Османской Турции, а с другой – процессом оформления в регионе двух центров силы – Магомет Эмина и Сефер-бей Зана. В своей деятельности оба лидера уделяли особое внимание созданию собственной артиллерии. Но в боевой жизни она никак себя не показала, ибо в источниках не зафиксированы случаи ее применения против российской армии и казаков. Оба предводителя больше использовали эту артиллерию как инструмент укрепления собственной власти. Пушечный огонь оказывал большое влияние на массовое сознание горцев, отчего сам факт их наличия автоматически повышал авторитет Магомет Эмина и Сефер-бей Зана в их глазах. Поэтому их личная артиллерия была скорее психологическим оружием.

Несмотря на это, рассмотрим данный вопрос более развернуто, т.к. он продемонстрирует технологию создания черкесами артиллерии в условиях полного отсутствия соответствующей базы и инфраструктуры, а также характер изменений в системе ее организации при появлении центров власти. Артиллерия наиба Магомета Эмина создавалась следующим образом. Сначала наиб освободил из горского плена всех русских солдат, имевших отношение к артиллерии, и образовал из них артотряд. Затем он собрал все имевшиеся у закубанских адыгов орудия. Источники их были разнообразны: одни из них были доставлены турками, другие были русскими трофеями, снятыми черкесами с захваченных крепостей Черноморской береговой линии (1840) или с потерпевших крушение российских военных кораблей. Из-за неумения горцев обращаться с ними, они были брошены и пришли в негодность – от них остались одни лишь орудийные стволы, т.к. лафеты, передки и зарядные ящики были разобраны на запчасти из-за дефицита металла. Поэтому после сбора стволов, артиллеристы наиба отобрали из них более-менее пригодные и в ходе ремонта привели в исправное состояние.

Далее Магомет Амин разделил свою артиллерию на две группы – стационарную и полевую. Первая предназначалась для защиты мэгкеме – окружных административных центров, представлявших собой хорошо укрепленные аулы, где жили правители, судьи и муртазеки. На каждый такой аул выделялось по две пушки, которые прикрывались башнями и бастионами из двух рядов плетня, заполненных землей. Другими слова-

ми, стационарная артиллерия по существу являлась крепостной. Полевая артиллерия состояла из двух подвижных пушек, скорее всего являвшихся турецкими фальконетами. Одну из них Магомет Эмин «торжественно взял за собою в тех случаях, когда желал побудить какое-либо племя на соединение с собою»¹⁴.

Артиллерия натухайского князя Сефер-бея Зана начинает фигурировать в источниках с мая 1855 г. На это время пришелся разгар Крымской войны (1853-1856), когда османское правительство в союзе с Великобританией и Францией пытались поднять черкесов на стратегическое наступление в российские пределы. Для этого к натухайцам специально из Сухума прибыл Сефер-бей Зан, вместе с турецким отрядом Мустафы-паши. После 28 мая 1855 г. князь вместе с турками занял оставленную русскими войсками Анапу и превратил ее в свою временную резиденцию. Здесь он принимал английских, французских и турецких офицеров-эmissаров, специально присылаемых для ведения антироссийской пропаганды в Черкесии. Параллельно Сефер-бей стал формировать личную гвардию – конвой телохранителей и артиллерийскую батарею. Первый состоял из нескольких десятков натухайцев, которые круглосуточно охраняли князя во всех его поездках. Вторая состояла из трех турецких орудий на полевых лафетах вместе с зарядными ящиками, при этом две пушки имели бронзовые стволы 6-футового калибра. Батарею обслуживала команда из 150-200 пушкарей, большинство из которых были турками.

Боевое применение этой батареи практически не освещено в источниках. Скорее всего, Сефер-бей использовал ее в сражении на р. Суп (нач. мая 1856), где столкнулись шапсуго-натухайское войско Зана и бжедучо-абадзехское войско Магомет Эмина. Бой вылился в интенсивную перестрелку, длившуюся 8 часов, но так и не перешедшую в рукопашную схватку. Поэтому потери участников были малыми – по 3 человека убитых и несколько раненных с каждой стороны. Кроме этого момента об артиллерии Сефер-бея Зана ничего неизвестно¹⁵.

Каким же образом черкесы использовали артиллерию в боевых действиях? Начнем с наступательных операций. Здесь горцы периодически обстреливали из пушек сторожевые посты Черноморской кордонной линии. Так, например, в мае 1830 г. они постоянно обстреливали из пушки кордонные посты в районе впадения р. Шебши в Кубань. Скорее всего, адыгам удалось нанести неприятелю определенный ущерб, т.к. атаман А.Д. Безкровный с немалым отрядом черноморских казаков и егерей (320 человек) вынужден был в ночь на 25 мая 1830 г. устраивать засаду специально для захвата горской пушки. Но его попытка оказалась безуспешной, ибо черкесы раскрыли засаду¹⁶.

Мало того, черкесы подвергали артиллерийскому обстрелу казачьи станицы, являвшиеся хребтом Кавказской линии. Один из таких случаев произошел 4 февраля 1826 г. на Черноморской линии во время комбинированного вторжения двух адыгских партий. Первая партия начала наступление на Петровский пост, отвлекая на себя основные силы генерала Власова. Чуть позже выступила вторая партия (шапсуги и натухайцы) с пушками в направлении ст. Ново-Екатерининской. Достигнув ее, черкесы открыли по ней артиллерийскую канонаду. Когда на выручку станичникам подоспел казачий отряд, партия прекратила обстрел и благополучно отступила¹⁷.

Возможно, были и другие аналогичные случаи артобстрела казачьих станиц горцами, но в общедоступных исторических источниках они никак не отмечены. Поэтому, данный пример стоит пока считать единственным в своем роде. Пристальное и длительное изучение архивных материалов в будущем позволит обнаружить новые примеры, но скорее всего количество их будет незначительным.

Чаще всего горцы обстреливали из пушек кордонные крепости и их гарнизоны. Исторические хроники зафиксировали несколько таких случаев. Другими словами, артобстрел крепостей практиковался черкесами гораздо чаще, нежели обстрел станиц. География этих событий приходится исключительно на укрепления Геленджикской и Черноморской береговой линий. Причина этого, на наш взгляд, была банально проста: именно в эти районы турецкие торговцы поставляли пушки, снаряды и порох, отчего местные жители, не испытывая дефицита оружия и боеприпасов, могли свободно их тратить против близлежащих российских военных объектов.

Первый случай датирован 19–20 июля 1833 г., когда партия горцев (800 человек) с 4–5 пушками пыталась атаковать гарнизонные отряды из кр. Геленджик, посылаемые на сенокос и рубку леса. Однако их попытки оказались безуспешными¹⁸.

Другой случай имел место в марте 1835 г., когда черкесы на протяжении целого месяца каждую ночь обстреливали из пушек Абинскую крепость. Гарнизон был настолько ослаблен потерями и систематическими ночными тревогами, что отряд генерала С.С. Малиновского вынужден был прийти к нему на выручку. Для восполнения общих потерь гарнизона он привел с собой 237 солдат, а также вместе с провиантом привез 200 ведер водки, скорее всего, для снятия напряжения от изматывающих бесконечных ночных тревог¹⁹. Данный момент, ярко демонстрирует эффект артиллерийской канонады горцев, несмотря на все ее недостатки.

Более интересный пример связан с осадой черкесами Михайловского укрепления в 1837 г. Перед штурмом они обстреляли крепость из пушек, чтобы подготовить успешный приступ. Но канонада переросла в растянувшуюся на целый день артиллерийскую дуэль, т.к. крепостная артиллерия стала активно отвечать. В итоге русские потеряли одного человека убитым, а адыги – четверых. На следующий день черкесская пехота пошла на штурм, но, добравшись до крепостного вала, была отброшена картечным огнем русских пушек²⁰.

Наиболее яркий случай произошел при осаде Навагинской крепости убыхами (28–30 июля 1841). Последние, соорудив на господствующей высоте несколько амбразур и закатив туда свою четырехпушечную батарею, 28 июля дали 11 выстрелов по крепости. На следующий день горцы открыли интенсивную канонаду, выпустив 70 ядер и гранат. Интересен тот факт, что все выпущенные снаряды попали точно в цель. Гарнизонная артиллерия вынуждена была начать ответную канонаду, подбив одно из адыгских орудий. Далее, 30 июля убыхи повысили интенсивность огня, выпустив 97 снарядов. Их меткий огонь причинил крепости большие разрушения: ядра насквозь пробивали многие строения, провиантские склады загорелись, передний блокгауз подорвался от прямого попадания гранаты в зарядные ящики, отчего возник второй пожар. Немалые потери понес гарнизон – 8 убитых и 14 раненных. Затем, горцы стали сворачивать перестрелку, постепенно выводя свои орудия из боя, а когда русские ядрами

повредили щеки их амбразур, они прекратили огонь и увезли свои пушки в удаленные ложины. По словам Л.И. Лаврова, «это было героическое состязание четырех, а потом трех убыхских пушек со значительным количеством артиллерии Навагинского укрепления». В данном случае убыхи продемонстрировали отличные канонирские навыки, что было редким явлением среди черкесов. Скорее всего, эти артиллеристы хорошо усвоили их на службе в османской армии, где убыхи занимали наиболее сильные позиции относительно представителей других адыгских народностей. Кстати, согласно мемуарам Т. Лапинского, убыхи играли роль стратегического буфера между Черкесией и Турцией, в связи с чем, подавляющая часть адыгов в Турции до 1861 г. была из их числа²¹.

Аналогичным образом черкесы использовали артиллерию в междоусобных конфликтах. Один из таких случаев имел место в 1829 г. во время мятежа шапсугов против своего дворянина Бесленя Аббата, обвиненного в предательстве. Вместе со своими родственниками он засел в ауле на р. Абин, окружив его многочисленными засеками. Шапсуги окружили аул и пошли на штурм, но Аббаты его отразили. Они стойко держались несколько дней, успешно отбивая атаки горцев. В ответ шапсуги привезли две пушки и стали обстреливать аул, но и это не смогло сломить осажденных. Вскоре на выручку Аббатам подошла партия их союзников из шапсугских и натухайских дворян, что привело к прекращению осады и началу мирных переговоров между враждующими сторонами²².

В случае отступления во время набегов на Черноморскую линию черкесы использовали артиллерийский огонь для прикрытия своих партий от преследователей при переправе через р. Кубань. Такой случай произошел 7 июня 1836 г., когда партия горцев в 200 человек совершила нападение на ст. Марьинскую с целью захвата скота. Казаки отразили нападение черкесов и вынудили их начать отступление к р. Кубань. Когда горцы стали переправляться через реку, подоспевшие казаки открыли по ним убийственный огонь. В этот опасный момент, на противоположном берегу появился резервный отряд черкесов и открыл по казакам ответный огонь из ружей и фальконета, обеспечив безопасность переправы своих соратников²³.

Другими словами, в своих наступательных операциях черкесы использовали артиллерию с целью разрушения кордонных объектов Кавказской линии. Однако эти попытки носили эпизодический, а не системный, характер. В исторических источниках отмечены лишь единичные случаи применения горцами артиллерии в выше описанном ракурсе. Поэтому они не могли привести адыгское воинство к достижению указанной цели.

Далее перейдем к использованию черкесами артиллерии в оборонительных операциях. При вторжении неприятеля на адыгскую территорию, горцы практиковали ночные артиллерийские обстрелы его лагерных стоянок. Таким образом, они пытались нанести врагу серьезный урон. Обстрел лагеря ночью был выбран черкесами не случайно. Именно в этот момент скученное войско противника превращалось в одну большую и неподвижную цель, более чем удобную для артиллерии. Но слабо развитые канонирские навыки не позволяли черкесам извлечь из этой ситуации максимальный результат. Обычно, их пушечный огонь не наносил русским войскам существенного урона – большинство ядер не попадало в цель²⁴. К примеру, во время одного из ночных обстрелов горцами русско-

го лагеря в ходе Хамкетинской экспедиции (январь 1859), из 20 выпущенных ядер до цели долетели только два: одно убило юнкера Каменского из Кубанского батальона, а другое – оторвало лошади ногу, попав в казачью коновязь²⁵. Другими словами, черкесам не удавалось добиться изначально поставленной цели.

Со временем, осознав бесполезность своих стараний, они стали использовать ночной артобстрел как психологическое оружие, изматывающее противника. Вместо того чтобы спокойно спать и восстанавливать свои силы после ратных дел, неприятельские солдаты вынуждены были по тревоге всю ночь стоять под ружьем. Долгое ожидание беды, напряженное состояние и отсутствие сна гнетуще действовали на солдат, особенно из числа новобранцев. Данный момент подробно описал И. Дроздов: «Целую ночь простоял отряд под ружьем. Бесперывные залпы горцев по всем фасам лагеря, орудийная пальба, гиканье не дали сомкнуть глаза ни на минуту. В войсках не было заметно уныния, но грозная обстановка видимо производила на солдат впечатление сильное. На их серьезных лицах выражалось ожидание чего-то непохожего на обыкновенные кавказские перестрелки. Шуток в лагере не слышалось; костров не было. Эта-то торжественная тишина порождала какое-то тяжелое чувство в новичках, которым битвы рисовались чем-то очень картинным и веселым, а в действительности, являлись утомительные переходы, бессонные ночи и вечное ожидание чего-то необычайного. Я был еще очень молодой офицер, неокуренный пороховым дымом, и признаюсь, хоть не трусил, но охотно променял бы такую экспедицию на покойную стоянку, и желал одного – скорейшего конца: **пусть хоть убьют, лишь бы выйти из томительного положения**»²⁶. Естественно, все это отрицательно сказывалось на общей боеспособности войска.

Для усиления психического эффекта, адыги сочетали пушечный огонь с прицельными ружейными залпами по офицерским палаткам и пронзительным боевым кличем, имитируя начало атаки²⁷. Иногда вместо клича использовалось хоровое пение. По воспоминаниям И. Дроздова, эффект от этого был гораздо мощнее: «С полуночи, обстреляв своими орудиями – по обыкновению, неудачно наш лагерь, они (черкесы. – А.О.), с громким пением, стали приближаться к отряду; хор из пяти тысяч человек был необыкновенно эффектен. Однообразное, заунывное пение произвело потрясающее впечатление на отряд. Вмиг облетело весь лагерь слово – тревога; батальоны стали в ружье, ожидая, с минуты на минуту, кровавого ночного дела; – всем было известно, что горцы поют свои гимны в минуты особенно торжественные, и потому, понятно напряженное состояние войск, в ожидании чего-то рокового. Звуки то приближались, то отдалялись. Трудно было определить, что происходит у горцев и что они предпринимают. Долго мы стояли под ружьем, выслушивая оригинальный концерт; пение окончилось, но солдаты еще не расходились, объясняя, всякий по-своему причину пения»²⁸. Однако, русские солдаты со временем привыкали к такого рода атакам и стойко переносили связанные с ними тяготы.

Помимо этого, черкесы использовали пушки в систематических перестрелках с походными колоннами вторгшегося неприятеля. Эти перестрелки были элементом оборонительных операций горцев при нападениях на их территорию. Они устраивались на всем пути следования вражеского

войска: черкесские пехотинцы прятались в лесных опушках и обстреливали марширующих солдат из ружей и пушек, а затем быстро отступали на новую позицию и повторяли действие. В качестве пушек здесь обычно использовались легкие и малоразмерные турецкие фальконеты, как наиболее пригодные для высокоподвижных действий²⁹.

В ходе данного исследования, в общедоступных хрониках Кавказской войны удалось обнаружить несколько случаев подобного использования артиллерии черкесами. Первое упоминание связано с абадзехами, регулярно подвергавшими пушечному обстрелу авангардные части генерала Вельяминова во время его карательной экспедиции в Абадзехию (16 июня – 25 августа 1825)³⁰. Два других случая демонстрируют аналогичное применение фальконета темиргоевцами против передовых отрядов генерала Эмануэля во время его походов в Закубанскую Черкесию – экспедиция в верховья р. Лабы против аулов князя Дж. Болотокова (19-29 мая 1828) и крупномасштабная карательная экспедиция в верховья рр. Фарс и Белая (23 ноября – 15 декабря 1828)³¹. Следующий момент связан с приморскими шапсугами, обстрелявшими из небольшой турецкой пушки десантный отряд капитана Бриневского, высадившегося в устье р. Вулан для уничтожения османских кочерм (май 1833)³². Безусловно, это далеко неполный список и изучение архивных материалов пополнит его новыми фактами, но их количество, на наш взгляд, будет незначительным. Стоит отметить, эффективность артиллерийского огня черкесов в трех из четырех выше перечисленных случаях была крайне низкой – он практически не наносил русским войскам никакого урона. Единственным исключением был второй случай, когда темиргоевцы достаточно метко расстреливали солдат Эмануэля, скорее всего, картечью (24 мая 1828): «Горцы, засев в лесу, встретили авангард ружейным огнем и открыли по нем канонаду из фальконета. Колонна находилась еще **шагах в шестистах** от леса, а **люди падали** уже, поражаемые **фальконетными пулями**. Эмануэль вызвал вперед казачье орудие, и по третьему выстрелу и фальконет, и стоявший с ним рядом зарядный ящик были взорваны»³³.

В случае возведения российских укреплений на адыгской земле, горцы подвергали артиллерийскому обстрелу рабочих для срыва строительных работ. Такая ситуация имела место во время выше упомянутой экспедиции генерала Вельяминова в Абадзехию (16 июня – 25 августа 1825), когда его солдаты возводили Майкопское укрепление на р. Белая – зародыш будущего г. Майкопа. На протяжении двух месяцев (июль-август) черкесы каждый день вывозили из леса две пушки и обстреливали русских рабочих, пытаясь остановить строительство. Для лучшего прицеливания они поднимали их на гору Таглек и вели огонь с высоты. Однако все настойчивые попытки абадзехов не увенчались успехом – через два месяца укрепление было построено, а войско Вельяминова продолжило экспедицию³⁴.

Аналогичным образом шапсуги и натухайцы пытались сорвать постройку Нижне-Адагумского укрепления отрядом полковника П.Д. Бабича (апрель-май 1857). Сначала горцы, искусно скрываясь в густой растительности и подкрадываясь на близкие дистанции, метко обстреливали военно-рабочие роты из ружей, нанося им ощутимый урон. Но когда последние очистили окружающую местность от леса и камыша на расстояние орудийного выстрела, черкесы уже не могли вести снайперский огонь

и перешли к артобстрелам. Каждый день они вывозили несколько орудий на опушку леса против юго-западного фаса крепости и открывали огонь. Сначала роль артиллерийской прислуги исполняли иностранные наемники, а затем сами горцы. Изобилие пороха позволяло им вести интенсивный артобстрел, иногда выпуская до 60 снарядов в день. Однако, меткость их огня была крайне низкой, отчего им не удалось нанести русским какого-либо урона и сорвать строительство крепости³⁵.

С другой стороны, горцы использовали пушки в качестве средства сигнализации вражеских вторжений на территорию Черкесию. При неожиданном нападении противника адыги с помощью пушечного залпа подавали сигнал тревоги, который хорошо был слышен во всех окрестных аулах. Из последних сразу же выступали отряды ополченцев, двигавшиеся в район вторжения и с ходу вступающие с неприятелем в бой.

Именно такой случай произошел 24 января 1826 г. в ходе превентивного вторжения отряда генерала Власова в Шапсугию. Переправившись через р. Кубань, его войско двинулось в лесные чащи по левобережью р. Афипис, где и разбило укрепленный лагерь. Шапсуги были пойманы Власовым врасплох, т.к. их партии собирались атаковать кордонную линию и, не зная об угрозе, могли бы оставить свои аулы без защиты. Ситуацию спас раздавшийся в горах сигнальный пушечный выстрел, который известил их о вражеском вторжении. Тогда черкесские партии оставили прежние намерения и быстро стянулись к русскому лагерю, перекрыв дорогу к аулам. Далее, после недельного стояния отряд Власова вернулся обратно на линию³⁶.

В заключение стоит отметить следующее. В ходе длительной Кавказской войны у черкесов появилась своя артиллерия, но уровень ее развития был крайне низким. Черкесы комплектовали свою артиллерию за счет османских импортных поставок оружия и российских трофеев, где приоритет был за первыми, отчего почти все пушки у горцев были турецкими. Первый факт использования артиллерии адыгами на поле боя зафиксирован в 1809 г. около Анапы. Наиболее активное применение пушек пришлось на начало 1840-х гг., когда горцы неоднократно штурмовали укрепления южного участка Черноморской береговой линии. В 1850-х гг. процесс развития артиллерии в Черкесии приобрел организованное начало, в связи с оформлением двух центров силы – Магомет Эмина и Сефер-бей Зана. В тактическом плане черкесы весьма рационально подошли к применению артиллерии на поле боя. При наступательных операциях они подвергали артиллерийскому обстрелу объекты Кавказской линии – сторожевые посты, казачьи станицы и кордонные крепости, а также прикрывали пушечным огнем свои отступающие набеговые партии от нападающего противника. Во время оборонительных операций они обстреливали из пушек походные колонны и лагерные стоянки вторгшегося неприятеля, а также его рабочие команды, возводящие укрепления на адыгской территории. Однако, общее количество случаев боевого применения пушек адыгами было крайне малым (примерно около 10–20), что свидетельствует о низкой боевой эффективности черкесской артиллерии, несмотря на рациональные подходы к ее тактическому использованию.

Примечания

1. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: документы и материалы. В 2 т. М., 1957. Т. 2. С. 233, 238–239. Акты кавказской археографической комиссии / Под ред. А.П. Берже (далее АКАК). Тифлис, 1866. Т. 1. С. 81; Потто В.А. Два века Терского казачества. Ставрополь, 1991. С. 233–234.
2. Фелицын Е.Д. Князь Сефер-бей Зан – политический деятель и поборник независимости черкесского народа. Нальчик, 2010. С. 71; Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995. С. 210–211.
3. Фелицын Е.Д. Указ. соч. С. 71; Лонгворт Дж. Год среди черкесов. Нальчик, 2002. С. 312.
4. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. М., 2013. С. 451.
5. Лонгворт Дж. Указ. соч. С. 275.
6. Там же.
7. Илюшечкин В.П. Крестьянская война тайпинов. М., 1967. С. 89–99.
8. Потто В.А. Кавказская война. М., 2006. Т. 1. С. 450.
9. Потто В.А. Кавказская война... Т. 2. С. 400–405, 467.
10. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. М., 2013. С. 395, 451–452; Фелицын Е.Д. Указ. соч. С. 43; Лапинский Т. Указ. соч. С. 210–211.
11. Н.В. 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе // Кавказский сборник. Тифлис, 1889. Т. XIII. С. 366, 369–370; Лавров Л.И. Убыхи: Историко-этнографическая монография. СПб., 2009. С. 135, 141; Фадеев А. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе // Журнал «Исторический сборник». Л., 1935. № 4. С. 154.
12. Н.В. 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе... С. 418–420; Щербина Ф.А. Указ. соч. С. 462–463; Лапинский Т. Указ. соч. С. 210–211; Лавров Л.И. Указ. соч. С. 138.
13. Лонгворт Дж. Указ. соч. С. 311–312.
14. Фелицын Е.Д. Указ. соч. С. 71.
15. Фелицын Е.Д. Указ. соч. С. 95–96, 100–101.
16. Щербина Ф.А. Указ. соч. С. 395.
17. Потто В.А. Кавказская война... Т. 2. С. 467.
18. Щербина Ф.А. Указ. соч. С. 451.
19. Фелицын Е.Д. Указ. соч. С. 43.
20. Щербина Ф.А. Указ. соч. С. 452.
21. АКАК. Тифлис, 1884. Т. 9. С. 511–513; Н.В. 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе... С. 410–415; Лапинский Т. Указ. соч. С. 108; Лавров Л.И. Указ. соч. С. 141.
22. АКАК. Тифлис, 1884. Т. 8. С. 729.
23. Щербина Ф.А. Указ. соч. С. 407.
24. Фелицын Е.Д. Указ. соч. С. 127.
25. Дроздов И. Последняя борьба с горцами на Западном Кавказе. Нальчик, 2011. С. 12.
26. Дроздов И. Указ. соч. С. 18–19.
27. Дроздов И. Указ. соч. С. 12.
28. Дроздов И. Указ. соч. С. 48.
29. Потто В.А. Кавказская война... Т. 5. С. 309–310; Де Монпере Ф.Д. Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму // Тэбу де Мариньи, Фредерик Дюбуа де Монпере. Путешествие по Черкесии; Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Нальчик, 2002. С. 182.
30. Потто В.А. Кавказская война... Т. 2. С. 400–405.
31. Потто В.А. Кавказская война... Т. 5. С. 255, 309–310.
32. Де Монпере Ф.Д. Указ. соч. С. 182.
33. Потто В.А. Кавказская война... Т. 5. С. 255.
34. Потто В.А. Кавказская война... Т. 2. С. 400–405.
35. Фелицын Е.Д. Указ. соч. С. 126, 129–130.
36. Потто В.А. Кавказская война... Т. 2. С. 465–466.

A.A. OSTAKHOV

THE CIRCASSIAN ARTILLERY IN THE CAUCASIAN WAR (1765–1864)

In this article the use of Circassian artillery during the Caucasian war (1765–1864) are examined. During research the sources of cannons of the Circassians, the chronology and tactics of their application are identified.

Keywords: artillery, artillery battery, falconet, gun carriage, cannoner (artilleryman), cannoner art, foreign delivery of weapons, homemade cannons, military trophy.

Б.Х. Бгажноков
(г. Нальчик)

**НОВЫЕ ДАННЫЕ О КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ
НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ.
ОТЗЫВ О РУКОПИСИ КНИГИ О.Б. БУБЕНКА
«АДЫГИ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ»**

Интерес к истории черкесов, к их яркому и самобытному образу жизни поддерживался длительное время известиями восточных и европейских хронистов, путешественников, ученых. В XVIII–XX вв. он сохранялся благодаря плееде блестящих российских и советских исследователей. В немалой степени способствовали этому и сочинения адыгских писателей, просветителей, ученых.

В последние десятилетия объем исследований по истории и этнографии черкесов уменьшился, заметно снизилось их качество. Поэтому так важен и актуален сейчас весьма содержательный, многоплановый научный труд О.Б. Бубенка, в котором уже в первой главе ставится вопрос о древнем кавказском, прежде всего адыгском, субстрате в Северном Причерноморье. Под этим углом зрения рассматриваются здесь однотипные формы древних и средневековых поселений и погребений на Северном Кавказе и Украине, черкесские производящие основы в названиях рек в левом нижнем течении Днепра (*Псел, Псинка, Псоля* и др.), антропонимические суффиксы *-ко-, -енко* и многие другие факты. По мнению автора, они свидетельствуют о вероятности обитания значительных масс адыгского населения в Северном Причерноморье еще в «доисторические», «доиндоевропейские» времена. Позволяя по-новому взглянуть на масштабы распространения и степень влияния майкопской и шире – майкопско-анатолийской культуры, эти выводы, дополняют и подкрепляют заключения на этот счет, сделанные ранее лингвистами, этнографами, археологами: Н.Я. Марром, Н.В. Анфимовым, Л.И. Лавровым, В.И. Иличем-Свитычем, В.Вс. Ивановым, В.П. Кобычевым, Ю.И. Крупновым, Марковиным, А.Л. Нечитайло, В.А. Фоменко, А.Д. Резепкиным, С.Х. Хотко и др.

Но О.Б. Бубенок идет в некотором отношении дальше своих предшественников, допуская, что «в далеком прошлом существовало этническое и языковое единство населения Северного Причерноморья и Северного Кавказа, нарушенное приходом первых индоевропейцев» (с. 62).

На мой взгляд, подходы О.Б. Бубенка к вопросам древней истории адыгов и материалы, используемые для ответа на эти вопросы, убеждают лишний раз в том, что в течение длительного времени Юго-Восточная Европа и Северный Кавказ оставались полем интенсивного культурного взаимодействия и обмена Запада и Востока. Вероятно, именно здесь сложились богатые традиции первичного производства и жизнеобеспечения, культурной и социальной самоорганизации, которые позже, в III–II тыс. до н.э. были перенесены на Восток, легли на благодатную почву Передней

Азии, Индии, других областей Евразии. В частности, на Северном и Западном Кавказе, в прилегающих к ним областях Дона и Северного Причерноморья получила наибольшее развитие сложная и разветвленная всадническая культура, сформировалось сословие профессиональных воинов-наездников – *уорков* (др. исл. *warg*), закрепивших благодаря такому названию свое особое и высокое место в иерархии адыгского общества.

Можно вспомнить в данной связи и о сотнях индоевропеизмов в черкесском языке, о множестве культурно значимых санскрито-адыгских параллелей¹. Учитывая, что по своему строю абхазо-адыгские языки весьма далеки от индоевропейских, такие совпадения можно объяснить только длительными и тесными контактами носителей этих языков.

II

Известно, что в I тыс. до н.э ситуация в Северном Причерноморье и в прилегающих к нему областях Кавказа резко изменилась из-за притязаний на господство в этом регионе киммерийцев, скифов, правителей Персии, Греции, Рима, Византии. Борьба за обладание евро-азиатским пограничьем в районе Северного Причерноморья и Кавказа достигла своего апогея в эпоху нашествия готов, гуннов и великого переселения народов, что наложило свой отпечаток на историю и культуру местных народов. Об этом свидетельствуют разнообразные новые материалы, которые выявлены и подробно рассматриваются в рецензируемой монографии. Автор обращает внимание на распространившиеся в Северном Причерноморье и на Кавказе новые формы погребального обряда, на отложившиеся в языке и фольклоре черкесов, данные о контактах с антами, готами, аланами, аварами, гуннами. Большое внимание уделяется первым письменным упоминаниям этнонима «касог», влиянию христианства на местное адыгское население.

Отмечается, что фольклорные сюжеты об антах и готах попали в среду адыгских и других кавказских племен под влиянием преданий самих готов о гото-гуннской войне на землях антов. Распространившись в Черкесии, они стали здесь частью местного фольклора. Такое разъяснение известных сюжетов в «Истории адыгейского народа» Шоры Ногмова представляется мне вполне возможным. Необходимо принять во внимание и сомнения, которые высказывает О.Б. Бубенок в связи с отождествлением сугдов и Сугдеи с адыгами. По-видимому, область Сугдея (Судак) в Крыму существовала в период античности и в раннем средневековье независимо и отдельно от Касогдианы. Но Касогдиана сама по себе, вне всякого сомнения, имеет прямое отношение к адыгам и к стране адыгов.

Следует отметить, что здесь, также как и в двух последующих главах (в третьей и четвертой) книги ставятся важные для истории адыгов вопросы их взаимодействия сначала с готами, гуннами, западными тюрками, затем с хазарами. В III–IV вв. готы и гунны отеснили адыгские племена зихов и сагинов от Северного Причерноморья и от берегов Азовского моря на юг и на юго-восток. В то же время здесь сформировались постепенно этноконтактные зоны со смешанным населением, с культурой, совмещающей традиционные черты и новые, привнесенные завоевателями. Эти выводы согласуются с данными нарративных источников и археологических рас-

попок. С учетом результатов исследования Борисовского могильника в районе Геленджика, предпринятого в 1914 г. В.В. Сахановым, О.Б. Бубенок устанавливает северную границу территории оставшейся за зихами после нашествия готов и гуннов. В 128 могилах двух ранних групп захоронений, датированных VI–VII вв. на основе нумизматического материала, помимо зихских захоронений по обряду ингумации в каменных ящиках и в грунтовых ямах, обнаружено семь кремаций, в том числе 6 в каменных ящиках, принадлежащих, как считал В.В. Саханов, готам.

Существенно дополняют эту картину использованные О.Б. Бубенком материалы А.В. Дмитриева о раскопках раннесредневекового могильника Дюрсо в 50–60 км к северо-западу от Геленджика. Наряду с более ранними труположениями в грунтовых ямах здесь было обнаружено 173 трупосожжения VIII–IX вв. Вслед за А.В. Дмитриевым, А.В. Пьянковым и другими исследователями О.Б. Бубенок считает, что они принадлежали касогам. И в этой связи указывает на то, что по данным Масуди (середина X в.), касоги или кашаки были огнепоклонниками. Действительно в этом районе обитали в это время саниги или жанеевцы, а также хейгаки – одно из четырех касских, касожских племен. Касожскими, вслед за Афанасьевым (с. 128) следует признать аналогичные захоронения в могильнике Сухая Гомольша в бассейне Северского Донца.

Однако, ничем в сущности не подкрепленные предположения о тюркском происхождении обряда трупосожжения на Западном Кавказе едва ли могут быть приняты всерьез. Наиболее вероятными остаются версии готского и абазгского влияния на погребальный обряд касогов. Они высказывались в свое время В.Б. Сахановым, Е.П. Алексеевой и др. Но при этом, на мой взгляд, не учтена здесь наиболее вероятная возможность распространения обряда трупосожжения под влиянием санигов (жанеевцев). Судя по данным Певтингеровой карты² в III–V вв. н.э. саниги (*Sannigae*) переселились с южного склона Кавказского хребта на северный склон, в районы Прикубанья, окрестностей Джубги и Геленджика. По всей вероятности именно этот зихский в основе своей народ, в большей степени, чем другие адыгские племена, оказал наибольшее культурное влияние на быт и культуру касов (касогов) и привнес трупосожжение в их погребальный обряд.

Вместе с тем нельзя исключать влияние готов. Заметим в данной связи, что о тесном культурном взаимодействии готов и касов или кавкасов (*Caucasi*) Певтингеровой карты³ свидетельствуют, помимо погребального обряда, многочисленные данные фольклора и языка, в том числе обилие адыгских родовых фамилий с основой «гот»: *Гьут, Гьутэкъу, Гьот, Хьот, Хьут, Кугьуэть, ГьутIэ* и др. Возможно, с готами связано и распространенное в украинской среде выделение культурно-языковой группы под названием *кугутьи*.

При этом отдельно следует рассматривать вопрос о том, в какой мере касские племена, населявшие в раннем средневековье значительную часть Северного Кавказа, испытали на себе влияние традиций зороастризма. Отмечу только, что у абхазов и у адыгов, особенно у кабардинцев (хебуров, кабаров раннего средневековья) и в настоящее время сохраняется необычайно сложная и разветвленная система обычаев и ритуалов поклонения и жертвоприношения огню.

III

В последующих главах книги (IV–VI) поднимаются вопросы, связанные с обитанием касожских племен на Нижнем Дону, с миграциями отдельных групп адыгского населения в Поднепровье. Отмечается, что эти переселения документально подтверждаются на протяжении X–XVI вв. Приводятся в данной связи разнообразные и очень ценные сведения о том, когда и при каких обстоятельствах происходили эти события, какое место занимали адыгские общины на землях Южной Руси и Украины. Подробно анализируется след, который оставили черкесы в топонимике различных областей края, их влияние на быт и культуру русского и украинского народов. Привлечены и рассматриваются под этим углом зрения древнерусские летописи, хроники татаро-монгольского нашествия и владычества периода Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, похода в 1426 г. князя Витовта против Золотой орды (с. 235), ярлыки крымских ханов, многочисленные топонимы, гидронимы, антропонимы с основой касог, черкес, Пятигорье. На обширном пространстве Южной Руси и Украины, как выясняется, сформировалось огромное число памятных мест пребывания здесь черкесов, связанных с этим разнообразных названий – от названий рек до названий городов и деревень.

Материалы, используемые О.Б. Бубенком, свидетельствуют о том, что миграции адыгов на земли славян в X–XII вв. тесно связаны с деятельностью древнерусских князей: Святослава, Мстислава, Ярослава, Изяслава Мстиславовича (черные клобуки с. 231–232), Владимира Мономаха. Определенное участие в этих процессах приняли золотоордынцы, литовцы, поляки, что также показано в работе. Выясняется, что переселение адыгов в район Курска в 1282 г. и затем Поднепровья происходило по инициативе баскака Курского княжества (с. 237–238). Рассматривается также вопрос о возможности разрастания адыгских общин Поднепровья в начале XV в. после успешного похода Витовта на Золотую Орду.

Большое место уделяется в данной связи истории основания и функционирования Тмутараканского княжества на Тамани и в г. Черкассы на правом берегу Днепра. Отмечается, что в этнической разнообразии и социально-политическом устройстве Тмутараканского княжества главенствующее место занимали черкесы и славяне, что под влиянием адыгской общины в г. Черкассы, длительное время соседние народы называли черкасами всех украинцев (по аналогии с терминами «москаль», «московиты» для русских), отличая их от кавказских черкас (с. 229–230).

Необычайно интересны и важны для истории русско-адыгских, украинско-адыгских отношений материалы о контактах украинского аристократа и русского князя Дмитрия Ивановича Вишневецкого с жанеевскими князьями – Сибокком и его сыновьями. По новому с привлечением новых данных освещается участие адыгов (с обеих сторон) в Ливонской войне, роль черкесского князя и русского воеводы Каспулата Муцаловича в защите украинских земель от крымско-турецких войск, история черкесских полков в составе регулярной польской армии.

Завершает книгу седьмая глава, посвященная историческим параллелям в традиционной духовной и материальной культуре Украины и Северо-Западного Кавказа. Отмечается, что фольклор Руси, особенно его

былинный цикл, обнаруживает много общего с героическим эпосом Северного Кавказа. Поддерживается гипотеза, согласно которой истоки церковного искусства Древней Руси следует искать не только в Константинополе, но и на северо-западном Кавказе. Обращено, кроме того, большое внимание на общие или сходные черкесско-украинские формы хозяйствования и жизнеобеспечения, а именно: в жилище, одежде, пище, орудиях труда, в мужской прическе и т.д. Подчеркивается, что они сложились в ходе длительного культурного взаимодействия южных славян и черкесов в Северном Причерноморье и Крыму, в том числе и как результат множества микро-миграций адыгского населения на земли Южной Руси и Украины в период средневековья.

IV

Все замечания и пожелания, которые хотелось бы сделать по содержанию монографии, сводятся, главным образом, к тому, чтобы расширить, дополнить, уточнить, лучше аргументировать основные положения рукописи.

1. В первой главе книги, где речь идет об адыгском субстрате в Северном Причерноморье наряду с украино-черкесскими языковыми параллелями, уместно было бы привести также примеры индоевропейско-адыгских параллелей. В большом количестве можно найти эти примеры в книгах Г.Б. Джаукяна, С.А. Старостина⁴.

2. Что касается элемента *кас* в этнониме «касог». Оношения к тюркским языкам это слово едва ли имеет. Корень *кас* в этнических и других терминах Кавказа, Передней и Центральной Азии восходит к индийскому *kas* – «сверкать, сиять»⁵. На Кавказе он связан прочно с каспами и древнеадыгскими племенами касов, касков. Н.Я. Марр, как известно, считал, что имена, содержащие этноним *кас/касп*, объединяют Каспийский бассейн с Понтийским.

В целом это может свидетельствовать о существовании на Кавказе этнонимов и топонимов с основой *кас* задолго до появления здесь тюркских кочевых племен, а также о некогда широком, по мнению Н.Я. Марра, расселении в этом пространстве племени или племен под таким названием⁶. Об этом писал также И.И. Мещанинов. Поддерживая и продолжая начатые Н.Я. Марром исследования в данной области, он назвал касов племенем, «давшим свое имя целой стране и морю (Кавказ и Каспий)»⁷. В таком же духе высказывались Б. Грозный, Г.А. Меликишвили, Г.А. Алиев и другие известные и весьма авторитетные специалисты по древней истории Евразии.

3. Вызывает сомнение поддержанная О.Б. Бубенком тюркская этимология термина *касог*. Нет даже необходимости доказывать, что это аланское название северо-кавказских касов или адыгов с «мужским» антропонимическим суффиксом *аг*. Поэтому осетины и в настоящее время называют кабардинцев *касаг*. Или *кашкон* – с «женским» антропонимическим суффиксом *он*⁸. В древнерусской среде этот этноним закрепился в форме *касог/косог*, у Масуди фигурирует как *кашак*, у Константина Багрянородного – *касах*, у грузин – *казгон*, у армян – *гашик* и т.д.

4. По тем же причинам сомнительна этимология термина *черкес*. Тюркским является только внешний фонетический облик этого этнонима, приспособленный к особенностям кипчакского языка.

5. Было бы полезно дополнить книгу сюжетом о кабарах, восставших против хазарского кагана и присоединившихся к венграм. В этом случае возникало бы меньше сомнений в том, что в период средневековья большие массы адыгского населения обитали не только в горах и предгорьях Кавказа, но и в низовьях Дона, как на левом, так и на правом берегу этой реки. Поэтому на многих европейских картах позднего средневековья Кабарда (Cabarda) расположена в низовьях Дона на его левом берегу, а на правом берегу на месте или вблизи современного г. Таганрога на протяжении XIV–XVI вв. постоянно фигурирует город (или местность) Кабарди (Cabardi)⁹. Кстати, значительная часть этих свидетельств содержится в сборнике «Материалов по истории русской картографии», изданной В. Кордтом в Киеве в 1899 и в 1910 г.¹⁰ и в выдержках из этих публикаций, изданных в 2009 г. в Нальчике Издательством КБИГИ.

О длительном проживании черкесов на Дону не зря писал М.И. Артамонов и многие другие авторы. На это указывает и О.Б. Бубенок, но, кажется, с некоторой долей необоснованного сомнения.

6. Не вполне соответствует действительности утверждение об отсутствии договора, закрепляющего военно-политический союз Московского государства и Кабарды. Договор между Иваном IV и Темрюком Идаровым, заключенный в 1557 г. был утрачен. Но уже в 1588 г. содержание кабардино-русских договоренностей было документально подтверждено и оформлено в Шертной записи на верность кабардинской земли Русскому государству и в Жалованной грамоте царя Федора Ивановича кабардинскому князю Камбулату Идаровичу¹¹. В основе этих документов лежит обязательство царя Федора Ивановича взять Кабарду под свою руку и оборонять «ото ... всяких недругов» и соответственно обязательство Камбулата Идаровича, младшего брата покойного Темрюка Идаровича, оказывать русскому царю военную помощь в борьбе с его внешними и внутренними врагами:

«А хто будет государю царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Руси друг, тот и нам будет друг, а хто будет государю царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Руси недруг, тот и нам будет недруг, и на того нам со государевыми воеводами, с астраханскими и с терскими воеводами с ратными людьми ходити и приводити во государеву волю...

Также которые недруги, Турского рать и Крымской или иные которые недруги, пойдут ко государеве вотчине к Астрахани или к Терскому городу, и нам, будучи в Терском городе со государевыми воеводами, за город стояти и битись с ними до смерти и государевых воевод не выдати, и хитрости и обману над государевыми воеводами и над ратными людьми, и над городом хитрости никоторые не учинити. Также, коли государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси велит нам идти на которого своего недруга, на Литовского или в Немцы, и нам, и нашим братьям, и детям идти на государеву службу, кольким коли государь велит идти на свою государеву службу»¹².

Одним словом, это был договор, известный со времен Древней Греции и Рима как симмахия. Но с самого начала в нем были заложены элементы

асимметрии, которые постепенно нарастая, привели к ослаблению Кабарды и окончательной утрате в начале XVIII в. ее восточных земель. А в начале XIX в. к завоеванию и покорению всей Кабарды¹³.

7. Сюжет о тесных контактах Вишневецкого с жанинским князем Сибоком и их переориентации с Москвы на Польшу в 1561–1562 гг. желательно дополнить неудачным сватовством Ивана Грозного (через Б.И. Сукина) к дочери князя Сибока в 1561 г.¹⁴

Этот факт позволяет лучше представить драматизм разрыва княжества Жане с Русью на фоне усилившегося давления Турции и Крыма на западную Черкессию. Жаннетия, еще в XVI–XVII вв. не уступавшая по силе и могуществу Кабарде, была разорена и окончательно уничтожена к концу XVIII в. Таким стал печальный конец народа, история которого восходит к древним санигам.

8. Возможны, кроме всего сказанного, дополнения, касающиеся целого ряда других малоизвестных топонимических названий Юго-восточной Европы исторически связанных с черкесами: город Фатеж в Курской области, город Росаш в Воронежской области, река Абазинка на границе Украины с Молдавией и др.

Эти и некоторые другие пожелания и замечания, которые будут высказаны автору отдельно, не мешают признать, что в новой работе О.Б. Бубенка объективно и ярко представлены малоизвестные, но очень важные события и факты древней и средневековой истории Северного Причерноморья, длительного культурного взаимодействия народов Кавказа с народами Восточной Европы. В конечном итоге богатый и разнообразный материал книги складывается в целостную картину многовекового культурного взаимодействия и содружества русского, украинского и черкесского народов. Уникальность выполненной работы и в ее высокой эвристической значимости. Каждый сюжет книги задает ориентиры дальнейших поисков, открывает перспективы новых исследований по древней и средневековой истории Юго-Восточной Европы и Северного Кавказа.

С учетом всего сказанного поддерживаем издание книги О.Б. Бубенка «Адыги в Северном Причерноморье». Не сомневаемся в том, что она будет востребована и по достоинству оценена специалистами по древней и средневековой истории Северного Причерноморья и Кавказа.

Примечания

1. См. об этом: *Бгажноков Б.Х.* Вопросы культурного взаимодействия адыгов с древними народами Передней Азии и Юго-Восточной Европы // *Традиции и инновации в истории и культуре.* М., 2015. С. 262–272.

2. *Подосинов А.В.* Восточная Европа в Римской картографической традиции. М., 2002. С. 310, 358.

3. Там же.

4. *Джаукян Г.Б.* Взаимоотношение индоевропейских, хуррито-урартских и кавказских языков. Ереван, 1967; *Старостин С.А.* Индоевропейско-севернокавказские изоглоссы // *Древний Восток: этнокультурные связи.* М., 1988.

5. *König Fr.W.* Der Burgbau zu Susa. Nach dem Bauberichte des Königs Dareios I. Leipzig, 1930. S. 62.

6. *Март Н.Я.* Каппадокийцы и их двойники // Известия Российской Академии истории материальной культуры. Петербург, 1922. Т. II. С. 336.
7. *Мещанинов И.* Каменные статуи рыб – вишапы на Кавказе и в Северной Монголии // Записки коллегии востоковедов. Л., 1925. Т. I. С. 26.
8. См. об этом: *Бгажноков Б.Х.* Аланские названия адыгских племен // Проблемы генеалогии и этнонимии народов Северного Кавказа // Нальчик, 2015.
9. *Бгажноков Б.Х.* Кабарда и кабардинцы в ранней истории Северного Кавказа // Вестник КБИГИ. № 4 (27). Нальчик, 2015
10. *Кордт В.* Материалы по истории русской картографии. Вып. I. Карты всей России и южных ее областей до половины XVII в. Киев, 1899; *Он же:* Материалы по истории русской картографии. Вып. II. Карты всей России и южных ее областей до XVII в. Киев, 1910.
11. Кабардино-русские отношения. Т. 1. М., 1957. Док. 28, 29. С. 50–54.
12. Там же. С. 51.
13. См. об этом: *Бгажноков Б.Х.* О специфике и динамике военно-политического союза России и Кабарды (симмахия и ее ассиметризм) // Исторический вестник. Вып. II. Нальчик, 2005.
14. Кабардино-русские отношения. Т. 1. М., 1957. Док. 4. С. 9; Комментарий 27. С. 392.

B.H. BGAZHNOKOV

**NEW DATA ABOUT THE CULTURAL
AND LINGUISTIC INTERACTION OF THE NORTH-CAUCASIEN PEOPLES
AND PEOPLES OF THE SOUTH-EASTERN EUROPE. THE REVIEW
ABOUT THE MANUSCRIPT OF THE BOOK "O.B. BUBENOK.
THE ADYGS IN THE NORTHERN BLACK SEA COAST"**

Н.Д. Кодзоев
(г. Назрань)

О ФАЛЬСИФИКАЦИИ ОДНОГО МИФА

В 1910 г. В.Я. Светлов опубликовал ингушское сказание «Семь сыновей вьюги». По мотивам этого сказания ингушский писатель С.И. Чахкиев на основе этого фольклорного произведения создал драматическую поэму «Чаша слез». В 1963 г. она была издана отдельной книгой на ингушском языке, а в 1965 г. – в переводе на русский язык. В те годы чеченский поэт и краевед А.С. Сулейманов собирал топонимию Чечено-Ингушетии, в том числе и в горах Ингушетии, где он обнаружил топоним «пхъармат». Вероятно, знакомство с поэмой С.И. Чахкиева и обнаружение топонима «пхъармат», который показался ему созвучным с именем Прометей, натолкнуло его на мысль, сконструировать миф о чеченском Прометее – Пхъармате, который он создал и опубликовал в 1990 г. В нём много несуразностей и противоречий, что в итоге позволяет сделать вывод о его искусственности.

Ключевые слова: сказание, Прометей, драматическая поэма, мифология, божество, топоним, кузница, Казбек, Села, Села Сага.

В 1910 г. В.Я. Светлов опубликовал ингушское сказание «Семь сыновей вьюги»¹, записанное, вероятнее всего в селении Гвилети, находившемся в Дарьяльском ущелье у самого подножья горы Казбек².

Сказание имеет прометеевский сюжет. В нем нарт Курюко (инг. Куркъя; от «кура» – «гордый» и «кьо» – «сын») повторяет подвиг греческого титана Прометейя. Но в отличие от Прометейя, укравшего у Зевса для людей огонь, Курюко крадет у Всесильного Тга (инг. Тхъа//Ткъа) барашек и тростник для нартов.

Ингушский писатель Саид Чахкиев на основе этого фольклорного произведения создал драматическую поэму «Чаша слез». В 1963 г. поэма была издана отдельной книгой на ингушском языке³, а в 1965 г. – в переводе на русский язык⁴.

В 1960-х гг. чеченский поэт и краевед Ахмед Сулейманович Сулейманов (1922–1995) собирал топонимию Чечено-Ингушетии, в том числе и в горах Ингушетии⁵. Собранные топонимы он издал четырьмя частями в 1976–1985 гг.⁶ В горной Ингушетии в окрестностях селения Гули (Хьули) он обнаружил топоним Пхармат (Пхъармат).

Вероятно, еще в те годы А.С. Сулеймановым было создано художественное произведение «Пхармат», которое он выдал за фольклорную запись и опубликовал на чеченском языке позже в сборнике «Чеченский фольклор» – в 1990 г.⁷ В комментариях к мифу сказано, что Ахмед Сулейманов записал его в 1940 г. со слов 80-летнего жителя хутора Гедин-пха, и еще один вариант сказания записал со слов своего отца Сулеймана⁸. (Р. Нашхоев утверждает, что «миф “Пхъармат” записан А.С. Сулеймановым в 1937 году»⁹). Возникает вопрос: если действительно это так, почему тогда он не публиковал этот миф в течении 50 лет? Вероятней всего, этот текст был сочинён в 1960-х годах, когда его автор узнал о существовании топонима «Пхармат» и познакомился с поэмой С. Чахкиева. А.С. Сулейманов

долго не решался на публикацию самого мифа, боясь быть обвиненным в фальсификации, хотя информацию о существовании такого мифа он выдал в 1976 г. Чеченский исследователь К.З. Чокаев пишет, что в 1966 г. А.С. Сулеймановым ему были переданы два варианта преданий о Прометее – «Пхьарий» и «Пхьармат», которые он приводит в приложении в конце своей книги, изданной в 1991 г.¹⁰

В изданной в 1976 г. 2-й части «Топонимии Чечено-Ингушетии» А.С. Сулейманов приводит сведения о Пхьармате в двух статьях, посвященных горе Бешлоам (Казбек) и селению Хьули.

«**Баш Лоам...** – ...По представлениям ингушей и чеченцев, на вершине Баш-Лоам обитала Матерь Земли – Мехкан Нана (Кибела, Рея), одновременно является своеобразным Олимпом, где живут и совещаются все боги вайнахского Пантеона; здесь же прикован великан-нарт, доставивший людям на землю огонь из очага верховного бога Сиелы (Зеуса-Зевса) – Куркьо, получивший отражение и в поэме ингушского поэта Саида Чахкиева “БӀаьрхих бизза кад” (Чаша слез)... Чеч[енский] Пхьармат идентично инг[ушскому] Куркьо»¹¹.

«**Микротопонимия Хьули... Пхьармат** (Пхармат) “Кузнеца места. стоянка” – уроч[ище] на з[ападной] окр[аине]. Пхьармат – имя мифического нарта, принесшего огонь из очага верховного бога Сиелы. Название возникло на основе имени нарта-богоборца Пхьармат – “Прометей». В основе названия лежат два компонента: «пхьар» – кузнец и «мат/мот» – стан, место, где пребывает кузнец. Ингушский вариант соб[ственного] им[ени] нарта-богоборца – Куркьо, которое сложилось из древневайнахских кур+кьо – гордый+мужчина... по преданиям ингушей и чеченцев, Куркьо-Пхьармат в наказание за его «проступок» прикован Сиелой на вершине Баш-лоам (Казбек)»¹².

А.С. Сулейманову слово «пхармат» показалось очень схожим по звучанию с именем греческого мифического титана Прометей. Он пишет о «богоборце Пхармате», хотя в то время еще не было опубликовано ни одного сказания о Пхармате.

Пхармат – ингушский топоним. На ингушском языке слово «пхьармат» означает «кузница» (букв.: «место кузнеца», от «пхьар» – «кузнец», и «мат» – «место»). Имя греческого героя также имеет свою греческую этимологию: др.-греч. Προμηθεύς – «провидец», букв. «вперед мыслящий», от «προ» – «вперед» и «μηθεύς» – «мыслить». В этих словах – пхьармат-Прометей – мы наблюдаем случайное созвучие.

Можно предположить, что А.С. Сулейманов познакомился с поэмой С.И. Чахкиева, но не был знаком со сказанием, записанным В.Я. Светловым. В приведенном выше отрывке из статьи о Бешлоаме, он называет поэму С.И. Чахкиеву, но не упоминает фольклорную запись В.Я. Светлова.

Если бы он был знаком с этой записью, он бы знал, что в сказании «Семь сыновей вьюги» на вершине Казбека жил Тга, а не Села; Курюко украл у него барашек и тростник, а не огонь.

В ингушской мифологии нет никаких сведения о том, что на горе Казбек проходили совещания богов, что это было местом, где они собирались. Наоборот, каждое божество имело свое местожительство: Тга – жил на вершине горы Бешлом (Казбек); на Казбеке также обитали супруга Тга – богиня вьюги Фурки (на вершине) и пониже – богиня страны Мехка-Нана;

бог грозы, грома и молнии Села (Сиела) жил на горе Цейлом; Мятцели, Мятар-Дяла и Сусон-Ерда – на горе Мятлом (Столовая)¹³; и т.д.

Также необходимо отметить, что Села не являлся верховным божеством. Он считался богом грозы, молнии, грома, погоды. Нет ни одного примера в фольклоре, где бы он общался с другими божествами, совещался с ними, отдавал им приказы. Верховным божеством ингушского пантеона считался Дяла, который создал все сущее, в том числе и младших богов, которым Дяла поручил управление отдельными стихиями и покровительство над отдельными обществами. Создав мир, сам Дяла отошел от управления миром. Образ Дялы в ингушском пантеоне неопределен, остальные же божества антропоморфны¹⁴.

Села и не столь могуч. В сказаниях его дважды побеждает нарт Сеска Солса. В «Сказании о Села Сате» говорится, что Села боялся Сеска Солсу¹⁵. «Когда Села уходил, Сеска Солса проснулся, схватил свой лук и ранил его. Из этой раны у Селы выходят внутренности, и урчание их производит гром»¹⁶. В другом сказании – «Сеска Солса и Горжай» – Сеска Солса еще раз побеждает Селу – схватив его, ломает ему ребра, и Села отступает¹⁷.

А.С. Сулейманов пытается перенести свои знания о древнегреческих мифах на ингушские мифы. У чеченцев же неизвестны мифы, в которых действовали бы древние божества. Говоря о языческих божествах, чеченские исследователи ссылаются на работу Б.К. Далгата «Первобытная религия чеченцев», впервые опубликованной (в сокращенном варианте) в 1893 г. в «Терском сборнике», издававшемся во Владикавказе¹⁸. Эта работа написана на ингушском материале, что отмечает сам автор¹⁹, и поэтому при переиздании в 2004 г., осуществленном ее дочерью У.Б. Далгат, работа уже называлась «Первобытная религия чеченцев и ингушей»²⁰. Выбор названия работы автор объяснил тем, что ингуши, по его мнению (Б.К. Далгат – даргинец по национальности), являются ветвью чеченского племени, и тем, что, хотя «у чеченцев невозможно ничего записать» из-за того, что «чеченцы давно приняли магометанство и позабыли свои прежние религиозные воззрения», по мнению автора, у ингушей и чеченцев в предыдущее время должны иметь место одинаковые религиозные воззрения²¹, что вызывает определенные сомнения.

Б.К. Далгат называет имена двух своих основных информаторов – стариков-ингушей, у которых, «как туземец», он «пользовался полным доверием». Это жители Мецхальского общества Ганыж Абыевич Келигов-Фалханов, «шестидесяти с лишним лет», из сел. Байни и Газбык Казиевич Хабиев-Буржаев, которому «за 100 лет», из сел. Арзи²². Таким образом, в своей работе Б.К. Далгат приводит ингушские тексты, но из-за названия, данного им своей работе, чеченские авторы часто ссылаются на него, и пишут об ингушских божествах, как о «вайнахских» или «чеченских».

В художественном произведении «Чаша слез» Саид Чахкиев вместо Тга поселил на Казбеке Селу, а вместо барашков и тростника заставил Курюко воровать у Селы огонь. Профессор И.А. Дахкильгов отмечал: «На основе сюжета этого фольклорного произведения (“Семь сыновей вьюги”. – Н.К.) писатель С. Чахкиев написал драматическую поэму “Чаша слез”, в которой богом – владыкой Казбека – назван бог грома, молнии, погоды Села. На самом деле никогда этот бог не соотносился с этой горой: поскольку у Селы есть своя гора – Цейлом. Однако для литературного произведе-

ния такая вольность в перемещении бога с горы на гору допустима. Также вслед за С. Чаккиевым было создано литературное произведение под надуманным именем главного героя (Пхармат) А. Сулеймановым, который следуя “Чаше слез”, на горе Казбек также поместил бога Селу»²³.

О том, что, возможно, А.С. Сулейманов не был знаком со сказанием «Семь сыновей вьюги» говорит и то, что в его произведении орел, так же, как и в случае с Прометеем, клюет печень героя²⁴, в то время как в ингушском сказании орел клюет сердце героя: «...Курюко и до сих пор прикован к угрюмой скале Бешлом-Корта (Вершины Казбека. – Н.К.), и до сих пор ежедневно прилетает к нему горный орел и терзает его великодушное, храброе сердце»²⁵.

В своем произведении А.С. Сулейманов имя Села Саты – приемной матери нартского предводителя Сеска Солсы – пишет через дефис: «Села-Сата», т.е. он считает, что это ее двойное имя; и названа она «возлюбленной Селы»²⁶.

Чеченские авторы часто не понимают, почему в ингушских текстах пишутся такие двойные имена. Нами ранее было сделано замечание чеченскому автору М. Гешаеву, когда он, не поняв значение имени Орцха Карцхала, называл его в своей публикации просто Орцха: «Любой ингуш без разъяснений поймет, что слова “Орцха Карцхал” означают “Карцхал, сын Орцха”. М. Гешаеву это неизвестно. Поэтому он в очерке, озаглавленном “Орцха Мальсагов”... употребляет имя Орцха вместо имени Карцхал. На самом деле о самом Орцха ничего неизвестно, кроме того, что он был отцом Карцхала Мальсагова»²⁷.

Так и в этом случае: имя героини ингушского нартского эпоса Села Саты означает «Сата, дочь Селы». Так, что «возлюбленной Селы» она никак не могла быть. Сата в мифах является единственной и любимой дочерью Селы, рожденная земной женщиной – нарткой. Когда ее приемный сын Сеска Солса должен был сразиться с царем-драконом Сарталом, Села Сата отправляется к своему отцу Селе и просит у него помощи. Села отвечает ей: «Негоже мне впутываться в дела людские, но поскольку ты моя дочь, я должен тебе помочь. Пусть твой сын Сеска Солса лишь сбросит врага наземь. Как только глаза Сартала обратятся к небу, я пушу в его правый глаз стрелу и выбью его проклятую душу»²⁸.

У А.С. Сулейманова Села Сата превращается в белую птицу, опускается на отдых на вершину Казбека²⁹. Ни в одном ингушском мифе или сказании Села Сата так себя не ведет – она не превращается ни в какое живое существо, и нигде в связи с ней не упоминается гора Казбек. И нет ни одного известного науке чеченского мифа или сказания, в котором присутствовал бы образ Села Саты.

Так как в слове «пхармат» имеется слово «пхар» – «кузнец», то А.С. Сулейманов делает своего Прометея кузнецом. Но, непонятно, как он работал в кузнице, как выковывал оружие без огня? А огня у него не было, т.к. он должен был его еще добыть у Селы. В оригинале на чеченском языке говорится лишь, что он работал в своей кузнице, помогал людям, был хорошим кузнецом³⁰. В переводе Р. Нашхоева наблюдается попытка объяснить этот пассаж. Для этого переводчик добавляет от себя «холодную ковку»: «Пхармат был искусным мастером. За добрые слова он выковывал для нартов сабли, щиты и кольчуги из холодной бронзы»³¹. Даже если до-

пустить, что кузнец Пхъармат занимался холодной ковкой, каким образом кузнец без огня создал сплав бронзы? Без огня не может вообще появиться ни металлургия, ни металлообработка, ни ремесло кузнеца. А.С. Сулейманов не продумал этот момент.

Таким образом, этот миф является искусственно сконструированным или же надо признать его художественным вымыслом поэта А.С. Сулейманова.

Примечания

1. Светлов В.Я. Сочинения. Т. 2. СПб., 1910. С. 198–214.
2. Антология ингушского фольклора. Т. 1. (Сост. И.А. Дахкильгов). Нальчик, 2003. С. 107.
3. Чахкиев С. БӀаргий хих бизза кад: Драматически поэма. Грозный, 1963.
4. Чахкиев С. Чаша слез: Драматическая поэма. Грозный, 1965.
5. Нашхоев Р. Загадки Пхъармата. Диалоги о необычайном. М., 2002. С.135.
6. Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Ч. 1. – Грозный, 1976; Ч. 2. – Грозный, 1978; Ч. 3. – Грозный, 1980; Ч. 4. – Грозный, 1985.
7. Нохчийн фольклор. (Чеченский фольклор). (Сост. Ш.А. Джамбеков). Грозный, 1990. С. 9–14.
8. Там же. С. 550.
9. Нашхоев Р. Загадки Пхъармата. С. 156.
10. Чокаев К.З. Вайн мотт – вайн истори. (Наш язык – наша история). Грозный, 1991. С. 55, 168–178.
11. Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Ч. 2. Грозный, 1978. С. 7–8.
12. Там же. С. 57.
13. Кодзоев Н.Д. Языческий пантеон ингушей // Вестник Орловского государственного университета. Серия: новые гуманитарные исследования. № 4 (33), 2013. С. 235–239.
14. Там же. С. 235.
15. Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей. (Составители А.О. Мальсагов и И.А. Дахкильгов). Грозный, 1986. С. 227
16. Там же.
17. Ахриев Ч. Ингуши (их предания, верования и поверья) // ССКГ. Вып. VIII. Отд. 1. Тифлис, 1875. С. 38.
18. Далгат Б. Первобытная религия чеченцев // Терский сборник. Вып. 3. Кн. 2. Владикавказ, 1893.
19. Там же. С. 32.
20. Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев и ингушей. М., 2004.
21. Далгат Б. Первобытная религия чеченцев. С. 32.
22. Там же. С. 31.
23. Дахкильгов И.А. Ингушский нартский эпос. Нальчик, 2012. С. 36.
24. Нохчийн фольклор. С. 14.
25. Семь сыновей вьюги. Ингушское предание // Светлов В.Я. Сочинения. Т. 2. СПб., 1910. С. 213.
26. Нохчийн фольклор. С. 11.
27. Кодзоев Н. По поводу «Знаменитых ингушей» М. Гешаева // Газ. «Ингушестия» от 12 февраля 2004 г.
28. Антология ингушского фольклора. Т. 4. (Сост. И.А. Дахкильгов). Нальчик, 2006.
29. Нохчийн фольклор. С. 11.

30. Там же. С. 10.

31. *Наишоев Р.* Загадки Пхъармата. Приложение 2. С. 182.

N.D. KODZOEV

ABOUT FALSIFICATION OF ONE MYTH

In 1910, V.Ya. Svetlov published an Ingush legend "Seven Sons of a Snow Storm". Based on this folklore legend, the Ingush writer S.I Chakhkiev created a dramatic poem "A Cup of Tears". In 1963, it was published as a separate book in the Ingush language; and in 1965 its Russian translation was published. In that time, a Chechen poet and local researcher A.S. Suleymanov was collecting toponymy of Checheno-Ingushetia, including in the mountains of Ingushetia, where he located a toponym, which he translated as a "blacksmith". Possibly, the fact that he was aware of S.I. Chakhkiev's poem and his reference to the toponym «pkh'armat» which he found similar to the name of Prometheus, made him create a myth about a Chechen Prometheus - "Pkh'armat", which published in 1990. It contains a number of contradictions and awkward details, which makes us conclude about its artificial origin.

Keywords: a legend, Prometheus, a dramatic poem, mythology, a god, a toponym, a blacksmith, Kazbek, Sela, Sela Sata.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бакушев Марат Артурович, кандидат исторических наук, научный сотрудник ООО “Археологическое общество Кубани”.
344065. Ростов-на-Дону, ул. Чехова, 62, оф. 5. ООО “Археологическое общество Кубани”
Тел.: 89885193915
E-mail: bakart@mail.ru.

Бгажноков Барасби Хачимович, заведующий сектором древней истории и археологии КБИГИ, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки КБР (Нальчик).
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. 8 (8662) 42-19-26
E-mail: kbigi@mail.ru

Бубенок Олег Борисович, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом Евразийской степи Института востоковедения им. А.Е. Крымского Национальной академии наук Украины.
01001, Украина, г. Киев, ул. Грушевского, 4
Тел. +3 (8044) 279-34-40
E-mail: helgebub@i.ua

Бурков Сергей Борисович, старший научный сотрудник отдела археологии Института истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания.
362025 Владикавказ, ул. Ватутина, 46. ГБУ “Институт истории и археологии РСО-А” г. Владикавказ
Тел.: 89888393473
E-mail: sergeyburkov59@yandex.ru

Кодзоев Нурдин Даутович, заведующий отделом древней и средневековой истории Ингушетии Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева.
386001. Республика Ингушетия, г. Магас, ул. Д. Мальсагова, 11. Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева.
Тел. +7 928 0929815
E-mail: koazoj@mail.ru

Новичихин Андрей Михайлович, кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Анапского археологического музея.
353440 Анапа, ул. Набережная, 4. Анапский археологический музей
Тел. 8(86133)46962
E-mail: yazamat03@mail.ru

Остахов Анзор Александрович, кандидат исторических наук, преподаватель истории и обществознания МБОУ «Средняя общеобразовательная школа №5». 184621. Мурманская обл., пгт. Сафоново-1, ЗАТО Североморск, ул. Панина 11А.
Тел. +7 (81537) 4-87-38
E-mail: shkola5_s1@mail.ru

Прокопенко Юрий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры культурологии и искусств Северо-Кавказского федерального университета.
355009, Ставрополь, ул. Пушкина, 1. ФГАОУВПО Северо-Кавказский федеральный университет
Тел.8-928-650-35-26
E-mail: z_proko_15@mail.ru

Фоменко Владимир Александрович, старший научный сотрудник сектора древней истории и археологии КБИГИ, кандидат исторических наук, доцент.
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. 8 (8662) 42-42-74
E-mail: kbigi@mail.ru

Чумичева Ольга Валерьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра восточнохристианской культуры. Проживает в Санкт-Петербурге. 115191. Москва, ул. Б. Тульская, 2 - 672. Научный центр восточно-христианской культуры.
Тел.: +7(495)637-56-33
E-mail: bening@mail.ru

THE AUTHORS OF THIS ISSUE

Bakushev Marat Arturovich, candidate of historical sciences, research associate of LLC "Archeological society of Kuban".

344006. off. 5. Chehov str. 62. Rostov-on-Don, Russia
Tel.: 89885193915
E-mail: bakart@mail.ru

Bgazhnokov Barasbi Hachimovich, Doctor of History, head sector of the ancient history and archeology of the Federal State Budget Scientific Institution «Kabardian-Balkarian Institute for the Humanities Researches».

18 Pushkin street. Nalchik. 360000
Ph. 8 (8662) 42-19-26
E-mail: kbigi@mail.ru

Bubenok Oleg Borisovich, Doctor of History, professor, the head of Eurasian Steppes department of Institute of Oriental Studies named after A.E. Krymsky of NAS of Ukraine (Kiev).

4 Grushevsky Street. Ukraine, Kiev 01001
Ph. +3 (8044) 279-34-40
E-mail: helgebub@i.ua

Burkov Sergey Borisovich, Senior Research Staff of the Department of Archeology of the Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia-Alania.

46, Vatutina Str., the "Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia-Alania", Russian Federation, index 362025
Tel.: +7 9888393473
E-mail: sergeyburkov59@yandex.ru

Kodzoev Nurdin Dautovich, Chief of the Department of the Ancient and Medieval History of Ingushetia in the Ingush Research Institute of Humanitarian Sciences named after Ch.E. Akhriev.

11 Malsagova Str., Magas, Republic of Ingushetia, 386001. Research Institute of Humanitarian Sciences of Ch.E.Akhriev
Tel. +7928 0929815
E-mail: koazoj@mail.ru

Novichikhin Andrey Mikhailovich, candidate of historical sciences, alternate director on the scientific work of the Anapa archaeological Museum.

Naberegnaya Str. 4. Anapa, 353440. Anapa archaeological Museum
Ph. 8(86133)46962
E-mail: yazamat03@mail.ru

Ostakhov Anzor Aleksandrovich, Candidate of History, teacher of history and social science of Municipal Budgetary Educational Institution Secondary school № 5. 11A Panina Street. Safonovo-1 town, Severomorsk restricted area, Murmansk region, 184621

Ph. +7 (81537) 4-87-38
E-mail: shkola5_s1@mail.ru

Prokopenko Yuriy Anatolyevich, Doctor of historical sciences, professor of department of cultural and arts of North-Caucasus Federal University.

1 Pushkin Street. Stavropol. 355009
Ph. 8-928-650-35-26
E-mail: z_proko_15@mail.ru

Fomenko Vladimir Aleksandrovich, Candidate of History, assistant professor, senior researcher of the ancient history and archeology sector of the Federal State Budget Scientific Institution «Kabardian-Balkarian Institute for the Humanities Researches».

18 Pushkin Street. Nalchik. 360000
Ph. 8 (8662) 42-42-74
E-mail: kbigi@mail.ru

Chumicheva Olga Valeryevna, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Center for Eastern Christian Culture. Lives in St. Petersburg. 115191. Moscow, G. Tul'skaya st., 2 – 672. Scientific Center of Eastern Christian Culture

Tel. : +7(495)637-56-33
E-mail: bening@mail.ru

Научное издание

**АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА**

№ 7

Компьютерная верстка
К.М. Шомаховой

Художественное оформление
И.Х. Кушховой

Подписано в печать 04.09.2017
Формат 70x108 $\frac{1}{16}$. Гарнитура Palatino Linotype
Усл. печ. л. 15. Тираж 500 экз. (1-й завод 100). Заказ 191

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ –
филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения
«Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН). 360000, Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел.: (8662) 42-46-97, 42-50-94, <http://www.kbigi.ru>

Отпечатано в Издательском отделе ИГИ КБНЦ РАН

